ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЦУНАМИ

Аналитика событий в Северной Африке и на Ближнем Востоке

Под редакцией
Сергея Кургиняна

Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»

Москва 2011

УДК 327.56
ББК 66.4(0)
К93

К93 ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЦУНАМИ. Аналитика событий в Северной Африке и на Ближнем Востоке
М.: МОФ ЭТЦ, 2011. – 288 с.
ISBN 978-5-7018-0519-2
Авторы: С.Кургинян, Ю.Бялый, А.Кудинова, И.Кургинян, В.Новиков, В.Овчинский, М.Подкопаева, М.Рыжова

В монографии авторского коллектива под руководством Сергея Кургиняна рассматриваются, в историческом контексте и с привлечением широкого фактологического материала, социально-экономические, политические и концептуально-проектные основания беспрецедентной волны «революционных эксцессов» 2011 года в Северной Африке и на Ближнем Востоке.

Анализируются внутренние и внешние конфликтные процессы и другие неявные «пружины», определившие возникновение указанных «революционных эксцессов». А также возможные сценарии развития этих эксцессов как в отношении страновых и региональных перспектив, так и с точки зрения их влияния на будущее глобальное мироустройство.

УДК 327.56
ББК 66.4(0)

Подписано в печать 12.05.2011. Формат 60х90 1/16.
Бумага офсетная №1. Печать офсетная.
Объем. печ.л. Тираж экз. Заказ №

МОФ «ЭТЦ». 123001, г. Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2

Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНИТИ».
140010 Люберцы, Московской обл., Октябрьский пр-кт, 403.
Тел. 554-21-86

ISBN 978-5-7018-0519-2

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I. ПРОЕКТЫ, ИЛИ АНАЛИТИКА ТЕХ НАМЕРЕНИЙ, КОТОРЫЕ РЕАЛИЗУЮТСЯ СЕЙЧАС В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ И НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Глава 1. Хронология крупных массовых выступлений в Северной Африке и на Ближнем Востоке в начале 2011 года

Первый толчок гигантской волне протестов в Северной Африке и на Ближнем Востоке дали выступления в Алжире и Тунисе.

Волнения в Алжире начались, как и тунисские, еще в декабре 2010 года, в связи с подорожанием продовольствия, и продолжались с разной интенсивностью в течение января и февраля 2011 года.

При этом роль спускового крючка для всего макрорегиона сыграли не алжирские выступления, а произошедший на их фоне в середине января политический взрыв в Тунисе.

Тунис – «жасминовая революция»

Сигналом для начала крупных волнений в стране послужило событие в небольшом тунисском городе Сиди Бу Зид.

17 декабря 2010 года в этом городе совершил самосожжение выпускник юридического факультета, вынужденный работать уличным торговцем. После этого на улицы города вышла толпа недовольных экономической политикой президента Бен Али, приведшей к массовой безработице и падению уровня жизни.

18 декабря 2010 года выступления безработных начались в других городах Туниса. К ним присоединились адвокаты и профсоюзы.

При этом большинство экспертов и авторитетных средств массовой информации сходятся во мнении, что важную роль в запуске переворота в Тунисе сыграли секретные материалы с характеристиками правящей верхушки страны, выложенные на сайте WikiLeaks. Так, журнал Foreign Policy назвал произошедшую смену власти в Тунисе «первой революцией WikiLeaks».

Вброс на WikiLeaks произошел именно перед началом волнений. В первой половине декабря 2010 года на сайт была выложена шифротелеграмма, отправленная в июне 2008 года тогдашним послом США в Тунисе Робертом Ф.Годецем. Посол разоблачал коррумпированность семьи тунисского президента Бен Али, ведение ею бизнеса и пренебрежение к закону. Этот вброс, по мнению многих экспертов, подтолкнул к началу уличных забастовок.

Итак, с 10 января 2011 года начались массовые выступления в столице Туниса, переросшие в столкновения с полицией.

12 января закрылись тунисские университеты и стартовала всеобщая забастовка.

14 января военные заняли позиции у президентского дворца, ключевых министерств и международного аэропорта. На всей территории Туниса ввели режим чрезвычайного положения. Полиция начала разгон демонстрантов с применением слезоточивого газа.

В тот же день сообщается, что восставшие блокировали президентский дворец и правительственные здания. Президент Зин Аль-Абидин Бен Али объявил об отставке правительства и бежал в Саудовскую Аравию.

15 января Конституционный совет Туниса лишил Бен Али президентских полномочий. Временным исполняющим обязанности президента был назначен спикер парламента.

В Тунисе мародеры сожгли главный железнодорожный вокзал, разграбили магазины, кафе и крупные торговые центры, дома богатых граждан.

16 января с телеобращением к тунисскому народу выступил ливийский лидер Муаммар Каддафи. Он зая-

вил: «Вы понесли огромную потерю. Нет никого, кто был бы лучше для Туниса, чем Зин». Каддафи добавил, что Бен Али «навсегда останется законным президентом Туниса в соответствии с конституцией».

В Тунисе в этот день от ножевых ранений скончался племянник свергнутого президента.

17 января был обнародован новый состав правительства Туниса. В него вошли представители и правящей, и оппозиционных партий.

18 января четверо из оппозиционных министров нового правительства подали в отставку.

В крупных городах страны тем временем продолжались демонстрации с требованием ухода всех представителей прежнего режима.

20 января были взяты под стражу более 30 родственников свергнутого президента Бен Али. Местное телевидение демонстрировало конфискованные драгоценности, золото и кредитные карты. Счета Бен Али и его окружения были быстро заморожены банками Германии, Франции и Швейцарии.

1 февраля агентство Франс Пресс со ссылкой на представителя ООН сообщило число погибших за время беспорядков в Тунисе – 219 человек.

Параллельно событиям в Тунисе аналогичные выступления начались и в других странах исламского мира, где протестные настроения были взвинчены успехом тунисского переворота.

18 января в Иордании оппозиция совместно с профсоюзами потребовала смещения правительства. Тысячные акции протеста продолжались и в следующие дни.

21 января крупные манифестации состоялись в Иордании и Албании. Акции протеста прошли также в Саудовской Аравии.

22 января в Алжире был разогнан полицией митинг оппозиции. При этом несколько полицейских получили ранения, в том числе тяжелые.

Следующей за этим крупнейшей политической вспышкой на Ближнем Востоке стали события в Египте.

Египет – «революция лотоса»

25 января 2011 года в Египте начались массовые акции протеста. Эта дата получила название «День гнева».

Стоит отметить, что в дальнейшем такая организационная схема была повторена целым рядом ближневосточных государств, где первый этап беспорядков также начинался с проведения «Дня гнева».

26 января более 10 тысяч человек вышли на улицы в Каире и еще нескольких городах Египта с требованиями отставки президента Хосни Мубарака. При столкновениях с полицией уже в первые сутки манифестаций погибли 3 демонстранта, еще около 80 человек было ранено.

Начавшийся большой египетский процесс послужил поддерживающим фоном для следующих новых вспышек беспорядков в странах арабского мира.

26 января 2011 года в одном из городов на юге Йемена была предпринята попытка самосожжения. (И это тоже является одним из повторяющихся элементов в схеме начала выступлений в разных странах. Таким же, как проведение «Дня гнева» и предварительное создание для его организации страницы в сетях Facebook или Twitter.)

Уже 27 января тысячи человек вышли на улицы столицы Йемена Саны с требованием отставки президента Али Абдаллы Салеха.

В этот же день и в столице Ливана Бейруте прошел марш протеста, организованный через Facebook.

27 января появились сообщения о том, что в Каире, Суэце, Александрии задержаны до 800 активистов оппозиции. Стало известно, что в Египет возвращается бывший глава МАГАТЭ Мохаммед аль-Барадеи, возможный претендент на президентский пост. Лига арабских государств призвала египетские власти к проведению реформ, а Евросоюз – к отказу от насилия.

28 января антиправительственные выступления продолжились в Каире, Александрии, Суэце, Эль-Ариш, Луксоре. Толпы протестующих собрались у президентского дворца в Каире. Полиции пришлось применить водометы, слезоточивый газ и резиновые пули. Сообщается, что к протестующим присоединились члены запрещенной организации «Братья-мусульмане». Тем временем в Каир были стянуты армейские подразделения.

Тогда же госсекретарь США Хиллари Клинтон призвала египетские власти и оппозицию воздерживаться от насилия, а президента Мубарака – немедленно начать реформы.

В этот же день в британской The Daily Telegraph вышла статья, распространенная в русскоязычных СМИ под названием «Протесты в Египте: США тайно поддерживали лидеров, стоящих за восстанием» (“Egypt Protests: secret US document discloses support for protesters”). В статье излагалось содержание опубликованной WikiLeaks секретной депеши, отправленной 30 декабря 2008 года послом США в Каире Маргарет Скуби в Вашингтон.

По данным депеши, посол США в Каире поддерживала контакты с молодым египетским диссидентом, который посетил саммит для активистов-оппозиционеров в Нью-Йорке. После своего возвращения в Каир в декабре 2008-го этот активист сообщал американским дипломатам, что объединение оппозиционных групп подготовило план по свержению президента Хосни Мубарака и установлению в 2011 году в Египте демократического режима. В документе посол выражала сомнение в серьезности этого плана.

The Daily Telegraph сообщала также, что в Facebook была создана группа активистов, которая привлекала к сотрудничеству молодых образованных участников и использовала сайты социальных сетей для того, чтобы дирижировать протестами.

Указанный документ, опубликованный WikiLeaks, касался также вопроса о счетах египетской верхушки, которые рекомендовалось использовать как средство давления. В документе говорилось: «xxxxxxxxxx рассказал,

как он пытался убедить своих собеседников в Вашингтоне, что правительство США должно оказать давление на правительство Египта для проведения значительных реформ, пригрозив обнародовать информацию КАИР 00002572002 от 002 о предполагаемых «нелегальных» счетах в оффшорных банках египетских официальных лиц. Он надеялся, что США и международное сообщество заморозят эти банковские счета, как это было со счетами доверенных лиц президента Зимбабве, Мугабе».

В то же время, 28 января, в городах Иордании шел многотысячный «День гнева». На митинге в столице страны Аммане лидер иорданских «Братьев-мусульман» шейх Хаммам Саид призвал к созданию «правительства национального спасения», которое «будет слушать голос масс».

29 января начался митинг протеста в Джидде (в Саудовской Аравии), остановленный, однако, силами правопорядка через 15 минут после открытия. Следует отметить, что Саудовская Аравия оказалась практически единственной страной арабского мира, быстро и резко осудившей происходящее в Египте, а также явную поддержку египетских выступлений со стороны Запада. Арабская пресса писала позднее, что саудовского короля Абдаллу возмутило «предательство» Вашингтона по отношению к Хосни Мубараку. Эта позиция саудовского короля в последующие дни породила волну слухов. Так, в начале февраля посольство Саудовской Аравии в Марокко, где король Абдалла находился на лечении, было вынуждено опровергать ложную информацию о его кончине, которая якобы последовала после телефонного разговора с Бараком Обамой на повышенных тонах по поводу событий в Египте.

29 января Мубарак заявил в телеобращении, что отправил правительство в отставку и пообещал начать реформы. В это время продолжались многотысячные митинги с требованием отставки президента. В Каире и Александрии полиция открыла огонь по демонстрантам, появились первые данные о жертвах – погибло 74 человека, множество раненых.

Днем и ночью на улицах оставались десятки тысяч людей.

30 января стало известно, что из тюрем бежало значительное число заключенных, 34 из них – члены движения «Братья-мусульмане», в том числе задержанные после начала волнений. Еще 8 бежавших – это члены палестинского движения ХАМАС.

1 февраля председатель Объединенного комитета начальников штабов вооруженных сил США адмирал Майк Маллен одобрил поведение египетских военных, которые, как он сказал, «проявляют себя в нынешнем кризисе исключительно хорошо» и не предпринимают попытки подавить антиправительственные манифестации.

В то же время в Египте Мохаммед аль-Барадеи от имени оппозиции обратился к Мубараку с призывом уйти в отставку, чтобы предотвратить продолжение кровопролития. Аль-Барадеи заявил, что Мубарак должен до пятницы, 4 февраля, объявить о сложении полномочий и покинуть страну.

2 февраля начались ответные выступления сторонников Мубарака.

3 февраля продолжились многотысячные протесты на площади Тахрир в Каире. Сообщалось, что по протестующим был открыт огонь, однако данные о стрелявших оказывались противоречивыми. На улицах шли столкновения между противниками и сторонниками президента, которые забрасывали друг друга камнями. Полицейские и военные пытались разделить враждующие стороны.

4 февраля протесты и выступления продолжились. Военные воспрепятствовали продвижению на площадь Тахрир, занятую оппозиционерами, сторонников президента Мубарака.

На площади Тахрир, по данным канала «Аль-Джазира», собралось более миллиона человек, намеревавшихся идти на штурм президентского дворца. Однако многочасовое стояние на площади штурмом не завершилось. Сторонников Мубарака на площадь не допустили, так что около 2 тысяч из них провели манифестацию на площади Мустафы Махмуда.

В этот день к протестующим присоединились некоторые шейхи мечети и медресе Аль-Азхар. В Иране аятолла Али Хаменеи охарактеризовал события в Тунисе и Египте как «исламское пробуждение» и отозвался о них как о продолжении иранской революции. Эта позиция иранского духовного лидера вызвала протест «Братьев-мусульман», которые тем же вечером в официальном заявлении назвали ее порочной.

5 февраля президент США Барак Обама призвал Хосни Мубарака покинуть пост президента Египта. Обама сказал: «Процесс передачи власти должен начаться немедленно. Результатом станут честные выборы, во время подготовки которых не должны ущемляться права египетского народа». В тот же день руководство египетской правящей Национально-демократической партии (НДП) подало в отставку.

По данным ООН, общее число жертв в Египте с начала беспорядков к этому моменту превысило 300 человек.

Одновременно стало известно, что движение «Братья-мусульмане» приступило к переговорам с властями Египта, чтобы «установить, насколько власть готова удовлетворить требования народа». В переговорах, начавшихся 5 февраля, принял участие вице-президент Омар Сулейман.

8 февраля был освобожден после 12-дневного ареста за организацию беспорядков египетский менеджер Google Ваэль Гоним – знаковая фигура «твиттерной революции». Перед началом выступлений в Египте Гоним создал в Facebook страничку, где призывал египтян выходить на улицы. Освободившись из-под ареста, Гоним немедленно дал телеинтервью, послужившее импульсом к новым массовым выступлениям.

9 февраля по Египту прокатилась новая волна антиправительственных демонстраций. На площадь Тахрир в Каире вышли сотни тысяч людей. Ваэль Гоним примкнул к митингующим на площади Тахрир и был встречен там, как герой.

Колонна людей прошла к зданию парламента, обходя бронемашины военных, которые ей не препятствова-

ли. Солдаты угощали детей в колонне митингующих конфетами.

Сообщается, что из египетских тюрем уже бежали тысячи заключенных.

11 февраля стало известно, что Хосни Мубарак передал часть своих полномочий вице-президенту Омару Сулейману. Военные заявили, что поддержат мирный переход власти.

После пятничной молитвы на улицы вышли огромные массы людей с требованием немедленной отставки Мубарака. Во второй половине дня стало известно, что Мубарак сложил с себя полномочия президента Египта, а вся полнота власти передана Высшему совету командования армии страны.

Одновременно Федеральный совет Швейцарии принял решение о замораживании счетов бывшего президента Египта. Совет распорядился, чтобы банки провели поиск средств не только самого Мубарака, но и его окружения и заморозили активы в случае их обнаружения.

Тогда же, 11 февраля, Барак Обама заявил по поводу событий в Египте: «Народ Египта сказал свое слово, его голос был услышан, и Египет уже никогда не будет таким, как прежде. Уйдя в отставку, президент Мубарак ответил на страстное стремление египетского народа к переменам. Однако на этом переход в Египте не заканчивается. Это лишь начало».

Кроме того, Обама сравнил отставку Мубарака с падением Берлинской стены.

В эти дни, переломные для Египта, к уже разгоревшимся очагам протестных выступлений в арабском мире присоединялись новые.

Крупные демонстрации в Йемене вновь состоялись вечером 11 февраля. Люди скандировали: «Вчера Тунис, сегодня Египет, завтра Йемен откроет тюрьму».

12 февраля митинги в поддержку победы египетской «революции лотоса» прошли в Тунисе, Марокко, Йемене, Палестинской автономии. Представители «Хезболлы» в Ливане поздравили Еги-

пет с «великой победой». С аналогичным поздравлением выступил глава МИД Ирана Али Акбар Салехи.

В Алжире в этот же день произошли столкновения демонстрантов с полицией. Выступления протеста продолжались там и в последующие дни, сопровождаясь призывами к свержению президента Бутефлики.

Власти Швейцарии спешно объявили, что счета Хосни Мубарака (на сумму 4 миллиарда долларов) заблокированы.

> Тогда же, 12 февраля, в Египте Высший военный совет запретил 43 бывшим и нынешним членам правительства без специального разрешения покидать территорию Египта.
>
> 13 февраля в Каире началась расчистка площади Тахрир от палаток. Высший военный совет призвал полицию вернуться на свои места.
>
> Далее военный совет распустил парламент, приостановил действие конституции и установил срок в 6 месяцев для подготовки к выборам, в течение которых в стране будет действовать переходное правительство.
>
> 14 февраля после встречи с военными менеджер Google Ваэль Гоним и блоггер Амр Салама сообщили, что Высший военный совет планирует закончить написание новой конституции страны в течение десяти дней.
>
> Тем временем уже появлявшиеся поспешные сообщения о бегстве Мубарака из страны не подтвердились. Выяснилось, что Хосни Мубарак находится в Египте, в Шарм эш-Шейхе.
>
> Тогда же стало известно, что власти Египта обратились к США, Великобритании и Франции с просьбой заморозить счета бывших чиновников администрации Мубарака.
>
> Одновременно на сайте «Братьев-мусульман» появилось сообщение о том, что после отмены запрета на политическую деятельность движением будет сформирована новая партия.

Помимо вышесказанного, этот день отмечен социальными вспышками еще в целом ряде стран Ближнего Востока.

Так, в Йемене 14 февраля прошли демонстрации, сопровождавшиеся столкновениями с полицией и сторонниками йеменского президента.

В течение того же дня антиправительственные выступления начались в Бахрейне, где 1 человек погиб, а 25 получили ранения. (В последующие дни беспорядки в Бахрейне еще усилились и для их подавления были применены полицейские и армейские силы).

В тот же день ушло в отставку правительство Палестинской автономии.

И, наконец, в то же время многочисленные демонстрации оппозиционеров прошли в столице Ирана. В Тегеране выступления начались как выражение солидарности с египетскими и переросли в антиправительственные. Характерно, что вечером того же дня в поддержку иранских выступлений высказалась Хиллари Клинтон, которая заявила: «Разрешите мне со всей ясностью и откровенностью поддержать чаяния людей, которые сегодня вышли на улицы в Иране».

Сразу после переворота в Египте роль ключевого очага нестабильности в арабском мире перешла к Ливии.

Ливия – «Одиссея. Рассвет»

Датой начала массовых акций протеста в Ливии считается 15 февраля 2011 года, когда в крупнейших городах страны (Бенгази, Эль-Байда) начались выступления с требованиями отставки ливийского лидера Муаммара Каддафи.

Уже 16 февраля выступления протестующих привели к столкновениям между сторонниками и противниками правящего режима. В Триполи и Сирте, родном городе Муаммара Каддафи, прошли демонстрации в его поддержку.

В других странах арабского мира параллельно с этим также шли протесты и столкновения.

Так, 17 февраля в столице Бахрейна Манаме в предутренние часы на Жемчужной площади полиция и военные с применением бронетехники разгромили палаточный городок протестующих. Эта акция не остановила волну протестов, так что к середине марта

для наведения порядка в Бахрейн были переброшены около тысячи военнослужащих из Саудовской Аравии и 500 полицейских из Арабских Эмиратов.

В Иордании 18 февраля произошли столкновения противников и сторонников режима.

18 февраля в пяти городах Ливии, включая Триполи, прошел «День гнева».

На следующий день, 19 февраля, появились сведения о том, что в результате разгона митингов в Ливии уже погибли 84 человека. В Бенгази были введены танки, а Каддафи заявил о намерении жестко пресекать любые попытки переворота.

20 февраля столкновения в Бенгази продолжались.

Одновременно 19–20 февраля, после уже знакомых призывов в Facebook, начались демонстрации в Марокко, позже переросшие в массовые погромы в разных частях страны.

21 февраля старший сын Муаммара Каддафи – Саиф аль-Ислам Каддафи – заявил в телеобращении о возможности в стране реформ и предоставления свободы слова, но лишь при сохранении действующей власти. Ливийский лидер Муаммар Каддафи в своем телеобращении призвал народ к борьбе с мятежниками.

22 февраля телеканалы «Аль-Арабия» и «Аль-Джазира» сообщали, что в ливийских населенных пунктах протестующих расстреливают из пулеметов, а ВВС бомбят жилые кварталы Триполи.

Обнародована фетва главы Международного союза мусульманских ученых шейха Юсефа аль-Карадави, где говорилось, что тиран Муаммар Каддафи должен быть казнен за убийство своего народа посредством бомбовых атак.

23 февраля ООН потребовала от Каддафи прекратить боевые действия против собственного народа. В Ливии подал в отставку министр обороны страны, а глава МВД перешел на сторону оппозиции.

24 февраля города Зуара и Тобрук перешли в руки оппозиции. Начались беспорядки в городе Рас-Лануф. Каддафи заявил о том, что протестующие в Ливии служат интересам бен Ладена.

25 февраля стало известно, что Швейцария замораживает банковские счета Каддафи и его приближенных. Одновременно свои посты покинули генпрокурор Ливии и посол Ливии во Франции.

26 февраля сообщено о том, что счета семьи Каддафи заморожены в США. Президент США Барак Обама заявил, что Каддафи представляет «чрезвычайную угрозу национальной безопасности и внешней политике США».

В арабском мире эти известия, знакомые по Тунису и Египту, были сопровождены новыми взрывами беспорядков.

25 февраля тысячные акции протеста прошли в столице Ирака Багдаде. Выдвигалось требование отставки премьер-министра. Протесты сопровождались столкновениями и привели к жертвам.

26–28 февраля акции протеста прошли в Омане и также привели к жертвам. Султан Омана сделал ряд уступок протестующим.

Однако ливийский процесс не пошел по накатанной туниссколегипетской колее.

27 февраля Совет безопасности ООН ввел санкции в отношении Ливии. В страну были запрещены поставки оружия, а для семьи Муаммара Каддафи и его ближайшего окружения закрыт выезд за границу.

Правительство Каддафи сообщило, что повстанцы массово грабят склады оружия. Каддафи приказал открыть военные склады и раздать оружие своим сторонникам. Повстанцами захвачен пригород Триполи Эз-Завия. Телеканал «Аль-Джазира» сообщил, что в Бенгази сформировано переходное правительство – Национальный совет.

1 марта верные Каддафи войска предприняли неудачный штурм Эз-Завии. Каддафи заявил в интервью, что не покинет Ливию.

Американский авианосец «Энтерпрайз», участвовавший в миссии по противодействию морскому пиратству у берегов Сомали, взял курс на Ливию.

2 марта министр обороны США Роберт Гейтс заявил, что в связи с ухудшением обстановки вокруг Ливии Вашингтон направил дополнительные корабли в район Средиземноморья.

Международные СМИ сообщали, что в Ливии идут бои за г.Брега, где расположен нефтеналивной порт и военный аэродром.

3 марта Международный уголовный суд в Гааге огласил список лиц, подозреваемых в репрессиях и нападениях на мирных жителей в Ливии. В списке фигурируют Муаммар Каддафи и ряд высокопоставленных представителей страны.

В тот же день Барак Обама заявил на пресс-конференции в Белом доме, что Каддафи «утратил легитимность и должен уйти».

4 марта ожесточенный бой начался в крупнейшем нефтеналивном порту Ливии, Рас-Лануфе.

5 марта бои с участием танков продолжились в Эз-Завии.

Самопровозглашенный Национальный совет Ливии, созданный оппозиционерами, объявил себя единственным законным представителем страны и ее народа. Совет возглавил экс-министр юстиции Абдель Джалиль.

В последующие дни боевые действия в провинциях Ливии продолжались и стали особенно интенсивными у Эз-Завии и в предместьях Триполи.

На этом фоне оппозиция выдвинула Муаммару Каддафи ультиматум с требованием отдать власть в течение 72 часов в обмен на непреследование.

Первые пять дней марта 2011 года и для Йемена также оказались периодом мощного давления на власть. В течение этих дней продолжались фактически непрерывные манифестации с требованиями отставки президента Йемена Али Абдаллы Салеха. С разной интенсивностью манифестации в Йемене продолжились до конца марта.

Причем президент, не возражая против передачи власти в дальнейшем в «надежные руки» конституционным путем, неизменно отвечал отказом на требования передать власть досрочно.

В ряде городов Ирана в первую мартовскую неделю происходили столкновения протестующих с полицией.

В Саудовской Аравии в эти же дни, после немногочисленных манифестаций небольшой интенсивности, был 5 марта введен запрет на любые акции протеста. Одновременно на восток страны перебрасывались силы правопорядка – числом до 10 тысяч. Показательно, что «День гнева», который был запланирован в королевстве на 11 марта, так и не состоялся.

Но вернемся к Ливии.

9 марта в Ливии продолжались бои за Эз-Завию и Рас-Лануф.

В этот период появляются и получают распространение утверждения очевидцев и экспертов о том, что телекадры и фото с изображением бомбежек жилых кварталов авиацией Каддафи не являются подлинными.

10 марта президент Франции Николя Саркози принял представителей Переходного национального совета Ливии и заявил, что ЕС должен начать с ними переговоры. Позицию Франции поддержали Италия, Португалия и Германия.

Одновременно Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) объявил, что считает действующий режим в Ливии незаконным и заявляет о необходимости поддерживать связи с оппозиционным Национальным советом.

В Ливии войска Каддафи заняли г.Рас-Лануф.

11 марта ливийская армия заняла г.Эз-Завия.

12 марта стало известно, что войска Каддафи приближаются к Бенгази.

13 марта главы МИД стран Лиги арабских государств обратились в СБ ООН с призывом закрыть воздушное пространство Ливии.

15 марта главы МИД стран G-8 призвали СБ ООН усилить давление на режим Каддафи.

16 марта сын Муаммара Каддафи – Сейф Аль-Ислам – заявил в интервью каналу Евроньюс по поводу наступления правительственных войск на Бенгази: «Через 48 часов все будет кончено». И добавил: «Пусть Саркози… отдаст те деньги, которые он взял у Ливии для финансирования своей предвыборной кампании. Это мы финансировали его кампанию, у нас есть все доказательства, и мы готовы их представить».

17 марта сторонники Каддафи объявили о своей готовности предоставить «зеленый коридор» желающим сдаться.

В тот же день Совет безопасности ООН принял резолюцию №1973 с требованием немедленного прекращения огня в Ливии и создания в стране бесполетной зоны. Воздержались Германия, Россия, КНР, Индия, Бразилия.

В резолюции, в частности, говорится: «Совет безопасности (…) уполномочивает государства-члены, которые уведомили Генерального секретаря, действуя самостоятельно или через региональные организации или соглашения и действуя в сотрудничестве с Генеральным секретарем, принимать все необходимые меры (…) для защиты гражданского населения и мест его проживания, находящихся под угрозой нападения, в Ливийской Арабской Джамахирии, включая Бенгази, но исключая при этом возможность пребывания иностранных оккупационных сил в любой форме на любой части ливийской территории».

19 марта Франция объявила, что уже в ближайшие часы может начаться военная операция против Каддафи.

Госсекретарь США Хиллари Клинтон сообщила, что США предоставят свои военные возможности для проведения операции в Ливии. Канцлер Германии Ангела Меркель заявила, что Германия готова снять с НАТО нагрузку в Афганистане, чтобы освободить силы альянса для операции в Ливии.

Вечером того же дня ВВС Франции нанесли удары по позициям войск Каддафи. Затем с американских кораблей в Средиземном море было выпущено более сотни

ракет «Томагавк». Правительство Каддафи заявило, что при бомбардировках коалиция убивает мирных жителей страны.

В коалицию вошли США, Великобритания, Франция, Италия, Канада и Испания. Присоединиться готовились Дания, Норвегия и Катар. Начавшаяся военная операция получила название «Одиссея. Рассвет».

20 марта генсек Лиги арабских государств Амр Муса заявил в связи с началом операции: «То, что произошло в Ливии, не соответствует заявленным нами целям. Мы просили закрытия воздушного пространства и защиты населения, а не бомбардировки гражданских».

21 марта Муаммар Каддафи выступил с заявлением: «Мы готовимся к долгой войне на огромной территории, где вы воевать не умеете».

В этот день по укреплениям сторонников Каддафи было выпущено более 100 крылатых ракет и сброшено 45 тяжелых бомб. Как сообщило военное командование США, основными целями стали объекты ливийской ПВО. Ливийское гостелевидение утверждало, что под удары попадают жилые районы и уже есть десятки погибших.

Глава Пентагона Роберт Гейтс заявил, что в ближайшие дни руководство операцией будет передано европейцам. По словам представителя Госдепа США Марка Тонера, конечной целью коалиции является свержение Муаммара Каддафи.

События в Ливии сопровождались новыми вспышками волнений в странах Ближнего и Среднего Востока.

20 марта в Пакистане произошли вооруженные столкновения между пропуштунской Народной национальной партией и «Объединенным национальным движением» мухаджиров. Погибли 18 человек.

21 марта протесты не утихали в Сирии, Йемене, а также в Турции, где празднование Навруза сопровождалось демонстрациями курдов и столкновениями с полицией.

Ночью 22 марта самолеты коалиции атаковали Триполи, выполнив 80 боевых вылетов. СМИ сообщали, что

Италия настойчиво требует передачи командования операцией НАТО.

В ночь на 23 марта Муаммар Каддафи выступил перед своими сторонниками с балкона одной из резиденций. Он заявил, что на Ливию напала «кучка фашистов», которая в итоге окажется «на помойке истории».

23 марта коалиция нанесла удары по позициям войск Каддафи в районе Мисураты. К этому моменту в ливийской операции участвовало 13 государств.

24 марта стало известно, что за сутки самолеты коалиции совершили 175 вылетов, причем 113 из них сделаны американскими летчиками.

25 марта беспорядки с новой силой вспыхнули в столице Иордании Аммане, где на площади перед зданием МВД произошла массовая драка противников и сторонников режима.

Одной из последних к марафону антиправительственных выступлений присоединилась Сирия. В этой стране начало акций протеста было запланировано еще на первую неделю февраля и, как и в большинстве случаев, организовывалось через Facebook. Однако «День гнева» 4 февраля не состоялся, и демонстрации оказались отсрочены более чем на месяц. Протесты в Дамаске и Алеппо с требованием реформ начались 15 марта. В сирийском городе Дераа тысячи протестующих выступали против правящей партии БААС и требовали политических свобод.

В последующие дни движение протеста в Сирии не стихало и к концу марта получило название «Сирийская весна».

Однозначную оценку идущему в исламском мире процессу дал глава Международного союза мусульманских ученых шейх Юсеф аль-Карадави, один из харизматических лидеров современного исламизма, близкий «Братьям-мусульманам». В своей пятничной проповеди 25 марта аль-Карадави заявил, что «арабские революции – это дар Всевышнего». Кроме того, он выразил удовлетворение тем, что «паровоз революции докатился до Сирии».

26 марта прозвучали первые цифры погибших в столкновениях с сирийскими силами правопорядка. По данным организации «Международная амнистия», в городах Сирии (Дамаске, Дераа, Санамейне, Хомсе) погибло не менее 55 человек. По данным ООН, только в Дераа погибло 37 человек.

Президент Йемена Али Абдалла Салех 26 марта подтвердил готовность передать властные полномочия вице-президенту генерал-майору Абд Раббу Мансуру Хади и покинуть пост в течение 60 дней при условии гарантий неприкосновенности его самого и его родственников.

Есть ли у вышеописанной зоны политических кризисов в Северной Африке и на Ближнем Востоке перспективы расширения внутри арабского мира? Безусловно, есть. Так, например, в конце марта министр информации Израиля Юлий Эдельштейн призвал разработчика и основателя социальной сети Facebook Марка Цукерберга немедленно удалить арабоязычную страницу с призывом к «третьей палестинской интифаде». Обнаружилось, что кнопку «нравится» за три недели существования страницы нажали 293 тысячи человек. А начало антиизраильского восстания, «интифаду», авторы страницы намечали на 15 мая 2011 года.

28 марта мировые СМИ сообщили, что Североатлантический альянс взял на себя командование военной операцией в Ливии. Госсекретарь США Хиллари Клинтон заявила о ливийской военной операции: «…Мы больше не будем оказывать значительного влияния на ее ход».

Сообщается, что ливийские мятежники приближаются к Сирту – родному городу Каддафи, а фронт в целом сдвигается к Триполи.

Президент Франции Николя Саркози и британский премьер Дэвид Кэмерон в совместном заявлении призвали Каддафи уйти, «пока не поздно».

29 марта в Лондоне открылся саммит, посвященный ситуации в Ливии, с участием более 40 министров иностранных дел и руководителей ключевых региональных организаций. Муаммар Каддафи направил участникам лондонского саммита письмо с призывом «к прекращению варварской атаки (сил коалиции) на Ливию». В письме Каддафи сравнил действия сил Запада с военными кампаниями Гитлера во времена Второй мировой войны.

В этот же день войска Каддафи развернули интенсивное наступление и отбросили противника на 160 км на восток страны. При этом фронт был передвинут на 110 км всего за 4 часа.

На следующий день, 30 марта, представитель Переходного национального совета Ливии Иман Бугайги заявил: «Мы вынуждены отступать... Силы коалиции должны немедленно вмешаться».

В тот же день Обама в интервью американским телеканалам не исключил поставок оружия противникам Каддафи.

На фоне этих событий стало известно высказывание Джеймса Ставридиса, верховного главкома объединенными вооруженными силами НАТО в Европе, о Ливии: «Обнаружены следы потенциальных сторонников "Аль-Каиды" и "Хезболлы" среди повстанцев».

31 марта западные СМИ сообщали, что Обамой подписано распоряжение о начале в Ливии секретной операции Соединенных Штатов, направленной на оказание помощи противникам Каддафи. В то же время американские официальные лица заверили, что США, в отличие от Франции и Катара, не будут спешить с признанием Переходного национального совета Ливии.

Осторожность эта неудивительна на фоне распространившейся информации о том, что ливийские мятежники осуществили продажу снарядов с горчичным и нервно-паралитическим газом, украденных с военных складов, организациям ХАМАС и «Хезболла».

Эта информация стоит в одном ряду со сделанным ранее заявлением президента Чада Идриса Деби Итно, по словам которого «Аль-Каида в странах Магриба» уже получила немало оружия в результате грабежей ливийских военных складов. В числе вооружений, попавших в руки «Аль-Каиды», и ракеты «земля–воздух».

1 апреля радиостанция NPR сообщила, что ЦРУ направило на восток Ливии группу своих сотрудников.

4 апреля сообщено, что Италия признала Переходный национальный совет Ливии единственной законной властью в стране. Ранее в Бенгази уже прибыл посол, направленный Францией.

7 апреля началось массовое бегство противников Каддафи из г.Адждабия, называемого также «воротами

Бенгази». Положение усугубилось тем, что авиация НАТО по ошибке нанесла ракетный удар по противникам Каддафи около г.Эль-Брега, так что погибло, по одним данным, 13 человек, а по другим – 45.

11 апреля стало известно, что Муаммар Каддафи готов согласиться с планом мирного урегулирования, предложенным Африканским союзом (условия: прекращение огня, диалог с оппозицией, оказание гуманитарной помощи оппозиции). Оппозиция этот план отвергла, протестуя против возможности сохранения власти Каддафи.

13 апреля сообщено, что Муаммар Каддафи готов уйти в случае передачи власти его сыну Саифу аль-Исламу.

15 апреля 2011 года в газетах The International Herald Tribune, The Times и Le Figaro опубликована статья Барака Обамы, Николя Саркози и Дэвида Кэмерона. В статье лидеры трех стран заявили, что Каддафи должен безоговорочно уйти в отставку без права возвращения на этот пост.

К этому времени процессы в Египте вошли в новую фазу – фазу уголовного преследования свергнутого президента и его семьи.

12 апреля Хосни Мубарак был доставлен в отделение интенсивной терапии больницы Шарм эш-Шейха из-за сердечного приступа во время допроса в прокуратуре.

13 апреля генпрокуратура Египта объявила о задержании Хосни Мубарака на 15 суток. Ему предъявлены обвинения в коррупции, незаконном присвоении госсредств и злоупотреблении властью. Арестованы также его сыновья – Ала Мубарак и Гамал Мубарак. Во время допроса сыновей Хосни Мубарака в Шарм эш-Шейхе толпа демонстрантов требовала расправы над ними.

Ранее Хосни Мубараку и его сыновьям уже были вручены повестки с требованием явиться в суд для дачи показаний по делу о хищениях более чем $700 млрд. госсредств. Супруге Мубарака было рекомендовано вернуть в казну $145 млрд.

Буквально в те же дни, 13–14 апреля, стало известно, что и бывшему президенту Туниса Зин аль-Абидин Бен Али готовятся обвинения по 18 пунктам. В их числе – обвинения в убийствах, заговоре против сил безопасности страны, а также в наркоторгов-

ле. Требование о выдаче Бен Али ранее было направлено в Саудовскую Аравию.

15 апреля египетская «Аль-Ахрам» со ссылкой на заявление председателя каирского апелляционного суда Закарии Шалаша сообщила, что, если будет доказана вина Хосни Мубарака в преднамеренном убийстве, ему может грозить смертная казнь.

16 апреля стало известно, что Высший административный суд Египта принял решение о ликвидации Национально-демократической партии Египта, правившей при Мубараке.

Помимо этой сюжетной линии, новым разворотом в апрельских событиях в арабском мире стало резкое ужесточение противостояния в Сирии. Это противостояние разворачивалось параллельно ливийскому гражданскому противостоянию.

Сирия – «Кровавая пятница» и развитие конфликта

29 марта президент Сирии Башар Асад принял отставку правительства страны. Однако это не снизило в стране накал противостояния, развернувшегося с середины марта.

1–2 апреля продолжались столкновения протестующих с сирийскими силами правопорядка. Очередная волна протестов в Дераа началась после пятничной молитвы 1 апреля, причем полиция не пыталась рассредоточить демонстрантов. Однако уже через сутки правозащитники заявили о 10 погибших. В заявлении пресс-службы американского Белого дома было осуждено применение силы против сирийских «мирных демонстрантов».

Параллельно в Дамаске прошел массовый митинг в поддержку Башара Асада.

3 апреля Госдеп США распространил заявление, в котором рекомендовал семьям американских дипломатов в Сирии покинуть страну.

8 апреля в Сирии продолжались акции протеста, разгоняемые полицией.

9 апреля в Дераа демонстранты сбросили с пьедестала статую бывшего президента. В ответ полиция при-

менила резиновые дубинки, водометы и огнестрельное оружие. Агентство Reuters сообщило о 25 погибших за сутки оппозиционерах. Однако сирийские власти утверждали, что первыми стрелять по полицейским начали боевики в масках. На востоке Сирии прошли акции протеста с участием курдов.

11 апреля антиправительственные выступления прошли в Дамаске – под ставшим постоянным лозунгом «Аллах, свобода, Сирия!» Опорную группу демонстрантов составили студенты университета, собравшиеся через Facebook.

Новый этап интенсивных столкновений начался в Сирии в конце месяца.

22 апреля получило в стране наименование «Кровавой пятницы». Число погибших в этот день составило около 100 человек, как заявили правозащитные организации, сообщившие о расправе над демонстрантами в г.Эзраа. Со своей стороны, официальные сирийские СМИ сообщали о нападениях на госучреждения и горкомы партии БААС в провинциях Хомс, Дамаск и Идлиб, в результате чего погибли 11 полицейских. В Эзраа, по данным информагентства SANA, действовала «вооруженная банда экстремистов, которая атаковала полицейские машины и армейские патрули бутылками с зажигательной смесью». Отмечалось также наличие подстрекателей среди протестующих.

Получил также известность комментарий сирийского академика Тэйиба Тейзини, по мнению которого кризис в Сирии развивается по египетскому сценарию. Тейзини заявил: «Пришли в движение политические процессы, которые приведут к формированию новых арабских обществ».

Соболезнования родным и близким погибших в Сирии выразил президент США Барак Обама.

На этом фоне в Йемене президент страны Али Абдалла Салех 24 апреля принял 30-дневный план передачи власти, разработанный Советом сотрудничества арабских государств Персидского залива и гарантирующий ему неприкосновенность.

25 апреля тяжелые столкновения между властями и мятежниками продолжились в сирийских городах Дераа и Джебла. В окрестности Дамаска, а также городов Джасем, Маадимия, Нава и Энхиль введены войска. Сирийские власти усилили контроль на границах. В этот же день большая группа сирийских деятелей науки и культуры призвала власти начать диалог с оппозиционерами.

29 апреля после пятничной молитвы в стране начался «День гнева». Толпы митингующих из пригородов Дамаска стекались в центр города, где их разгоняли силы полиции. Организаторы демонстрации укрылись в расположенной недалеко старинной мечети. Новые столкновения, приведшие к жертвам, произошли в Дераа и Латакии.

30 апреля продолжились беспорядки и столкновения. Протестующие уничтожали баннеры с изображениями Башара Асада и требовали его отставки. Полиция применяла силу, пытаясь остановить погромы. Массовые акции протеста прошли в Дамаске и Баниясе. В Дераа штурмом взята мечеть Аль-Омари, опорная точка мятежников.

Описав ожесточенные столкновения в Сирии в конце апреля, вернемся к рассмотрению событий, происходивших в это же время в Ливии.

22 апреля в г. Бенгази прилетел сенатор-республиканец Джон Маккейн, который назвал ливийских оппозиционеров героями и заявил о необходимости более активной помощи США для свержения Каддафи.

23 апреля правительственные войска получили приказ оставить г. Мисурата, за который шли бои в последние дни. Одновременно началось вооружение местных племен.

В последующие дни появились сведения о готовящейся наземной операции Евросоюза в Ливии. Об этом писала газета «Бильд». Кроме того, глава МИД Великобритании Уильям Хейг заявил, что в рамках операции НАТО целью уничтожения может стать Муаммар Каддафи, поскольку «люди могут становиться целями в зависимости от того, как они себя ведут».

28 апреля в Мисурате под огнем НАТО погибли еще 11 противников Каддафи.

На следующий день Мисурата была отбита правительственными войсками.

29 апреля произошел военный инцидент нового рода – столкновения между войсками Ливии и Туниса, на территорию которого отступили ливийские мятежники. Информагентства сообщали, что ливийские войска, преследуя противника, вторглись на тунисскую территорию, причем перестрелки происходили по всей длине границы. Тунисские войска, стянутые к границе, вытеснили сторонников Каддафи со своей территории.

30 апреля Каддафи выступил с телеобращением, в котором заявил о готовности прекратить боевые действия в случае, если оппозиция сложит оружие, а НАТО прекратит бомбардировки. В ответ ударом с воздуха был снесен соседний с телестудией дом.

1 мая стало известно, что в результате ракетного удара по одному из домов в Триполи погибли Сейф аль Араб, младший сын Муаммара Каддафи, и трое его внуков. Сам Муаммар Каддафи, находившийся поблизости, избежал гибели. В НАТО заявили, что бомбили исключительно военные объекты.

Боевые действия к этому моменту переместились на запад Ливии, близ границы с Тунисом. Части Каддафи взяли под контроль несколько пограничных переходов, ранее находившихся в руках мятежников.

И, наконец, произошло событие особого рода, имеющее немалое значение для процессов, идущих во всем арабском мире и не только там.

2 мая все мировые СМИ сообщили, что в жилом доме в пригороде Исламабада американским спецназом был уничтожен лидер «Аль-Каиды», террорист №1, Усама бен Ладен. За операцией уничтожения бен Ладена по прямой видеосвязи наблюдал лично Барак Обама, который затем заявил: «Это хороший день для Америки. Наша страна сдержала обещание добиваться правосудия. Мир стал безопасней после смерти Усамы бен Ладена».

Многие эксперты тем не менее указали на то, что подлинность фотографии убитого террориста вызывает сомнения. Самого бен Ладена быстро – в течение 24 часов после гибели – похоронили. Его тело было спущено в воды Аравийского моря. Скептиков удивила также скорость, с которой был проведен тест ДНК, подтвердивший личность убитого.

Однако вне зависимости от реального содержания американской операции, по результатам которой бен Ладен был объявлен

уничтоженным, очевидно, что перелистывается страница десятилетних отношений Запада со странами исламского мира. А также отношений непосредственно США с радикальным исламом. Представляется высоковероятным, что после объявления о смерти бен Ладена процессы на Ближнем Востоке и в Северной Африке вступят в новую фазу.

Признаки этих перемен стали заметны уже в конце апреля – начале мая 2011 года. К ним, например, можно отнести объявление о примирении между собой палестинских организаций ФАТХ и ХАМАС. Церемония этого примирения торжественно прошла в Каире 4 мая.

Глава 2. Проект «Большой Ближний Восток»

Итак, на наших глазах многие государства Северной Африки и Ближнего Востока почти синхронно оказались охвачены бурными событиями. Событиями, ведущими (а в ряде стран уже приведшими) к крупномасштабным переменам.

Возникает закономерный вопрос: что происходит?

Некоторые аналитики говорят сегодня о разогреве макрорегиона, который часто называют «Большой исламской дугой».

Считаем нужным подчеркнуть, что мы живем в эпоху национальных государств. И что в XXI веке уже нельзя говорить об абсолютной приверженности всего населения страны к той или иной мировой религии. Потому что в любой стране есть светские люди и есть люди с разным вероисповеданием. В том же Египте, приковавшем к себе внимание всего мира, есть мусульмане и христиане-копты, а еще есть светские люди, говорящие: «Мы не христиане, мы не мусульмане, мы египтяне».

Безусловно, есть и государства, подчеркивающие свой политико-религиозный характер, – такие, как Иран и Саудовская Аравия. Однако они в меньшинстве. Но Египет, Тунис, Алжир и ряд других стран – это национальные государства.

А раз так, назовем все эти страны «государствами, в которых бóльшая часть населения исповедует ислам» – великую мировую религию.

Совокупность таких государств слагается в географически непрерывную, огромную зону, простирающуюся от Марокко до Ма-

лайзии и Индонезии. В эту зону входят Марокко, Алжир, Тунис, Египет, государства Персидского залива, Сирия, Палестина, Турция, Ирак, Иран, Афганистан, Пакистан, Малайзия, Индонезия.

К исламу тяготеют и народы Средней Азии, и Азербайджан. В России население, в разной степени ориентированное на ислам, преобладает в Башкирии, Татарии, на Северном Кавказе.

К исламу тяготеют 150 млн. индийского населения, сосредоточенного в основном на Севере Индии, на границе с Пакистаном, который настаивает на своей исламской политико-религиозной государственной идентичности.

Посмотрите на карту – и вы увидите, что термин «Большая исламская дуга» имеет право на существование, разумеется, со всеми сделанными нами оговорками.

Итак, идет ли речь о разогреве «Большой исламской дуги»? Такая гипотеза имеет право на существование, поскольку есть прецедент. В 70-е – 80-е годы XX века мы уже сталкивались с попыткой США (и Запада в целом) создать «исламскую дугу нестабильности». То есть дестабилизировать ряд стран ближневосточного региона в расчете на то, что «дестабилизирующий импульс» затронет и мусульманское население СССР. И таким образом главный геополитический противник будет ослаблен.

Но, может быть, сейчас речь идет о чем-то большем, нежели разогрев региона с преимущественно исламским населением, – об очередном этапе глобального переустройства мира?

Как минимум, речь идет об очень острых процессах, уже охвативших существенную часть «Большой исламской дуги». И здесь крайне важным представляется то, что границы макрорегиона, в котором сегодня разворачиваются эти острые процессы, фактически совпадают с границами макрорегиона, коренную реконструкцию которого США предлагали осуществить еще в 2003–2004 гг. Тогда это называлось «проектом реконструкции Большого Ближнего Востока».

Предлагаем вспомнить, о чем шла речь. Это даст нам возможность лучше понять день сегодняшний. Но прежде чем перейти к рассмотрению проекта «Большой Ближний Восток», оговорим, что для обсуждения интересующей нас проблемы важно выбрать правильный язык.

Как нам представляется, единственно верный путь – обсуждать проблему на языке аналитическом.

Столь часто звучащий сегодня вопрос «стоят ли США за спиной событий, происходящих в регионе?» сформулирован на языке конспирологии. И пусть этот вопрос обсуждают конспирологи.

Вопрос «была ли у США мотивация, чтобы избавиться от Бен Али или от Мубарака?» сформулирован на языке психологии. Обсуждать мотивы поведения – удел психологов.

На аналитическом же языке основной вопрос может быть сформулирован так: «Была ли со стороны США оказана поддержка оппозиционным силам, стремящимся к свержению египетских, тунисских и других государственных руководителей, демонтажу египетских, тунисских и других политических систем, и так далее?»

Часть экспертного сообщества высказала твердое убеждение, что Запад не оказывал оппозиции никакой поддержки. Не было неофициальной поддержки со стороны негосударственных, но влиятельных сил. И тем более не было прямой государственной поддержки – тех же США, например.

А что если поддержка была?

Постараемся не навязывать читателю оценочных суждений и предоставим ему возможность ознакомиться, прежде всего, с высказываниями высоких официальных лиц США относительно их планов и видов на ближневосточный регион.

Во времена «холодной войны» Ближний Восток рассматривался США как регион, играющий крайне важную роль в «сдерживании СССР». По мнению ряда американских стратегов, советское проникновение в регион могло бы привести к «драматическому изменению мирового баланса сил», а установление советского контроля над ближневосточной нефтью нанесло бы «серьезный удар по экономике свободного мира».

В этот период Запад поддерживал на Ближнем Востоке «дружественных тиранов». Этот же курс был продолжен и после окончания «холодной войны». Ибо на смену «коммунистическому врагу» пришел новый враг – «международный терроризм». И в течение некоторого времени администрация США сохраняла толерантное отношение к тем авторитарным ближневосточным лидерам, которые проявили лояльность к США в ходе войны с терроризмом, объявленной Джорджем Бушем после событий 11 сентября 2001 года.

В октябре 2001 года США начали боевые действия в Афганистане против режима талибов.

К началу 2002 года талибы потерпели поражение и были отстранены от власти.

20 марта 2003 года началась военная операция в Ираке.

9 апреля 2003 года был взят Багдад. Американская администрация заявила, что в Ираке будет установлена демократия, после чего эта страна станет образцом по трансформации всех потенциально опасных режимов региона.

Ровно через месяц после взятия Багдада, 9 мая 2003 года, Джордж Буш-младший, выступая перед выпускниками университета Южной Каролины, заявил о намерении *«создать в течение десяти лет зону свободной торговли между США и Ближним Востоком»*. Это позволило бы странам арабского мира *«расширить круг возможностей»* в сфере экономики и торговли. Буш подчеркнул, что США стремятся к миру в регионе и к тому, чтобы *«заменить старую ненависть новыми надеждами»*. Создание зоны свободной торговли позволит странам Ближнего Востока снизить зависимость от конъюнктуры нефтяного рынка и даст возможность для дальнейшего экономического роста. *«Сменив коррупцию и корыстные сделки на свободные рынки и справедливые законы, народы Ближнего Востока приумножат процветание и свободу»,* – сказал Буш[1].

6 ноября 2003 года Джордж Буш произнес в Национальном Фонде Демократии программную речь о «новой внешней политике» Соединенных Штатов Америки в ближневосточном регионе – *«глобальной демократической революции»*. Именно это выступление Буша многие эксперты считают первым внятным изложением американской концепции «Большого Ближнего Востока».

Место, выбранное Бушем для выступления, далеко не случайно – Национальный Фонд Демократии был создан в 1983 году президентом США Рональдом Рейганом и американским Конгрессом «для укрепления демократических институтов во всем мире через воздействие на неправительственные институты». Возможно, факт выступления Буша в столь знаковом месте оказал определенное влияние на восприятие его речи. Во всяком случае, СМИ запестрели сравнениями речи Буша с выступлением Рональда Рейгана в июне 1982 года. Тогда Рейган говорил о странах Восточной Европы, страдающих под пятой коммунизма.

Размышляя об эпохе «холодной войны», Буш заметил: *«Мы были источником вдохновения для угнетенных народов. В лагерях, на подпольных профсоюзных собраниях и тайных молебнах люди знали, что есть в мире страны, избавленные от кошмара, который переживают они. Они знали, что есть по крайней мере одна страна – земля света и надежды, – где свобода ценится и гарантируется. И они молились, чтобы Америка о них не забыла, и не забыла о своей миссии – распространять свободу во всем мире»*[2].

Собственно говоря, идея особой американской миссии, заключающейся в распространении свободы и демократии по всему миру, не нова. Это подчеркнул и сам Буш, сравнив свою ближневосточную доктрину с «Четырнадцатью пунктами» Вудро Вильсона и «Четырьмя свободами» Франклина Д. Рузвельта.

А теперь – главное. Буш заявил, что Вашингтон *«взял на вооружение новую политику и следует стратегии расширения свободы на Ближнем Востоке»*. Президент США выразил уверенность, что *«иракская демократия победит»* и что *«создание свободного Ирака в самом центре Ближнего Востока станет переломным моментом глобальной демократической революции»*. Фактически, именно в этой речи Буш впервые объявил о радикальной смене того курса, которым США следовали в течение последних шести десятилетий: *«60 лет западные страны мирились с отсутствием свободы на Ближнем Востоке, но это не обеспечило нам безопасность, ибо, в конечном счете, стабильность нельзя купить ценой несвободы»*[3].

Президент США высказал критику в адрес Ирана, правительство Сирии сравнил с режимом Саддама Хусейна. Выставляя Иран нелегитимным с точки зрения демократии государством, Буш в то же время похвалил за сдвиги в области демократии Египет, Оман, Бахрейн, Саудовскую Аравию и Кувейт.

Кроме того Буш выразил убеждение, что *«успеха добивается общество, которое приватизирует экономику и обеспечивает права собственности»*[4].

В тот же день, 6 ноября 2003 года, Кондолиза Райс – советник президента США по национальной безопасности – прокомментировала выступление Буша. По ее словам, в прошлом внешняя политика США в ближневосточном регионе была обусловлена «холодной войной»: американцам приходилось закрывать глаза на то, что диктаторы творят внутри своих стран, если

эти диктаторы придерживались проамериканских позиций. Но теперь президент США пришел к выводу, что политика поддержки авторитарных режимов во имя стабильности и безопасности не оправдала себя, поскольку привела к ухудшению обстановки в регионе.

Итак, впервые концепция того, что впоследствии будет названо «Большим Ближним Востоком», была озвучена 6 ноября 2003 года.

Географически под Большим Ближним Востоком подразумевалась обширная территория государств с преобладающим мусульманским населением: от Марокко до Пакистана включительно и от Турции до Судана.

Заявленная цель проекта состояла в распространении демократии и экономических свобод – в противовес распространению исламского фундаментализма. Странам, вставшим на «правильный» путь политических и экономических реформ, США были готовы оказывать финансовую поддержку.

Но по большому счету речь шла о том, что силовые действия в Ираке, мягко говоря, не способствовали росту симпатий к США в мусульманском мире. А потому США считали необходимым «ввести в берега» не только исламских фундаменталистов, но и макрорегион в целом, установив в странах этого макрорегиона лояльные к США демократии.

В соответствии с проектом, ставкой американцев и их союзников должны были стать местные «реформаторские силы» (которые в ряде стран к тому же нужно было еще вырастить): независимые комиссии по наблюдению за выборами, адвокатские конторы, группы правозащитников и «иные независимые группы интересов». Также подразумевалась помощь «реформаторским силам» в подготовке и проведении «свободных справедливых выборов», в разработке законодательства и обучении парламентариев, в перестройке системы образования. Особое место в проекте отводилось поддержке женского движения. Большое значение придавалось созданию в регионе новых средств массовой информации как «локомотива идей» (соответственно не принадлежащих государственным или окологосударственным структурам).

В проекте предусматривалась и экономическая либерализация: высвобождение частной инициативы малого и среднего бизнеса, сокращение госрегулирования и т.п.

Как отметили многие аналитики, ознакомление с инициативой «Большой Ближний Восток» оставляло впечатление, что основные положения этой инициативы скопированы с широкомасштабных реформ, проведенных в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы.

Чаще всего в качестве автора идеи «Большого Ближнего Востока» упоминается Кондолиза Райс – в то время советник президента Буша по национальной безопасности. Однако правильнее, наверное, говорить о коллективном авторстве. В различных источниках в числе авторов концепции «Большого Ближнего Востока», помимо К.Райс, упоминаются имена Г.Киссинджера, Д.Рамсфельда, Р.Чейни, Р.Пёрла, П.Вулфовица, М.Гроссмана и других американских политологов и чиновников.

Разработчики проекта указывали, что, анализируя сложившуюся в арабском регионе ситуацию, они опирались на доклады «О человеческом развитии» и «О человеческом развитии в арабском мире», представленные ООН в 2002–2003 гг.

Приведенные в этих докладах данные свидетельствовали о том, что ситуация в регионе крайне тяжела. Совокупный ВВП всех 22 арабских стран (531,2 млрд. долларов) меньше, чем ВВП одной Испании (595,5 млрд.). В последние два десятилетия рост доходов на душу населения в регионе застыл на нуле, тогда как в других развивающихся странах с сопоставимой экономикой он составил в среднем 3%. Доля арабских стран в мировой торговле с 1981 по 2002 год упала с 9,6 до 3,2% (а это значит, что регион слабо интегрирован в мировую экономику).

Одна из основополагающих негативных характеристик региона – крайняя неравномерность распределения доходов (от 335 долларов на душу населения в Мавритании до 30 тысяч в Катаре). Другие негативные характеристики: неуклонное сокращение объема иностранных инвестиций, снижение производительности труда, рост безработицы (благодаря чему молодежь становится потенциальным резервом для вербовки террористов), низкий уровень образования, слабое развитие каналов информационной коммуникации. Мало того – данный неблагополучный и взрывоопасный регион является еще и мощной демографической бомбой: по прогнозам, к 2020 году здесь будет проживать 450 млн. человек!

По мнению авторов проекта, совокупность всех этих негативных факторов требовала незамедлительных действий, в против-

ном случае экстремизм, терроризм, международная преступность и нелегальная миграция получат еще большее распространение.

В январе 2004 года вице-президент США Ричард Чейни заявил на саммите экономической элиты в Давосе: *«Помощь народам Большого Ближнего Востока в преодолении дефицита свободы является, в конечном счете, ключом к победе в широкой войне с террором»*[5].

Вашингтон начал активную кампанию по разъяснению лидерам ближневосточных государств и партнерам США по G-8 и НАТО своего нового взгляда на будущее макрорегиона.

В марте 2004 года заместитель госсекретаря США Марк Гроссман и сам госсекретарь Колин Пауэлл совершили с этой целью турне по многим арабским странам. Гроссман также посетил Турцию и встретился в Брюсселе с министрами иностранных дел Евросоюза.

Реакция большинства арабских лидеров на американскую инициативу оказалась негативной. **При этом основными противниками проекта стали ключевые союзники США в регионе – Египет и Саудовская Аравия**. Власти этих стран заявили, что Запад не имеет права навязывать им свои ценности, поскольку это претит арабскому менталитету; реформы необходимы, но инициатива должна исходить изнутри, а не извне. А президент Сирии Башар Асад указал, что *«не может быть развития и демократии в условиях войны и существования политических проблем и никто не только в Сирии, но и во всем регионе не верит в американскую инициативу»*[6].

В чем состояли ключевые претензии политической элиты арабских стран?

Первая претензия – проект «Большой Ближний Восток» есть вмешательство во внутренние дела стран региона.

Вторая претензия – в проекте «Большой Ближний Восток» ничего не сказано о необходимости разрешения арабо-израильского конфликта, хотя именно нерешенность этой проблемы – главная причина нестабильности в регионе. И никакие затраты на демократизацию, экономические или социальные реформы не принесут результатов, пока палестинский вопрос не будет разрешен. Ряд арабских критиков пошел еще дальше и напрямую обвинил Вашингтон в том, что проект реконструкции Ближнего Востока призван обеспечить интересы Израиля и США в регионе.

Третья претензия – намерение США «положить в одну корзину» под названием «Большой Ближний Восток» столь различ-

ные северо-африканский и ближневосточный регионы. Ливийский лидер Муаммар Каддафи заявил, что *«Арабский Магриб не имеет никакого отношения к тому, что делается на Ближнем Востоке»*[7]. Французская Le Monde Diplomatique в апреле 2004 года отметила: *«...помимо арабских стран, этот план покрывает Афганистан, Иран, Пакистан, Турцию и Израиль, чей единственный общий знаменатель только в том, что они лежат в зоне, где враждебность к США является самой сильной и в которой исламский фундаментализм в его антизападной форме является самым распространенным»*[8].

Четвертая претензия – проект, нацеленный на построение нового Ближнего Востока, дружественного американцам, с ходу делит арабские страны на «хорошие» и «плохие».

Наконец, определенное опасение в арабском мире вызвало и напрашивающееся сравнение основных посылов новой ближневосточной инициативы Буша и Хельсинкского акта, подписанного в 1975 году. Проект «Большой Ближний Восток», как и Хельсинкский акт, увязывал политическое и экономическое сотрудничество с демократизацией и уважением прав человека. К чему привело в итоге Москву и страны Варшавского блока обязательство соблюдать права человека на своих территориях – всем известно. Некоторые эксперты высказали предположение, что сработавшая тогда формула «если авторитарная система открывается миру, она рушится», безусловно, сработает и в отношении авторитарных режимов стран северо-африканского и ближневосточного регионов.

29 марта 2004 года в столице Туниса должен был начаться двухдневный саммит Лиги арабских государств. Однако 27 марта 2004 года президент страны Зин Аль-Абидин Бен Али объявил, что саммит сорван. Причина срыва – острые разногласия между странами-участницами саммита по поводу реформ, которых требует от арабского мира администрация США. Как сообщил госминистр иностранных дел Туниса Хатем Бен Салем, *«арабы не смогли использовать шанс предстать перед миром большим цивилизованным сообществом»* и не выработали единую позицию в вопросах, имеющих *«огромное значение для модернизации и развития своих стран»*[9].

17 мая 2004 года советник президента США по национальной безопасности Кондолиза Райс прибыла в Берлин, где встретилась

с членами палестинской администрации. На встрече обсуждался, в частности, проект «Большой Ближний Восток».

Как сообщил на условиях анонимности высокопоставленный сотрудник американской администрации, сопровождавший Райс в поездке, *«палестинцы заявляют, что они готовы строить демократию»*. Однако, по мнению американской стороны, сначала нужно создать соответствующие институты безопасности: *«Палестинцев нужно по-новому организовать, обучить, перевооружить, чтобы затем они сами обеспечивали безопасность Палестины, в том числе уничтожение террористов... Теперь мы подходим иначе, чем раньше: сначала создание институтов, потом создание государства, а не наоборот»*[10]. По словам американца, вслед за созданием институтов начнутся экономические и политические реформы, в регион пойдут деньги от ЕС и международных организаций. Сторонники Арафата увидят, что мир, процветание, безопасность и демократия связаны с новыми фигурами, и Арафат потеряет поддержку.

В этот же день на встрече с журналистами Кондолиза Райс, отвечая на вопрос корреспондента российской газеты «Известия», заявила, что американцы меняют курс, которого придерживались десятилетиями: *«Наша страна 60 лет так подходила к режимам: он авторитарный, но стабильный... И что мы получили? Усаму бен Ладена и "Аль-Каиду". И 11 сентября. Это не стабильность, это раковая опухоль, которая расползается дальше... Если вспомнить период после Второй мировой войны, то Трумэн, Аденауэр сосредоточились именно на демократических ценностях. И Европе было обеспечено процветание. Мы пытаемся делать нечто похожее на Ближнем Востоке»*[11].

22–23 мая 2004 года в Тунисе, наконец, состоялся саммит Лиги арабских государств (ЛАГ), сорванный в марте. На нем, в частности, была представлена «арабская программа» реформирования региона, выдвинутая Египтом, Саудовской Аравией и Сирией в противовес американской инициативе. Основные положения этой программы свелись к следующему:

– реформирование должно осуществляться арабскими странами «изнутри», с учетом особенностей каждой страны и притом постепенно – во избежание дестабилизации обстановки;

– реформирование должно служить интересам региона, а не интересам сторонних сил;

– успешное реформирование возможно только в случае разрешения арабо-израильского конфликта;

– нельзя допустить, чтобы плодами реформ воспользовались религиозные экстремистские группировки.

На саммите Хосни Мубарак предложил создать так называемый Межарабский механизм контроля, координации и консультаций. Этот орган: а) позволил бы в ходе постоянного диалога в рамках ЛАГ выработать общую позицию по вопросам реформирования арабского мира и б) не дал бы крупным мировым державам вмешиваться во внутренние дела стран Ближнего Востока под предлогом проведения там реформ. Однако президенты Сирии и Туниса сочли это предложение Мубарака «неясным». В результате египетский президент демонстративно покинул саммит.

«Неординарным» назвали СМИ выступление на тунисском саммите президента Ливана Эмиля Лахуда, поддержанное Сирией. Лахуд заявил, что *«объединенный арабский лагерь должен противостоять Израилю и США»*. По его мнению, *«сегодня Израиль руководит Соединенными Штатами, а не наоборот, что создает угрозу не только для Ближнего Востока, но и для самих США»*. Ливанский президент подчеркнул, что вся затея с планами реконструкции Ближнего Востока имеет целью *«отвлечь внимание мирового содружества от того, что делается на палестинских территориях»*[12].

Таким образом, добиться «межарабского согласия» на саммите ЛАГ в Тунисе не удалось. Добавим, что в нем приняли участие только 13 арабских глав государств из 22. А на заключительном заседании присутствовало лишь 7 арабских лидеров.

Между тем полномасштабная презентация проекта «Большой Ближний Восток» была намечена на июнь 2004 года. Перед саммитом G-8 Вашингтон выпустил рабочий документ «Партнерство G-8 и Большого Ближнего Востока». В разделе под названием «Экономические возможности» содержался призыв Вашингтона к *«экономическим преобразованиям, аналогичным по величине тем, которые были предприняты бывшими коммунистическими странами Центральной и Восточной Европы»*.

В документе, в частности, утверждалось, что путь к процветанию и демократии лежит через укрепление частного сектора и что благодаря микрофинансированию *«всего за 100 млн. долларов в год в течение пяти лет из нищеты поднимутся 1200 тысяч предпринимателей*

(750 000 из них женщины) с помощью 400 долларов кредита каждому». План США предусматривал передачу региональных банковских и финансовых дел в новые международные институты.

9 июня 2004 года на острове Си-Айленд (США, Джорджия) началась встреча глав стран G-8. К удивлению многих наблюдателей, в числе гостей саммита не оказалось лидеров **Египта, Саудовской Аравии, Туниса и Кувейта** (то есть ключевых стран региона, судьбу которого предполагалось на этом саммите обсудить), хотя их официально пригласили. Главы нескольких «нежелательных» стран региона на саммит позваны не были. Как сообщали СМИ, также не были приглашены и лидеры Марокко и Катара, хотя этими странами «Вашингтон доволен». В итоге обсуждаемый регион был представлен лишь главами **Афганистана, Бахрейна, Иордании, Турции, Йемена и Ирака.**

К началу саммита G-8 содержание проекта «Большой Ближний Восток» несколько изменилось. Например, исчезла идея создания на Западе консультативного центра в области шариатского права. Кроме того, европейские страны выразили мнение, что нельзя искусственно соединять в рамках «Большого Ближнего Востока» столь разные страны, как Афганистан, Пакистан, страны Персидского залива и Арабского Магриба. В результате дискуссий американская инициатива получила название «Расширенный Ближний Восток и Северная Африка».

В ходе саммита выяснилось, что инициатива США не нашла горячей поддержки даже у тех, на кого американцы могли рассчитывать.

Позиция Франции, Германии и России состояла в том, что содействие реформам можно оказывать только по просьбе самих властей региона. Жак Ширак заявил, что ближневосточные страны должны иметь право выбора: хотят ли они той помощи, которую им предлагает Буш, и нуждаются ли они *«в миссионерах от демократии»?* По его словам, *«навязанные ценности всегда носят привкус унижения»*[13]. Вообще, по информации, просочившейся в СМИ, именно Франция выступала наиболее остро против некоторых пунктов плана. Например, увидев в проекте создание Фонда содействия демократии для стран региона (авторство идеи приписывают Кондолизе Райс), Жак Ширак якобы связался по телефону с Бушем и заявил, что Франция ничего подобного не поддержит[14]. В итоге этот замысел трансформировался в «Диалог по

вопросам демократии» в рамках организованного самими ближневосточными странами Фонда будущего.

Яростные споры возникли между представителями «большой восьмерки» и по поводу финансовых «взносов», которые предлагалось внести каждой из стран G-8 на содействие политическим и экономическим реформам в регионе. На саммите никто из «большой восьмерки», кроме США, такого желания не высказал. Напротив, американцам напомнили, что Ближний Восток сам по себе отнюдь не страдает бедностью.

Арабские союзники США упрекнули Буша в том, что, планируя нормализовать положение на Ближнем Востоке, он «забыл» о «палестинском вопросе», без решения которого ситуация не сдвинется с мертвой точки. А король Иордании Абдалла заявил, что *«инициативы, навязанные извне, только повредят истинным реформаторам в регионе»*.

В итоге проект «Большой Ближний Восток» претерпел весьма существенные изменения. Нетронутой в нем осталась лишь малая часть предложений Буша: поддержка бизнеса в регионе, спецкредиты мелким предпринимателям, особенно женщинам, борьба с неграмотностью и т.д. По настоянию европейских и арабских стран в документ был внесен пункт о том, что помощь «большой восьмерки» в проведении реформ на Ближнем Востоке должна происходить параллельно с содействием мирному урегулированию арабо-израильского конфликта на основе плана «дорожной карты», предусматривающего мирное сосуществование израильского и палестинского государств.

Название, предложенное Джорджем Бушем, было изменено: «Большой Ближний Восток» (Greater Middle East) превратился в «Расширенный» (Broader Middle East). А итоговый план, утвержденный саммитом, получил название «Партнерство ради прогресса и общего будущего с регионом Расширенного Ближнего Востока и Северной Африки».

14–16 июня 2004 года инициатива G-8 относительно реформирования Ближнего Востока была обсуждена на 31-й сессии Организации Исламская Конференция (ОИК). Многие делегаты подчеркивали в своих выступлениях, что успешное реформирование региона напрямую связано с разрешением арабо-израильского конфликта. Речь зашла и о необходимости преобразовать саму ОИК, чтобы она более эффективно защищала интересы мусуль-

манских стран и способствовала проведению реформ, отвечающих мусульманским ценностям.

После окончания сессии Абдулла Гюль, министр иностранных дел Турции (которая в то время председательствовала в ОИК), подчеркнул: *«Если мы не сможем решить наши собственные проблемы, внешнее давление на нас усилится... ОИК предавала мусульманские нации, действуя как лакей США. Она оказалась неспособной перейти к эффективным действиям даже после трагических событий в Палестине, Ираке и Афганистане. Сегодня организация воспринимается как центр разработки унизительного проекта – американской инициативы Большого Ближнего Востока»*[15].

28 июня 2004 года американцы передали власть в Ираке в ведение иракского правительства.

1 октября 2004 года проект «Большой Ближний Восток» обсуждался на специальной сессии с участием представителей «восьмерки» и стран-адресатов инициативы. На сей раз «адресаты» вели себя гораздо жестче, чем на июньском саммите G-8. Они фактически заявили представителям «индустриально развитых стран», что будут проводить в своих государствах только те реформы, которые сами сочтут целесообразными, а не те, которые представляются целесообразными Западу.

По оценкам многих экспертов, из-за негативной позиции арабских стран (в первую очередь Египта и Саудовской Аравии), а также некоторых европейских союзников США проект «Большой Ближний Восток» утратил не только свое первоначальное название, но и свой первоначальный смысл и наступательную силу. Однако дальнейшие события показали, что, как бы ни назывался проект («Расширенный Ближний Восток»... «новый Ближний Восток»...), его сущность не изменилась. То есть США не отказались от идеи коренным образом «трансформировать» макрорегион.

Остановимся на еще одной важной теме. К инициативе США весьма неоднозначно отнеслись не только политические элиты арабских стран и стран G-8, но и экспертное сообщество. Основная критика свелась к нескольким тезисам.

Прежде всего, эксперты указывали на следующие факты. По состоянию на 2004 год ни одно из 22 арабских государств (совокупное население которых составляло на тот момент около 275 млн. человек) не могло квалифицироваться как демократическое. Правящие кланы во многих странах региона находились

у власти уже по 20–30 и более лет. Демократические институты были успешно созданы в неарабских мусульманских государствах – Турции, Индонезии, Малайзии, частично в Пакистане, Бангладеш и даже Иране, а вот с арабскими государствами дело обстояло хуже.

Хотя за несколько лет до 2004 года Иордания, Кувейт, Марокко и Йемен сделали определенные шаги в направлении формальной демократизации, говорить о торжестве полноценной демократии в этих странах было бы более чем натяжкой. Ни в одной арабской стране высшие органы власти не избирались населением в ходе честных (с позиций либеральной демократии) выборов. Как правило, законодательные органы власти обладали несравненно меньшими полномочиями, чем исполнительная власть. Легальные политические партии, за исключением правящих, были в основном крайне слабы и не представляли реальной оппозиции существующей власти. Фактически в большинстве стран рассматриваемого региона не было ни сменяемости правителей, ни разделения властей, ни легальной оппозиции.

С учетом этой региональной специфики возникал закономерный вопрос: если заявленная цель проекта – реформирование столь «матерых» авторитарных режимов, то кто придет на смену авторитарным правителям? Проект предполагал смену авторитарных режимов путем легализации и поддержки активных оппозиционных группировок. Причем в условиях, когда реальной оппозицией в большинстве стран региона являются исламисты. В условиях, когда только они потенциально могли воспользоваться плодами «демократизации».

Приведем лишь две цитаты из российской прессы.

Газета «Московские новости» от 11 июня 2004 года: *«Смена режима, например, в Саудовской Аравии, ключевом государстве региона, – это цель не только Буша, но и бен Ладена. Ему даже выгоден демократизаторский пафос Вашингтона. Ведь демократические выборы в любом из государств Персидского залива приведут к власти отнюдь не Вацлава Гавела и Леха Валенсу. А тех, для кого символом американского участия в модернизации арабского мира станут кадры из багдадской тюрьмы Абу-Грейб»*[16].

Журнал «Эксперт» от 14 июня 2004 года: *«Легализация запрещенных партий дала бы возможность активизироваться в Египте "Гамайе исламийе" и "Братьям-мусульманам", в Алжире – "Фронту*

исламского спасения", в Саудовской Аравии – партиям угнетенного шиитского меньшинства и чуть ли не последователям "Аль-Каиды", в Пакистане – "Харакат аль-ансар" и "Харакат аль-муджахидин". (...) Легализовать оппозицию во всех без исключения арабских странах – значит развязать руки мощной вооруженной исламской силе; свести на нет роль невыборных элит – значит ударить по династийным монархиям и светской военной хунте, что опять-таки дает жизненное пространство стихийно созданным партиям исламского толка... Соросовская методика стимулирования студенческих выступлений против одиозных режимов сегодня была бы игрой с огнем в мусульманском мире – в мире, где давление достигло небывалой силы»[17].

Итак, то, что ставка на оппозиционные силы в ближневосточном регионе есть по большому счету ставка на исламистов, было очевидно широкому кругу экспертов и политиков еще в 2004 году, то есть на ранней стадии обсуждения реконструкции Большого Ближнего Востока.

(Характерно, что одновременно продолжало существовать устойчивое представление о том, что, предлагая миру проект «Большой Ближний Восток», США действуют в интересах Израиля. То есть «сдают» интересы ислама.)

Парламентские выборы в Египте, состоявшиеся в ноябре–декабре 2005 года, подтвердили экспертные предположения насчет того, что исламистам предстоит сыграть в процессе «демократизации Ближнего Востока» не последнюю роль.

Глава 3. Начальная фаза демократизации Египта

Как мы помним, Хосни Мубарак негативно отреагировал на проект «Большой Ближний Восток». Тем не менее он не смог противодействовать давлению США, требовавших демократизации Египта. Активизация оппозиционных сил началась уже весной 2004 года, когда США еще только проводили «разъяснительную работу» по поводу своей ближневосточной инициативы.

Сначала о себе заявили исламисты. В марте 2004 года движение «Братья-мусульмане» (запрещенное в Египте с 1954 года, но представленное в легальной политике через членство в ряде раз-

решенных партий, а также в виде «независимых» депутатов) выступило с требованием провести в стране реформы, касающиеся всех сфер жизни – политической, социальной, судебной, культурной и пр. «Братья» настаивали на необходимости отстранения армии от участия в политике и ограничения нахождения президента на своем посту двумя сроками.

Затем началось формирование «демократических сил». Было создано так называемое народное движение «Кефайя» («Хватит!»), поставившее своей целью не допустить очередного переизбрания Хосни Мубарака, находящегося у власти с 1981 года, на пост президента. (В 2011 году движение «Кефайя» стало активным участником протестных акций в Египте, приведших к отстранению Мубарака.)

Кроме того, депутат парламента, юрист по образованию Айман Нур создал и официально зарегистрировал либеральную партию «Аль-Гадд» («Завтра»).

В феврале 2005 года Мубарак, подталкиваемый США к «демократическим изменениям», объявил о намерении осуществить конституционную реформу, которая позволила бы провести в стране демократические и альтернативные президентские выборы. (Многолетняя практика состояла в том, что кандидатура президента Египта выдвигалась двумя третями парламента и затем утверждалась на общенародном референдуме.) Данная инициатива Мубарака удостоилась особого одобрительного упоминания в выступлении Кондолизы Райс.

Вскоре после заявления Мубарака о грядущей реформе в Каире и Александрии начались многотысячные демонстрации, в основном студенческие, которые затем распространились по всей стране. Основные требования демонстрантов – отмена закона о чрезвычайном положении, введенного в 1981 году после убийства Анвара Садата, проведение демократических реформ и отставка Хосни Мубарака.

Как отмечали комментаторы, еще несколькими месяцами ранее такие лозунги были в Египте просто немыслимы. Равно как немыслимы были и сами демонстрации, официально запрещенные законом о чрезвычайном положении. Активное участие в организации антипрезидентских митингов приняло движение «Кефайя». Причем лидеры «Кефайи» открыто заявляли, что глубоко впечатлены бархатными революциями, свершившимися на Укра-

ине и в Ливане, и хотели бы осуществить такую же революцию в Египте[18].

В конце марта 2005 года активисты «Братьев-мусульман» впервые за много лет вышли на собственную демонстрацию. Узнав о том, что «Братья-мусульмане» собираются провести манифестацию у здания парламента, полиция накануне арестовала 50 лидеров движения и затем перекрыла площадь. В ответ «Братья» вывели на три крупнейшие площади Каира – Рамзес, Тахрир и Сейеда Зейнаб – три группы, от 3 до 5 тысяч человек каждая. Требования «Братьев» совпали с требованиями светской оппозиции – отмена чрезвычайного положения и проведение демократических президентских выборов.

В мае 2005 года состоялся общенациональный референдум, на котором население страны поддержало конституционные изменения, инициированные Мубараком.

20 июня 2005 года Кондолиза Райс (к этому моменту уже госсекретарь США), выступая в Американском университете в Каире, заявила: *«В течение 60 лет моя страна, Соединенные Штаты, преследовала в этом регионе, на Ближнем Востоке, цели стабильности, поступаясь при этом демократией, – и мы не достигли ни того, ни другого. Мы меняем курс. Мы поддерживаем демократические устремления всех народов. Настало время отбросить все оправдания, сдерживающие тяжелую работу демократии»*[19].

7 сентября 2005 года победу на альтернативных президентских выборах одержал Хосни Мубарак, получив 88%. Его основной конкурент – Айман Нур (который в знак солидарности с украинской оранжевой революцией использовал оранжевый цвет в своей предвыборной кампании) – набрал 7%. Многие оппозиционные силы, включая «Братьев-мусульман», бойкотировали выборы.

6 октября 2005 года президент США Джордж Буш, выступая в Национальном Фонде Демократии, заявил: *«Мы поощряем наших друзей на Ближнем Востоке, включая Египет и Саудовскую Аравию, вставать на путь реформ, укреплять их собственные общества в борьбе с терроризмом на основе уважения прав и выборов своих народов. Мы вместе с диссидентами и ссыльными против деспотических режимов, потому что мы знаем, что сегодняшние диссиденты завтра будут демократическими лидерами...»*[20].

Процитируем еще раз уже приведенный нами прогноз российского эксперта: *«...демократические выборы в любом из государств*

Персидского залива приведут к власти отнюдь не Вацлава Гавела и Леха Валенсу...». Сказанное в отношении «государств Персидского залива» вполне справедливо и для других стран ближневосточного региона. И прогноз вскоре начал сбываться.

В отличие от президентских выборов, не принесших особых сюрпризов, парламентские выборы, состоявшиеся в Египте в ноябре–декабре 2005 года, прошли весьма драматично. «Тяжелая работа демократии» принесла свои первые ощутимые плоды. «Братья-мусульмане» добились сенсационного успеха, проведя 88 своих представителей в парламент как независимых кандидатов. (Всего в египетском парламенте 454 депутата, из них 10 назначает президент.) Улучшив свой результат по сравнению с предыдущими выборами 2000 года в 6 раз, «Братья» составили вторую по численности фракцию. Как отметил главный редактор египетской газеты «Аль-Ахрам» Осама Сарая, *«политическая среда в значительной степени изменилась после внесения в Конституцию некоторых поправок: благодаря тому, что порог для вхождения в парламент был понижен до 5%, законодательный орган стал представительным»*[21].

Допустив свободные выборы, Мубарак столкнулся с небывалым успехом «Братьев-мусульман» уже на первом туре, когда они получили 34 мандата (другие оппоненты власти набрали ничтожное количество голосов). Не имея законного права вести наглядную агитацию, «Братья» передавали свою платформу, а также информацию о своих кандидатах «из уст в уста», чаще всего – в мечетях. Главный их лозунг звучал так: «Ислам – вот решение».

По данным «Рейтер», накануне второго тура власти задержали около 200 «Братьев», среди которых были и кандидаты в депутаты. Египетские СМИ сообщали, что на некоторых избирательных участках наблюдались столкновения избирателей с полицией. По окончании второго тура оппозиция утверждала, что полицией задержано примерно 800 активистов «Братьев-мусульман». Несмотря на противодействие властей (хотя масштабы этого противодействия, возможно, преувеличены), «Братья-мусульмане» набрали во втором туре еще 29 мест. *«Эти выборы – начало нового периода в истории Египта. Теперь голос оппозиции будет слышен»*[22]*,* – подчеркнул первый заместитель главы ассоциации «Братьев-мусульман» Мухаммад Хабиб.

А спустя несколько дней член руководящего комитета «Братьев-мусульман» Абдель Монейм Абу-аль-Фаттух заявил: *«Когда*

политическое объединение приходит к власти демократическим путем, все, кто похваляется своей приверженностью демократии, должны приветствовать это, даже если программа победителей и образ мышления отличаются от их собственных»[23].

Последний день выборов – 7 декабря 2005 года – был отмечен масштабными столкновениями по всей стране. Мировые агентства, ссылаясь на местные правозащитные организации, информировали, что многие избирательные участки были заблокированы полицией. На них пропускали только сторонников правящей партии, предъявивших партийные билеты. В ряде случаев это привело к уличным боям, когда избиратели прорывались на участки, используя камни и дымовые шашки. Погибло 11 человек, несколько сотен получили ранения.

Как сообщил канал «Аль-Арабия», в условиях жесткого давления со стороны властей «Братья-мусульмане» продемонстрировали высокую степень организованности. Накануне последнего тура выборов ими была сформирована «информационная армия», насчитывавшая 25 тысяч человек. Несколько отрядов этой «армии» занималось тем, что ходили от дома к дому, убеждая жителей поддержать «правильного» кандидата. Другие отряды широко использовали для информирования населения компьютеры и мобильные телефоны. В частности, они рассылали электронные письма, в которых объяснялось, за кого следует голосовать. Наконец, были те, кто занимался связью со СМИ. Эти представители «Братьев-мусульман» распространяли информацию о блокированных полицией участках[24].

К финалу парламентских выборов количество арестованных членов «Братьев-мусульман», если верить сообщениям оппозиции, превышало 1500 человек. А количество выигранных ими мандатов, как уже было сказано, достигло 88 (20% голосов).

Совсем иной результат получили представители светской оппозиции. В сумме всем кандидатам от оппозиционных партий и независимым кандидатам (не имеющим отношения к «Братьям-мусульманам») достался 21 мандат. Контраст между пассивностью интеллигентного электората светских партий и напористостью электората «Братьев», штурмовавшего заблокированные полицией избирательные участки, был слишком велик, чтобы не сделать однозначного вывода: единственной реальной альтернативой власти в Египте являются «Братья-мусульмане».

Характерно, что на следующий день после завершения парламентских выборов США выступили в защиту «Братьев-мусульман», осудив действия египетских властей[25].

В нашу задачу не входит пошаговое рассмотрение ближневосточной политики администрации Джорджа Буша (в том числе политики в отношении Египта) вплоть до ухода его команды со сцены в январе 2009 года. Ниже мы остановимся только на одном аспекте этой политики, существенном для нашего исследования. Конкретно – на так называемой «публичной дипломатии» и «войне идей», призванных способствовать демократизации макрорегиона.

Глава 4. «Война идей»

27 июля 2005 года в газете The New York Times вышла статья, в которой утверждалось, что Белый дом постепенно отказывается от термина «война с терроризмом» («war on terror»). И склоняется к тому, чтобы называть затянувшуюся операцию по уничтожению «Аль-Каиды» и других террористических групп «глобальной борьбой с экстремизмом и насилием» («global struggle against violent extremism»). При этом официальные лица США полагают, что «борьба с терроризмом» должна иметь **не только военную, но и идеологическую составляющую**. Как заявил замминистра обороны США Дуглас Файт, для победы необходим «идеологический элемент»[26].

Сходную позицию выразил и советник президента США по национальной безопасности Стивен Хэдли: «*Речь идет не просто о военных операциях против террористов. Наша задача шире. Это глобальная борьба против экстремизма. Мы должны оспорить кровожадную идеологию наших противников и предложить более позитивную точку зрения*»[27].

По словам американских высокопоставленных военных, вопрос о недостаточности «только военных» методов был поднят еще в январе 2005 года, во время консультаций президента США Джорджа Буша с советниками по безопасности. После чего в выступлениях Буша появился новый элемент: говоря о противодей-

ствии терроризму, он стал затрагивать тему столкновения идей и мировоззрений[28].

Примечательно, что в день выхода в The New York Times упомянутой статьи произошло событие, подтверждающее, что «идеологической составляющей» отныне будет уделяться самое серьезное внимание. Члены сенатского Комитета по иностранным делам единогласно одобрили кандидатуру Карен Хьюз на пост заместителя госсекретаря США по вопросам публичной дипломатии и связям с общественностью. Этот пост был создан в структуре внешнеполитического ведомства США впервые. По оценке директора Московского центра Карнеги Эндрю Качинса, появление такого поста прямо связано с признанием серьезных проблем с престижем США за рубежом[29].

Карен Хьюз, как и Буш, родом из Техаса. Она была ближайшим помощником и личным имиджмейкером Буша во время двух губернаторских и двух президентских предвыборных кампаний. Во время первого президентского срока Буша Хьюз возглавляла пресс-службу Белого дома. Таким образом, роль «главного пропагандиста» США, отвечающего за имидж Америки в глазах всего мира и, прежде всего, ислама, досталась многолетней доверенной сподвижнице Джорджа Буша-младшего.

Назначение Карен Хьюз произошло в момент, когда негативное мнение о США, сложившееся в мире (в особенности арабском) после военной операции американцев в Ираке, достигло пикового значения. Согласно данным, приведенным в докладе Консультативного комитета при Госдепартаменте по вопросам дипломатии в сфере культуры, имидж и репутация США за рубежом в тот момент были «хуже, чем когда-либо», и многие страны мира смотрели на США *«не столько как на маяк надежды, сколько как на опасную силу, которой надо противостоять»*.

В докладе подчеркивалось, что в таких странах, как Египет, Марокко и Саудовская Аравия, большинство опрошенных *«рассматривает Джорджа Буша как более значительную угрозу миропорядку, чем Усама бен Ладен»*. Указывалось, что наибольший урон репутации США наносят сюжеты местного телевидения о политике США в регионе – прежде всего, об Ираке и ближневосточной проблеме. Основываясь на этих фактах, авторы доклада настойчиво рекомендовали американским властям активизировать борьбу за улучшение имиджа США за границей[30].

В августе 2005 года госсекретарь США Кондолиза Райс утвердила Карен Хьюз в должности своего заместителя по публичной дипломатии.

8 сентября 2005 года Карен Хьюз сообщила, что в Госдепартаменте США создается «подразделение быстрого реагирования», которое будет осуществлять мониторинг мировых СМИ и оказывать американской администрации содействие *«в более агрессивном ответе на слухи, неточности и выдержанные в духе ненависти выступления, откуда бы они ни исходили»*. Это подразделение поможет быстро информировать о позиции Вашингтона послов США в различных странах, чтобы они могли уверенно выступать от имени Америки. Помимо этого, Госдепартамент планирует развертывание региональных «команд быстрого реагирования», которые будут действовать с учетом местной специфики.

По словам Хьюз, при работе в зарубежном информационном пространстве *«предстоит реализовать технологическую инициативу, которая позволит с большей гибкостью и эффективностью использовать возможности Интернета, веб-чатов с цифровым видео и даже текстовые сообщения. Необходимо взять на вооружение всю мощь современных технологий, чтобы доводить нашу информацию»*[31].

25 сентября 2005 года Карен Хьюз заявила, что США вступают в «мировую войну идей»: *«...мы должны разработать конкретную национальную стратегию по ведению и одержанию победы в мировой войне идей. Я пытаюсь создать такие институты, которые после нашего ухода, после завершения президентского срока* (Джорджа Буша) *позволят Америке в долгосрочной перспективе одержать верх в том, что мы понимаем под борьбой идей, длящейся в течение нескольких поколений»*[32]. Данное заявление было сделано во время первого ближневосточного турне Хьюз в качестве заместителя госсекретаря. В ходе этой поездки она посетила Египет, Саудовскую Аравию и Турцию.

Хьюз сообщила сопровождавшим ее журналистам, что «команды быстрого реагирования» (которые должны позитивно представлять политику Белого дома, а также опровергать или смягчать негативную информацию о действиях администрации Буша) предполагается создать на Ближнем Востоке и в других регионах – прежде всего, в мусульманских странах.

Выступая перед египетской молодежью в Американском университете Каира, Хьюз подчеркнула, что США намерены изменить свою политику в отношении государств Ближнего Востока: *«В*

течение 60 лет мы пытались поддержать стабильность в регионе, жертвуя демократией. И не добились ни того, ни другого. И, как верно заметила мисс Райс, отныне мы пойдем другим путем – мы будем поддерживать демократические стремления народов»[33]. Фактически, Хьюз повторила то, что за три месяца до нее, в июне 2005 года, произнесла в стенах этого же университета Кондолиза Райс.

В 2006 году Джордж Буш поручил Карен Хьюз возглавить специально созданный Координационной комитет стратегических коммуникаций и публичной дипломатии – *«межведомственную группу по войне идей, основными участниками которой являются Госдепартамент, Агентство США по международному развитию, Министерство обороны и разведывательное сообщество»*[34].

В июне 2007 года руководимый Хьюз Координационный комитет представил общественности документ «Национальная стратегия США в сфере публичной дипломатии и стратегических коммуникаций». В нем главными задачами были названы поддержка фундаментальных ценностей американского общества и обеспечение национальной безопасности США. Исходя их этого, стратегия предусматривала:

– подчеркивание стремления США к свободе, защите прав человека, обеспечению человеческого достоинства и равенства всех людей перед законом;

– нахождение в мире людей, которые разделяют эти идеалы;

– поддержку тех, кто борется за свободу и демократию;

– противодействие тем, кто распространяет идеологию ненависти и угнетения.

Соответствующим структурам США предлагалось развернуть эффективную работу с так называемыми *«группами влияния» и «уязвимыми группами населения»*. Под «группами влияния» подразумевались политики, общественные деятели, религиозные лидеры, журналисты и другие авторитетные в своих странах и регионах люди. А под «уязвимыми группами» – молодежь, женщины, а также национальные, религиозные и иные меньшинства.

Для достижения поставленных целей был запланирован переход к тактике «демократия в действии», предполагавшей активизацию государственных СМИ (например, радиостанции «Голос Америки»), расширение образовательных программ и программ обмена специалистами, помощь странам в сфере здравоохранения и так далее.

Карен Хьюз ушла в отставку в декабре 2007 года. Несмотря на определенные достижения, большого прорыва ей добиться не удалось. Так, по итогам опроса, проведенного в сентябре 2007 года британской корпорацией Би-Би-Си, более половины респондентов в мире назвали влияние США «в целом негативным».

Преемником Хьюз на посту заместителя госсекретаря по публичной дипломатии и руководителя Координационного комитета стратегических коммуникаций и публичной дипломатии стал Джеймс Глассман. Карьерное продвижение Глассмана тесно связано с работой в СМИ. Он был редактором, издателем и обозревателем газеты The Washington Post. Затем руководил веб-сайтом TCSDaily.com, освещавшим проблемы связи между высокими технологиями и государственной политикой. Позже издавал журнал The American, являлся членом исследовательского центра Американского института предпринимательства. В 2007 году Дж.Буш назначил Глассмана председателем Совета управляющих по иновещанию – федерального органа, контролирующего американские СМИ, вещающие на другие страны: «Голос Америки», «Радио Марти» и «ТВ Марти», радио «Свободная Азия», радио «Свободная Европа», а также различные каналы, работающие на Ближнем Востоке.

В феврале 2008 года Глассман, представленный Дж.Бушем к назначению на должность замгоссекретаря, указал на необходимость включения *«новых технологий в арсенал средств ведения глобальной идеологической войны»*. Приведя данные опроса общественного мнения в мусульманских странах, согласно которому 20% населения считают, что политика США направлена на «ослабление и расчленение исламского мира», Глассман назвал такой результат следствием плохой межведомственной координации. И сообщил, что для устранения недостатков в работе он намерен восстановить структуры службы публичной дипломатии, серьезно пострадавшие от реорганизации, проведенной в 90-е годы XX века[35].

28 октября 2008 года Джеймс Глассман провел брифинг на тему «Публичная дипломатия США и война идей»[36].

Глассман перечислил основные направления деятельности в сфере «публичной дипломатии» США: «объяснение нашей политики и принципов внешнему миру», осуществление «культурных и образовательных обменов», а также «ведение войны идей». При-

чем в течение последних четырех месяцев упор и акцент были перенесены именно на войну идей, отметил он.

Основная задача в войне идей – *«не исправление представлений иностранцев о США, а изолирование и уменьшение угрозы насильственного экстремизма – не бомбами и пулями, а, конечно же, словами, образами и делами»*.

Как отметил Глассман, США *«были очень хороши в войне идей во времена "холодной войны". Но после падения Берлинской стены война идей также была в основном демонтирована... Например, Информационное агентство США было поглощено Государственным департаментом. Число государственных должностных лиц, занимающихся публичной дипломатией, сократилось. Радио "Свободная Европа" было сокращено. Финансирование на идеологическую деятельность иссякло»*.

К моменту, когда Джордж Буш-младший стал президентом, *«не было никакой войны идей, о стратегии которой можно было бы говорить, не было никакой инфраструктуры»*. Однако, указал Глассман, к завершению президентского срока Буша его администрация создала стратегию, платформу и новый способ ведения дел. Все это уже готово – и новая администрация, которая придет к власти после выборов, может включиться в данное крупное начинание.

Значительное место в выступлении Глассмана было отведено Интернету. Глассман подчеркнул, что интернет-технологии могут расширить возможности глобальных сетей, которые продвигают свободу, демократию и ведут деятельность по борьбе с насилием. Враги Америки («Аль-Каида», «Хезболла») также используют интернет-технологии. *«Но в целом насильственные экстремистские группы не могут адаптировать свой подход к новой технологии Web 2.0 социальных сетей, которая охватила Интернет. Эта технология делает акцент на демократическом взаимодействии. "Аль-Каида" же не хочет подвергать свои идеи критике.*

Мы осознали выгоду самой последней, разработанной частным сектором в США технологии – Facebook и Google, к примеру – против прибегающих к насилию экстремистов... Частный сектор понимает, как использовать эту технологию для соединения с миллионами людей, гораздо лучше, чем мы понимаем в правительстве. Мы прицепились к этому быстро движущемуся поезду. Недавно я вернулся из Колумбии, где маленькая группа молодых колумбийцев, без госу-

дарственной помощи, использовала Facebook для создания движения, которое 4 февраля вывело на улицы 12 миллионов человек для демонстрации против ФАРК».

Глассман заявил: *«Мы действуем в качестве посредника для ускорения использования – иностранными гражданами, а не правительствами – одних и тех же методов, чтобы построить движения против насилия и в других странах... Глобально мы имеем несколько десятков таких проектов, и мы используем самый ценный актив Государственного департамента – нашу сеть посольств и консульств, – чтобы развивать понимание того, чего хотят, и того, что необходимо, на месте...»*

В числе регионов, находящихся под пристальным вниманием возглавляемого Глассманом начинания, – Ближний Восток: *«Мы поддерживаем проект для будущего Ближнего Востока, который собирает лучшие умы, чтобы запустить мозговой центр, отражающий взгляды большинства в регионе Ближнего Востока...».*

Глассман также сообщил, что в Госдепе создана специальная информационная программа «Команда по цифровым внешним контактам» – для работы в неамериканских сегментах Интернета. Ее инициировала еще Карен Хьюз. При Глассмане эта программа была расширена и продолжает развиваться. В частности, Глассман упомянул о намерении начать работу в русскоязычном секторе Интернета:

«У нас есть небольшое количество людей, которые выходят в Интернет, в чаты, на популярные сайты, в блоги в некоторых случаях, и говорят об американской политике, исправляют ошибки, которые были сделаны, и отсылают людей к фактическим документам. Они идентифицируют себя в качестве служащих Государственного департамента. Они делают это по-арабски, на фарси и урду, и мы думаем о нескольких русскоязычных членах цифровой группы для привлечения к этой работе».

(С учетом того, что «Команда по цифровым внешним контактам» работала ранее в «зонах риска» – на арабском, фарси и урду, – сообщение о намерении взять на работу нескольких русскоязычных сотрудников было расценено многими российскими СМИ как занесение России в список стран, относящихся к «зоне риска». Эксперты увязали это с событиями на Кавказе в августе 2008 года и с сопровождавшей данные события информационной войной.)

Джеймс Глассман покинул пост в январе 2009 года, когда после президентских выборов команда Обамы сменила команду Буша.

Но незадолго до своего ухода – в декабре 2008 года – он организовал и провел конференцию, посвященную борьбе против репрессий, угнетения и насильственного экстремизма.

После начавшихся в Египте в 2011 году массовых протестов именно эта конференция стала притчей во языцех. Ее приводили в качестве примера, указывающего на «тайную поддержку Америкой» египетских «лидеров восстания». О чем идет речь?

1 февраля 2011 года в The Daily Beast вышла статья Майка Джилио «Школа Госдепартамента для революционных блоггеров»[37]. В ней сообщалось, что в декабре 2008 года известный египетский оппозиционный активист побывал в студенческом городке юридического факультета Колумбийского университета на презентациях *«трех ключевых сотрудников из команды Барака Обамы, отвечавших за социальные сети: Джо Роспарса, Скотта Гудстейна и Сэма Грэхема-Фелсена»* (эти сотрудники сыграли важную роль в предвыборной кампании Обамы). На мероприятии также присутствовали «уходящий чиновник Госдепартамента в администрации Джорджа Буша» Джеймс Глассман (ему и принадлежала идея конференции); специалист по технологиям и инновациям из команды Глассмана Джаред Коэн (в момент написания статьи Коэн уже являлся сотрудником Google); президент компании Howcast Джейсон Либман; сооснователь Facebook Джастин Московитц, выступивший с докладом «Происхождение и инструменты социальных преобразований», и другие.

Организатором мероприятия стала неправительственная организация «Альянс молодежных движений», получившая финансирование от Госдепартамента.

Помимо египетского активиста, на мероприятии в качестве слушателей присутствовали примерно две дюжины агитаторов со всего мира, *«среди которых был колумбиец, использовавший Facebook для мобилизации марша в 12 миллионов человек против ФАРК, а также венесуэльский активист, организовавший известный протест против президента Уго Чавеса»*.

Оппонируя точке зрения, что данное мероприятие недвусмысленно свидетельствует о тайной поддержке, оказываемой Америкой египетским оппозиционным лидерам, Майк Джилио указывает, что никто не делал из этого мероприятия тайну. Оно рекламировалось совершенно открыто.

Более того, Майк Джилио попросил комментариев у Джеймса Глассмана. И в ответ Глассман – опять-таки совершенно открыто

– поведал, что в свое время пришел в Госдепартамент с мечтой *«помочь создать ненасильственное движение по всему миру».* И что, приглашая представителя антиправительственного египетского движения «6 апреля», он знал: это будет воспринято неоднозначно. Ведь американская администрация оказывала Мубараку значительную финансовую и военную помощь. Однако мероприятие соответствовало *«общей стратегии в Египте, которая заключалась в том, чтобы ПОДДЕРЖИВАТЬ и поощрять людей продвигать демократию, насколько это возможно»,* – заявил Глассман.

Таким образом, из статьи Майка Джилио вытекает, что США не оказывали в Египте «тайную поддержку лидерам восстания». Но оказывали открытую поддержку «людям, продвигающим демократию». О чем лично свидетельствует одна из ключевых фигур американской «публичной дипломатии» и «войны идей» – Джеймс Глассман.

Факт совместного участия в указанном мероприятии Глассмана (члена уходящей с политической сцены команды Буша) и «ключевых сотрудников Обамы, отвечающих за социальные сети», по меньшей мере, позволяет высказать предположение, что эстафетная палочка была передана. Что мессидж, посланный Глассманом на брифинге в октябре 2008 года (когда он фактически предложил команде, которая придет на смену команде Буша, воспользоваться наработками – стратегическими и инфраструктурными – в том, что касается «войны идей»), был принят.

Представляется, что дальнейшие события подтверждают это предположение. Пришедшая на смену Бушу команда Обамы сделала ставку на использование интернет-технологий в качестве *«важнейшего инструмента продвижения демократии».* В речи, прочитанной 21 января 2010 года в вашингтонском Музее свободы прессы «Ньюзеум» и посвященной свободе Интернета[38], госсекретарь США Хиллари Клинтон заявила: *«Мы настаиваем на существовании единого Интернета, к знаниям и идеям которого будет иметь равный доступ все человечество».* По ее словам, это новая задача Америки, которая будет продолжать отстаивать принципы Первой поправки к Конституции США, гарантирующей свободу слова.

Клинтон осудила страны, ограничивающие свободу пользования Интернетом. Она отметила ограничение доступа к социальным

сетям во Вьетнаме, задержание 30 блоггеров и активистов в Египте, цензуру в религиозных целях, осуществляемую в Саудовской Аравии. В список стран, вызвавших недовольство Клинтон, попали также Узбекистан, Молдова, Северная Корея, Тунис, Кения и другие. Особо жесткой критике в связи с интернет-цензурой подвергся Китай.

Далее госсекретарь США предложила создать межгосударственные правила поведения в Сети. *«С распространением практики ограничений новые информационные завесы опустились во многих частях мира. Поверх этих преград, видео и блоги в Интернете становятся самиздатом наших дней»,* – заявила она. Интересно, что Клинтон употребила слово «самиздат», однозначно адресующее к диссидентскому движению эпохи «железного занавеса».

По словам Клинтон, *«Интернет может помочь противостоять насилию, преступности и экстремизму»*. Она упомянула *«Иран, Молдову и другие страны, где организация людей через Интернет стала важнейшим инструментом продвижения демократии и дала гражданам возможность выразить протест по поводу сомнительных результатов выборов»*.

Краткая ремарка. Многие аналитики отмечали, что после того, как Барак Обама стал президентом США, информационные технологии были несколько раз «по-крупному» применены в различных странах: в 2009 году – в Молдавии и Иране, а в 2010-м (уже после речи Клинтон, которую мы только что процитировали) – в Таиланде.

Мы не ставим перед собой задачу доказать, что именно администрация США инициировала применение информационных технологий в перечисленных странах. Однако невозможно отрицать, что Клинтон в своей речи, по меньшей мере, выразила моральную ПОДДЕРЖКУ «организации людей через Интернет для развития демократии». А также указала на желательность использования интернет-технологий в качестве «действенного инструмента поддержания демократии».

Встретила ли эта американская линия противодействие со стороны других государств? Безусловно. И здесь можно привести выразительный пример – Китай.

Собственно говоря, тему «интернет-свобод» Клинтон подняла в своем выступлении 21 января 2010 года в прямой увязке с «китайским» сюжетом.

В ноябре 2009 года Барак Обама, выступая в мэрии Шанхая во время своего первого визита в Китай, заявил: *«Я не являюсь сторонником цензуры. Я понимаю, что разные страны имеют разные традиции. Могу сказать так: свободный Интернет и свободный доступ к Интернету – это источник силы»*[39].

Поводом для данного заявления стало то, что с марта 2009 года китайские власти запретили населению доступ к Facebook, а с июля 2009 года – к Twitter, сославшись на потребность в социальной гармонии. Кроме того, после антиправительственных выступлений уйгур в Синьзян-Уйгурском автономном районе в июле 2009 года жители этого региона были лишены доступа ко всем зарубежным сайтам.

В декабре 2009 года адреса электронной почты китайских правозащитников, а также свыше 30 компаний США (в том числе американской интернет-компании Google) были атакованы хакерами. Аналитики, изучив вредоносные программы, пришли к выводу, что эти программы, скорее всего, были созданы в Китае.

В январе 2010 года Google заявила о намерении прекратить работу в Китае в связи с хакерской атакой на ее почтовый сервер и несогласием компании с жесткой цензурой, которая действует в КНР в отношении интернет-ресурсов.

21 января 2010 года госсекретарь США Хиллари Клинтон в уже упомянутой нами речи, помимо обвинения Китая в ограничении свободы в Интернете, потребовала, чтобы Китай дал внятный ответ на обвинения со стороны Google. А на следующий день, 22 января, такое же требование к Китаю выдвинул Барак Обама.

В тот же день, 22 января 2010 года, МИД КНР выразил протест против вмешательства США в дело управления интернет-пространством Китая, указав, что содержавшийся в речи Клинтон намек на ограниченность интернет-свободы в Китае *«в корне не соответствует действительности, подрывает китайско-американские отношения»*[40]. А заведующий кафедрой сетевых и цифровых СМИ Академии общественных наук Китая Минь Дахун заявил: *«Как Интернет развивается в Китае и как им руководят – дело самих китайцев. По вопросам Интернета Китаю не нужны уроки из США»*[41].

Между тем США продолжают открыто демонстрировать интерес к развитию и задействованию интернет-технологий и пропаганде «свободы в Интернете».

15 февраля 2011 года, через год после своей первой речи, Хиллари Клинтон произнесла в Университете Джорджа Вашингтона вторую большую речь, посвященную Интернету («Плюсы и минусы Интернета: о возможностях и вызовах в сетевом мире»)[42]. Госсекретарь США не скрывала, что находится под впечатлением недавних событий в Египте и Тунисе, где люди *«нашли способы использования технологий связи для организации и выражения недовольства, что... привело к революционным переменам»*.

Повышенный интерес США к Интернету легко объясним: по словам Клинтон, сегодня Интернетом пользуются 2 миллиарда человек, а в ближайшие 20 лет к Сети присоединится почти 5 миллиардов человек. *«Именно эти пользователи и будут определять будущее»*.

Тем важнее руководствоваться в отношении Интернета единой концепцией, исходный пункт которой – «свобода подключения», отметила Клинтон.

Признав, что открытый Интернет порождает свои проблемы (его используют террористы, экстремистские группы, торговцы людьми и т.д.), госсекретарь указала, что США все же однозначно делают свой выбор в пользу открытости. Необходимо бороться с угрозами, не ограничивая открытости, сказала она. Иной – неверный – подход состоит в том, чтобы ставить во главу угла безопасность *«в качестве предлога для оправдания жестоких расправ над свободой»*.

Клинтон усомнилась в положении, согласно которому *«для поощрения терпимости правительства должны подавлять некоторые ненавистнические идеи»*. А далее озвучила концепцию «рынка идей», согласно которой подавление ненавистнических идей приведет лишь к тому, что носители идей уйдут в подполье, *«где их убеждения могут углубиться, так как их никто не оспаривает»*. Если же обсуждать все идеи, то «рынок идей» принесет плоды. *«Когда идеи открываются для обсуждения, те из них, которые представляют ценность, как правило, укрепляются, в то время как слабые и ложные идеи, как правило, исчезают, может быть, не мгновенно, но со временем»,* – заявила госсекретарь.

(Существуют прецеденты, опровергающие этот тезис. Так, свободный рынок идей в Германии начала 30-х годов XX века привел к политическому торжеству идей Гитлера. А свободный рынок идей в США начала 50-х годов XX века – к политическому торжеству идей Маккарти.)

Далее Клинтон развила и углубила тему. По ее словам, *«онлайн-свободы могут быть значимыми только в случае, если они переносятся в активизм в реальном мире. Именно поэтому мы работаем в рамках нашей Инициативы гражданского общества 2.0, чтобы связать НПО с активистами, имеющими доступ к технологиям и соответствующие навыки, что будет способствовать повышению эффективности их работы»*.

Госсекретарь проинформировала, что Госдепартамент запустил на днях каналы службы Twitter на арабском и фарси – в дополнение к уже существующим на французском и испанском языках. К тому же будут открыты аналогичные каналы на китайском, русском и хинди.

Кроме того, США *«продолжают помогать людям в репрессивной интернет-среде обходить фильтры»*. В последние три года на разработку технологий борьбы с интернет-репрессиями выделены гранты на сумму 20 млн. долларов, в 2011 году дополнительное финансирование на эти цели составит 25 млн. долларов.

Клинтон пообещала, что в 2012 году администрация США завершит выработку международной стратегии по киберпространству, указав, что это внешнеполитический приоритет США. Именно в связи с приоритетностью этого направления она учредила Отдел координатора по вопросам киберпространства, главой которого назначен Кристофер Пейнтер, *«бывший старший директор по кибербезопасности Совета национальной безопасности и лидер в этой области на протяжении 20 лет»*.

26 апреля 2011 года газета «Хилл», со ссылкой на помощника госсекретаря США по международным информационным программам Дункана Маккиннеса, сообщила, что с конца марта Госдепартамент США перестал поддерживать свой портал America.gov. Материалы, готовившиеся ранее для указанного портала, передаются теперь на головной сайт Госдепа State.gov и на сайты американских посольств, одновременно на базе этих материалов составляются краткие сообщения для социальных сетей (включая Facebook и Twitter). Переориентация на поддержание «активов, опирающихся на социальные сети», проведена в связи с событиями на Ближнем Востоке и Севере Африки. Цель – сделать пропаганду более динамичной и наступательной. Как указал Маккиннес, чтобы установить контакт с молодежью, *«в Интернете нужно идти туда, где люди уже находятся. Люди сами к тебе приходить не станут, надо идти к ним»*[43].

Итак, в 2004 году США открыто провозгласили, что кардинально меняют курс ближневосточной политики. В предыдущие 60 лет ставка делалась на то, что стабильность в регионе достигается путем поддержки проамериканских авторитарных режимов. Новый же курс предполагал оказание поддержки демократическим стремлениям народов региона.

В 2005 году США объявили о вступлении в «мировую войну идей» против террористов, экстремистов и других притеснителей свободы и о намерении применять в этой войне современные интернет-технологии.

В 2006 году общественность была проинформирована о создании межведомственной группы по войне идей – Координационного комитета стратегических коммуникаций и публичной дипломатии.

В 2007 году вышел в свет документ «Национальная стратегия США в сфере публичной дипломатии и стратегических коммуникаций», в котором – опять-таки, совершенно открыто – сообщалось, что США будут оказывать в мире поддержку тем, кто борется за свободу и демократию. Для чего намерены работать в разных странах с *«группами влияния»* и *«уязвимыми группами населения»*.

В 2008 году Джеймс Глассман публично выразил сожаление о том, что структуры, столь эффективно работавшие на ниве войны идей в эпоху «холодной войны», были в основном демонтированы после падения Берлинской стены. После чего сообщил, что в период второго президентства Дж.Буша-младшего разработана новая стратегия войны идей и создана инфраструктура, позволяющая вести эту войну. А также предложил будущему президенту США воспользоваться этими наработками. Глассман оценил социальные сети (Twitter, Facebook) как перспективное направление.

В конце 2008 года Глассман и лица из окружения победившего на выборах Обамы, отвечающие за социальные сети, провели конференцию для молодых оппозиционеров из разных стран. В этой открыто разрекламированной конференции приняли участие как те, кто уже успешно использовал социальные сети для организации масштабных акций протеста, так и «неофиты». В числе участников был и представитель египетского движения «6 апреля», которое в 2011 году, используя возможности Интернета, вывело толпы людей на улицу.

В 2009 году Барак Обама заявил, что США не одобряют ограничения на доступ к Интернету, вводимые руководством ряда стран (Китая и др.).

В 2010 году госсекретарь Хиллари Клинтон назвала интернет-технологии «важнейшим инструментом продвижения демократии» и призвала сделать Интернет равно доступным всему населению планеты, указав, что это новая задача США в рамках борьбы за свободу слова.

В 2011 году Клинтон предложила разработать концепцию, исходным пунктом которой была бы «свобода подключения» Интернета. Госсекретарь открыто заявила, что США оказывают поддержку людям в странах с «репрессивной интернет-средой», выделяя гранты на разработку технологий по борьбе с «интернет-репрессиями».

Зафиксируем, что и при Буше, и при Обаме высокие официальные лица США открыто и публично заявляли о поддержке демократических сил в авторитарных странах, а также о ставке на интернет-технологии как «важнейший инструмент продвижения демократии».

Помимо только что перечисленных фактов, вспомним уже процитированное нами высказывание Джеймса Глассмана, согласно которому общая стратегия в Египте *«заключалась в том, чтобы ПОДДЕРЖИВАТЬ и поощрять людей продвигать демократию, насколько это возможно»* (с чем и было связано приглашение активиста оппозиционного движения «6 апреля» в декабре 2008 года на конференцию по социальным сетям).

Вспомним также факты, которые в связи с событиями 2011 года широко тиражировались СМИ и у всех на слуху.

Опубликованная WikiLeaks секретная дипломатическая депеша американского посла в Египте Маргарет Скуби от 30 декабря 2008 года, в которой она – хотя и с оговорками и сомнениями – докладывает о планах оппозиции свергнуть режим Мубарака до намеченных на сентябрь 2011 года выборов (изложенных ей активистом движения «6 апреля»)...

Признания топ-менеджера ближневосточного отделения Google Ваэля Гонима в интервью англоязычным СМИ, что именно он создал в Facebook страницу «против режима Мубарака», которую посетили сотни тысяч человек...

Можно ли после всего этого отрицать феномен поддержки «демократических» противников Мубарака со стороны США?

Но означает ли это, что именно протестные акции, организованные с помощью интернет-технологий, привели к «ближневосточным революциям»? Нет. Безусловно, во многих странах реги-

она действительно накопились очень серьезные проблемы, вызывавшие недовольство населения. Однако протестные акции придали «собственным колебаниям» естественного недовольства характер взрывного политического резонанса.

Эту тему обсуждают сегодня многие исследователи. Так, в обнародованном 3 февраля 2011 года докладе аналитиков фонда «Статфор» Марка Папика и Шона Нунана сказано: *«Социальные медиа сами по себе не провоцируют революцию... Социальные медиа являются инструментами, которые позволяют революционным группам снизить расходы на участие, организацию, набор и обучение. Но, как любой инструмент, социальные медиа имеют присущие им слабые и сильные стороны, и эффективность зависит от того, насколько эффективно лидеры используют их и являются ли они доступными для людей, которые знают, как их использовать»*[44].

1 марта 2011 года сходное мнение высказал Майкл Нелсон, профессор по изучению Интернета в Джорджтаунском университете: *«В конечном счете, не Интернет вызывает революцию, но он способствует ей, точно так же как изобретение печатного станка в XV веке помогло распространению протестантской Реформации в Европе, облегчив обмен информацией»*[45].

Перефразируя Майкла Нелсона, скажем, что США способствуют бурным событиям на Ближнем Востоке и в Северной Африке посредством ПОДДЕРЖКИ самого разного типа:

– информационной (эту тему мы только что рассмотрели);

– финансовой (на заявлении Дж. Сороса о том, что его фонды будут содействовать происходящим на Ближнем Востоке революционным процессам, мы подробно остановимся в главе 9);

– силовой (в Ливии),

и так далее.

Глава 5. «Глобальное политическое пробуждение»

Итак, можно говорить об определенной преемственности между действиями команды Буша и команды Обамы в том, что касается ведения «войны идей» (ставка на развитие интернет-технологий, особый акцент на работе социальных сетей и т.д.).

Но преемственен ли в целом ближневосточный курс администрации Обамы по отношению к курсу администрации Буша?

Каирская речь Барака Обамы в июне 2009 года, когда новый американский президент заговорил о намерении *«открыть новую страницу во взаимоотношениях между Соединенными Штатами и живущими по всему миру мусульманами»,* прозвучала резким контрастом с «крестоносными» заявлениями его предшественника.

Можем ли мы соотнести эту линию, заявленную Обамой в первый год его президентства, с какой-то внятной идеологемой?

Известно, что в ходе президентских выборов 2008 года советником Барака Обамы по внешней политике был Збигнев Бжезинский. В 2007 году вышла книга Бжезинского «Второй шанс» (в русской версии – «Еще один шанс»), адресованная, по большому счету, будущему – тогда еще неизвестному общественности – президенту США.

Автор анализирует внешнеполитические ошибки трех президентов США – Джорджа Буша-старшего, Билла Клинтона и Джорджа Буша-младшего, которые возглавляли страну с 1991 по 2006 год (второй срок Буша-младшего на момент написания книги еще не был окончен). То есть в период, когда США, вследствие распада Советского Союза, оказались в роли безоговорочного мирового лидера.

Бжезинский пишет, что из-за ошибок, допущенных «тремя глобальными президентами», Америка фактически упустила подаренный ей в 1991 году шанс на подлинное глобальное лидерство. Если в момент падения Берлинской стены Америка вызывала повсеместное восхищение, то ныне ее *«повсюду встречают открытой враждебностью, ее легитимность и доверие к ней рушатся, ее вооруженные силы увязли в болоте новых "глобальных Балкан", простирающихся от Суэца до Синьцзяна, ее прежние верные союзники дистанцируются от нее, и опросы мирового общественного мнения свидетельствуют о широко распространенной враждебности по отношению к Соединенным Штатам»*[46].

В книге большое внимание уделено провалу ближневосточной политики трех «глобальных президентов».

По оценке Бжезинского, первый «глобальный лидер» – Джордж Буш-старший – выдвинул идею «нового мирового порядка», однако не сумел наполнить эту идею подлинным содержанием. Автор считает, что Буш блестяще решил две задачи: «деликатную за-

дачу мирного управления процессом демонтажа советской империи» и задачу «устранения чрезмерных амбиций Саддама Хусейна»[47]. В то же время Буш оказался несоразмерен требованиям исторического момента. А заключались эти требования в *«новом представлении о мире и решительном политическом вмешательстве США на Ближнем Востоке»*[48].

Первоначально Буш производил впечатление человека, готового положить конец израильско-палестинскому конфликту. *«В мае 1989 года, четыре месяца спустя после инаугурации, государственный секретарь Буша прямо сказал в Американо-израильском комитете общественных отношений, главном израильско-американском лобби, что "для Израиля пришло время раз и навсегда отказаться от нереалистических представлений о Великом Израиле... Отрекитесь от аннексии. Прекратите политику строительства поселений... Протяните руку палестинцам, как соседям, заслуживающим политических прав"»*[49].

В марте 1990 года Буш-старший заявил, что на Западном берегу или в Восточном Иерусалиме не должно быть новых поселений (вопреки тому, что правительство партии «Ликуд» проводило политику расширения еврейских поселений на палестинских территориях).

Однако, указывает Бжезинский, военный конфликт с Саддамом Хусейном в начале 1991 года отвлек внимание Буша от израильско-палестинской проблемы, а по окончании боевых действий мирный процесс увяз в силу несговорчивости израильского премьер-министра Шамира (не желавшего, в частности, отказаться от строительства новых поселений).

Крупным достижением Буша Бжезинский считает то, что ему удалось привлечь арабские страны к участию в антисаддамовской коалиции. Но, одержав триумфальную победу над Хусейном, Буш далее совершил крупнейшую историческую ошибку: он не стал добиваться отстранения Хусейна от власти. Быстрое прекращение огня в феврале 1991 года привело к тому, что у Хусейна сохранилось достаточно военных сил и он жестко подавил вспыхнувшее в Ираке восстание шиитов (впоследствии это привело к острейшим столкновениям между суннитами и шиитами, очень осложнившим обстановку в Ираке после свержения Хусейна). Произойди отстранение Хусейна весной 1991 года, следующему президенту США не пришлось бы в 2003 году вести войну в Ираке.

По оценке Бжезинского, Буш-старший, ни много ни мало, совершил «первородный грех»: *«... не доведенный Бушем до конца успех в Ираке стал первородным грехом его наследия – незавершенная, вызывающая все большее недовольство и наносящая ущерб ей самой, роль Америки на Ближнкем Востоке... Оба незавершенных дела – израильско-арабский конфликт и прекращение огня в Ираке – стали постоянной заботой преемников Буша»*. Мало того, арабы (с которыми в ходе операции против Хусейна были выстроены союзнические отношения) *«все более расценивали роль Америки в регионе не как оздоравливающее влияние, а как возвращение в колониальное прошлое»*[50].

С приходом к власти второго «глобального лидера» – Билла Клинтона – идею «нового мирового порядка» сменила идея глобализации, несущей благо и открывающей широкую перспективу для всех без исключения. Однако, как указывает Бжезинский, эта оптимистическая идея «споткнулась» на том, что мир после окончания «холодной войны» вовсе не стал благополучным. На период клинтоновского президентства пришлись эскалация насилия в Сомали, катастрофические события в Руанде с многомиллионными жертвами, этнические войны на Балканах, гражданская война в Шри-Ланке.

Ближний Восток в течение двух президентств Клинтона *«оставался кровоточащей раной с незначительными улучшениями и серьезными откатами в израильско-палестинском мирном процессе»*[51]. Бжезинский считает, что Клинтон дважды – в начале первого срока и незадолго до ухода из Белого дома – имел возможность продвинуть вперед израильско-палестинское урегулирование, но в этом не преуспел. А промежуточные годы и вовсе *«прошли впустую – политика США постепенно переходила от нейтрального признания необходимости справедливого урегулирования ко все более односторонней произраильской линии»*[52].

Между тем свою лепту в нарастание напряженности на Ближнем Востоке вносил Ирак. Непрерывно подогревалась иранская проблема. Кроме того, усиливался антиамериканизм, одним из проявлений которого стал антиамериканский терроризм, укреплявшийся по мере повышения политической температуры в регионе.

Все эти вызовы, констатирует Бжезинский, *«требовали значительно большего, чем просто веры в исторический динамизм глобализации»*[53].

В итоге *«Клинтон оставил израильско-палестинские отношения в худшем состоянии, а положение на Ближнем Востоке более неустойчивым, чем оно было, когда он стал президентом»*[54].

Но наиболее катастрофические ошибки совершил третий «глобальный лидер» – Дж.Буш-младший (ему посвящена глава «Катастрофа лидерства»). При нем оказалась востребована доктрина, которую Бжезинский называет «манихейской»[55]. Данная доктрина сформировалась задолго до 11 сентября 2001 года под воздействием группы консерваторов, чей стратегический взгляд *«совпал с мнением израильской партии "Ликуд" и пользовался значительной поддержкой среди христианских фундаменталистов Америки»*[56]. Этот стратегический взгляд заключался в убеждении, что вызов, исходивший ранее от СССР и коммунизма, ныне исходит от арабских государств и воинствующего ислама. Доктрина вполне могла бы остаться невостребованной, не случись 11 сентября. Но это катастрофическое событие *«придало ей видимость актуальности»*[57].

Чтобы доктрина казалась более респектабельной, ее творцы подчеркивали идейную преемственность по отношению к двум знаменитым работам. Тезис Френсиса Фукуямы из работы «Конец истории» о неизбежности демократии послужил *«мощным обоснованием для тех, кто настаивал на том, чтобы Америка всеми доступными ей средствами выступала за продвижение демократии в качестве центрального направления политики США на Ближнем Востоке»*[58].

Но одновременно неоконсерваторы адресовались к идее экзистенциального конфликта с исламом, высказанной Сэмюэлем Хантингтоном в работе «Столкновение цивилизаций».

«Результатом стала манихейская доктрина, с которой ни один из двух исследователей (то есть Фукуяма и Хантингтон) *не мог бы примириться: демократия, столь убедительно провозглашаемая неотвратимой целью развития человечества, вступала в экзистенциальный конфликт в вопросе основных ценностей»*[59], – пишет Бжезинский.

Если же говорить о стратегическом значении провозглашенной США «войны с террором», то она, по оценке Бжезинского, отражала *«имперские заботы о сохранении контроля над ресурсами Персидского залива и желание представителей неоконсервативного направления укрепить безопасность Израиля путем устранения угрозы со стороны Ирака»*[60].

По оценке Бжезинского, Белый дом оказался охвачен высокомерием. Но возмездие не заставило себя долго ждать[61]. (В этом месте некоторые эксперты не могут удержаться от комментария, что Бжезинский пишет о возмездии с чувством глубокого удовлетворения.) Война, названная «войной против террора» и все более приобретавшая «зловещую окраску столкновения со всем миром ислама», дискредитировала глобальное лидерство Америки. *«Америка оказалась неспособной ни сплотить мир в связи с поставленной задачей, ни одержать решительную победу силой оружия. Ее действия разделили ее союзников, сплотили врагов и создали дополнительные возможности для ее соперников и недоброжелателей. Исламский мир был возбужден и приведен в состоянии ярой ненависти»*[62].

Второе крупное обвинение, предъявленное Бжезинским Бушу-младшему, опять-таки касается израильско-палестинского урегулирования. По его мнению, США превратились из посредника между израильтянами и арабами в сторонника Израиля. В результате способность США оказывать решающее влияние на развитие событий существенно снизилась. Таким образом, Буш создал в ближневосточном регионе ситуацию, чреватую для США потерей, в конечном счете, всех арабских друзей.

Насколько справедливо обвинение Бжезинского, адресованное Бушу, в поддержке интересов Израиля в ущерб интересам «арабских друзей»?

Мы возвращаемся к вопросу о преемственности ближневосточных курсов Буша-младшего и Барака Обамы, поставленному в начале этой главы. Вроде бы их курсы кардинально различаются: Буш, объявив войну радикальному исламу, восстановил против себя фактически весь исламский мир, а Обама начал свое президентство с демонстрации дружественных намерений в отношении исламского мира.

Однако, помимо уже отмеченной нами преемственности в том, что касается «войны идей» с задействованием современных интернет-технологий, можно также говорить и о преемственности в выстраивании отношений с определенной частью исламского мира. Той частью, которую еще совсем недавно сами же США классифицировали как «радикальный ислам».

К примеру, столь отчетливо проявившаяся при Обаме тенденция к разделению исламистов на «плохих» (к ним отнесли «Аль-Каиду») и «хороших» (в их число попали «Братья-мусульмане») возникла не сегодня и не вчера.

Далее, заявленный Бжезинским тезис о том, что, предлагая миру проект «Большой Ближний Восток», администрация Буша-младшего действовала в интересах Израиля (то есть «сдавала» интересы исламских государств), распространен очень широко и стал чуть ли не «общим местом» для исламского мира. Однако в эту схему не укладываются слишком многие факты.

Проиллюстрируем данное утверждение всего лишь одним примером. Для этого укажем на некую «скученность событий», организованную при непосредственном участии госсекретаря США Кондолизы Райс в 2005 году.

В июне 2005 года Райс совершила ближневосточное турне, в ходе которого было положено начало весьма существенным трансформациям.

18 июня 2005 года она посетила Израиль и Палестинскую автономию, где провела переговоры с Ариэлем Шароном и Махмудом Аббасом.

Прежде всего, Райс заявила, что США поддерживают израильскую программу размежевания с палестинцами, предусматривающую вывод всех израильских структур из сектора Газа и четырех поселений из северной части Западного берега реки Иордан. Данная программа была предложена премьер-министром Израиля Ариэлем Шароном и утверждена в феврале 2005 года. Райс подчеркнула, что программа одностороннего выхода из сектора Газа «улучшает ситуацию в регионе».

Отметим, что готовность Шарона к уступкам вызвала у его соотечественников взрыв негодования. Первая приходившая на ум причина «сговорчивости» Шарона еще сильнее распаляла негодующих: сын Ариэля Шарона Омри находился в то время в эпицентре скандала, связанного с незаконным финансированием предвыборной кампании его отца в ходе парламентских выборов 1999 года (тогда Шарон-старший боролся за пост главы партии «Ликуд»). Таким образом, лежавший на поверхности ответ состоял в том, что на «сговорчивость» Шарона повлияли его «семейные неприятности». (Мы не обсуждаем, верна или не верна эта версия. Важно, что в те дни она имела хождение и дополнительно подогревала ситуацию.)

На переговорах с Аббасом Райс сказала, что хотя США продолжают считать ХАМАС террористической организацией, однако «палестинские избиратели вольны голосовать за тех, за кого они считают нужным». Кроме того, Райс подчеркнула: «дома эвакуи-

рованных переселенцев должны быть разрушены» – на что, по ее словам, уже согласны обе стороны.

В день встречи Райс с Аббасом палестинский парламент подписал новый закон о выборах. Согласно этому закону, число депутатов в законодательный орган Палестинской автономии было увеличено с 88 до 132. Причем одна половина из них должна была избираться по партийным спискам, а другая – по многомандатным округам.

Именно благодаря этой законодательной новации прохождение ХАМАС в парламент оказалось резко облегчено. Спустя несколько месяцев, в январе 2006 года, движение ХАМАС одержало на выборах оглушительную победу, заняв в 132-местном парламенте 74 места. Правящей партии ФАТХ досталось всего 45 мест. Причем при голосовании по общепартийным спискам ХАМАС опередил ФАТХ совсем ненамного, а вот выборы по многомандатным округам принесли ХАМАСу три четверти из выигранных им мест.

20 июня 2005 года Кондолиза Райс прибыла в Египет, где провела переговоры с Хосни Мубараком. Выступая в тот же день в Американском университете в Каире, она произнесла уже не раз процитированные нами слова о том, что США меняют курс в отношении ближневосточного региона и что «настало время отбросить все оправдания, сдерживающие тяжелую работу демократии».

В итоге настойчивых рекомендаций Кондолизы Райс правительству Мубарака «не сдерживать тяжелую работу демократии» на выборах в декабре 2005 года «Братья-мусульмане» заняли в парламенте 88 мест и сформировали вторую по величине фракцию (о чем мы уже не раз сообщали читателю).

10 августа 2005 года источник в окружении Ариэля Шарона сделал сенсационное заявление: Шарон, возможно, выйдет из партии «Ликуд» и будет баллотироваться на пост главы правительства не от этой партии. Сенсация состояла в том, что поскольку в Израиле премьер-министром, как правило, становится представитель партии, одержавшей победу на выборах в парламент (Кнессет), Шарон был обязан постом премьера именно партии «Ликуд». Выйти после этого из своей партии и продолжать оставаться главой правительства – значило сломать политическую систему страны, причем в очень сложный момент.

15 августа 2005 года началась эвакуация израильских поселений из сектора Газа. Эвакуации предшествовали крупные акции

протеста в Иерусалиме у Стены Плача и в Тель-Авиве, где был собран стотысячный митинг. Протестующих израильтян в массовом порядке арестовывали.

Ариэль Шарон заявил: *«Несмотря на боль, которую я чувствую, мы должны сделать это. Мы не можем держаться за Газу вечно. Там живет свыше миллиона палестинцев, толпящихся в лагерях беженцев, нищих и без надежд на будущее»*[63].

Вслед за эвакуацией израильских поселений из сектора Газа началась эвакуация нескольких израильских поселений на Западном берегу реки Иордан.

Кроме того, в рамках плана размежевания с палестинцами была достигнута договоренность о том, что границу между сектором Газа и Египтом (так называемый Филадельфийский коридор – южную часть сектора Газа, соприкасающуюся с Синайским полуостровом и весьма «проницаемую» для контрабанды оружия, боеприпасов и наркотиков) будут охранять египетские полицейские. Армии обороны Израиля предстояло покинуть эту территорию.

Как заявил бывший сотрудник израильской военной разведки Копель Шумах, *«вывод войск из Филадельфийского коридора – это инициатива не столько Израиля, сколько США и непосредственно госсекретаря США Кондолизы Райс»*[64].

28 августа 2005 года сыну Шарона Омри было предъявлено официальное обвинение.

30 августа 2005 года Шарон объявил об окончании вывода израильских поселений с оккупированных территорий.

12 сентября 2005 года появилось сообщение, что последний израильский солдат покинул сектор Газа и что палестинцы поджигают синагоги как «символы оккупации».

7 ноября 2005 года Кнессет отклонил предложенный Шароном список кандидатов в министры. Противники Шарона заявили, что утверждение данных кандидатур стало бы «награждением за помощь в изгнании евреев».

14 ноября 2005 года началась вторая фаза активизации Кондолизы Райс. В этот день госсекретарь США, которая должна была лететь в Южную Корею, неожиданно изменила маршрут и прибыла в Иерусалим. А затем провела в Рамалле переговоры с Махмудом Аббасом. После чего сообщила, что найдено «принципиальное решение» проблемы передвижения палестинцев через границу между Египтом и сектором Газа. Решение оказалось таким:

видеоматериалы, получаемые с КПП «Рафах», отныне должны были просматривать на соседнем КПП не только израильтяне, но и палестинцы, а также представители ЕС. Помимо этого, было объявлено о планах строительства в секторе Газа аэропорта и морского порта, а также о том, что Израиль должен ликвидировать около 100 блокпостов на Западном берегу реки Иордан.

Заметим, что это «принципиальное решение» было принято в тот самый момент, когда в Египте прошел первый тур парламентских выборов, принесший «Братьям-мусульманам» первые 34 места.

15 ноября 2005 года сын Шарона Омри признался, что получал взятки, будучи руководителем предвыборного штаба партии «Ликуд».

17 ноября 2005 года премьер-министр Ариэль Шарон (глава «державной» партии «Ликуд») договорился с новым лидером партии «Авода» (то есть «антидержавной» партии) о досрочных парламентских выборах. Аналитики заговорили о катастрофическом сломе политической системы Израиля.

21 ноября 2005 года Шарон заявил о выходе из партии «Ликуд» и потребовал досрочного роспуска парламента. Политический кризис стал, прежде всего, следствием раскола в рядах правящей коалиции из-за конфликта вокруг завершенного в сентябре вывода еврейских поселений из сектора Газа.

25 ноября 2005 года израильская и палестинская стороны окончательно договорились об открытии КПП «Рафах» в секторе Газа. Впервые за 38 лет в Палестинской автономии была открыта внешняя граница, позволившая палестинцам более свободно перемещаться на территорию Египта.

26 ноября 2005 года на очередном туре парламентских выборов в Египте «Братья-мусульмане» получили еще 29 мест в парламенте. Выборы сопровождались столкновениями между сторонниками «Братьев-мусульман» и правящей Национально-демократической партии, а также массовыми арестами членов «Братства».

9 декабря 2005 года в Египте были подведены окончательные итоги парламентских выборов. Правящая партия получила 73% мест. Движение «Братья-мусульмане» – 20% мест, что дало им возможность создать единственную крупную оппозиционную фракцию.

19 декабря 2005 года у Шарона случился микроинсульт. В секторе Газа «неблагодарные» палестинцы встретили это известие с ликованием.

В СМИ появились сообщения о новых планах Шарона, который ранее говорил, что Газой все будет исчерпано. Однако теперь речь шла уже о передаче палестинцам части территорий Иудеи и Самарии и о фактическом разделе Иерусалима.

4 января 2006 года уже другой сын Шарона, Гилад, оказался под подозрением по делу австрийского бизнесмена Мартина Шлаффа. Эта история бросала на Ариэля Шарона еще более черную тень, чем скандал вокруг Омри Шарона. Следствие высказало подозрение, что Мартин Шлафф привлекал к своей деятельности Гилада Шарона с целью возобновления работы иерихонского казино «Оазис» (Шлафф являлся его основным владельцем). Это казино, вступившее в строй на территории Палестинской автономии в 1998 году и приносившее огромные доходы, было закрыто после заявления израильских военных о том, что террористы-снайперы сделали казино огневой позицией, а доходы от казино идут на финансирование террористической деятельности.

В ночь на 5 января 2006 года у Шарона произошел обширный инсульт.

Прервемся, чтобы задать вопрос:

– если непосредственным итогом визита госпожи Райс, которая потребовала от египетских властей проведения подлинно демократических парламентских выборов, стало небывалое укрепление позиций исламистского движения «Братья-мусульмане»;

– если итогом благословления, данного госпожой Райс на участие ХАМАС в парламентских выборах, стало получение этой исламистской организацией большинства мест в парламенте Палестинской автономии (напомним, что ХАМАС – это палестинский филиал «Братьев-мусульман»);

– если «сговорчивость» Шарона, выразившаяся в одностороннем выходе израильтян из сектора Газа, передаче Филадельфийского коридора под охрану египетским пограничникам и т.д., привела не только к перечисленным уступкам, но и к крупнейшему политическому кризису в Израиле, –

то можно ли назвать все это «поддержкой интересов Израиля в ущерб интересам арабских друзей»?

Но вернемся к идеям, изложенным Збигневом Бжезинским в его книге «Второй шанс». И напомним, что мы остановились на оценке, которую автор выносит внешнеполитическому курсу Буша-младшего.

Вердикт Бжезинского суров: внешнеполитический курс Буша-младшего подорвал геополитическое положение Америки, ввергнув страну в состояние опасности. Европа отчуждается от США. Россия и Китай ведут себя все более уверенно, координируя на ряде направлений свои усилия (что противоречит интересам США). Азия отворачивается от США. Ближний Восток вот-вот взорвется. Мир ислама пронизан антиамериканским национализмом. *«Статуя Свободы перестает быть символом Америки в глазах многих людей в мире, и этим символом становится концентрационный лагерь в Гуантанамо»*[65].

Итак, – подводит итог Бжезинский, – в период, начавшийся после «холодной войны», Америка упустила две великие исторические возможности.

Во-первых, ей не удалось (и в этом вина не только Америки, но и остальных участников процесса) использовать потенциал Атлантического сообщества, не удалось выработать для него единую глобальную повестку дня. Союз Америки и Европы сделал бы их решающей силой в мире. Действуя по отдельности, они зайдут в тупик.

Во-вторых, Америке не удалось добиться решительного продвижения в израильско-палестинском урегулировании, и это имело колоссальные издержки. За возникшим израильско-палестинским тупиком последовали сначала вторжение США в Ирак, а затем американо-европейский раскол и взрыв враждебности арабов к США. Эта нарастающая враждебность создает риск постепенного выдавливания США из ближневосточного региона, чем не преминет воспользоваться Китай: *«Ни правящие элиты, ни китайцы не проигнорируют эту перспективу. Уязвимые элиты Ближнего Востока нуждаются в иностранном защитнике, а Китай нуждается в стабильном доступе к источникам нефти, которые эти элиты контролируют»*[66].

Из всего сказанного следует, что перед новым американским президентом, который придет на смену Бушу, стоит монументальная задача: восстановить легитимность Америки в качестве глобального лидера, главного гаранта международной безопасности. Но для этого новый американский президент должен извлечь уроки из ошибок своих предшественников. А также глубоко осознать суть исторического момента. А она в том, что произошло ***глобальное политическое пробуждение***. Но пробудившийся мир уже не поддается имперскому доминированию.

Только правильно оценив происходящие в мире изменения и возглавив эти изменения, Америка имеет возможность получить второй – и последний – шанс на глобальное лидерство.

Что же подразумевает Бжезинский под «глобальным политическим пробуждением»?

По его оценке, сегодня впервые в истории все человечество политически сознательно и политически активизировано. В той части мира, которая травмирована воспоминаниями о долгих годах иностранного или имперского владычества, эта глобальная политическая активность выражается в энергичном поиске человеческого достоинства, культурных ценностей и экономических возможностей. Политическое пробуждение глобально по своей географии и охватывает все социальные слои. С политической точки зрения, оно радикализовано.

«Особенно неустойчива молодежь "третьего мира". Демографический взрыв, произошедший в возрастной группе до 25 лет, создал огромную массу людей, заряженных нетерпением. Революционная заостренность этой группы рождается среди миллионов студентов, сосредоточенных в вузах развивающихся стран, часто весьма сомнительного интеллектуального уровня. Полуорганизованные в крупные объединения и общающиеся посредством Интернета, они готовы не только повторить то, что происходило в Мехико несколько лет назад и на площади Тяньаньмэнь, но и пойти намного дальше. Потенциальные революционеры, они представляют собой эквивалент воинствующего пролетариата XIX и XX веков»[67].

Опасность, по оценке Бжезинского, состоит в том, что глобальное политическое пробуждение огромных человеческих масс может обратиться против США. Ведь оно является антизападным, антиимперским и по большому счету антиамериканским. В своем развитии глобальное политическое пробуждение *«вызывает смещение центра глобального притяжения. А это, в свою очередь, в глобальном масштабе меняет расположение центров власти и оказывает серьезное влияние на роль Америки в мире»*[68].

Чтобы не утратить доминирующего положения, Америке необходимо идентифицировать себя с идеей всеобщего чувства политического достоинства, которое подразумевает отнюдь не только свободу и демократию. Оно включает и социальную справедливость (чтобы стать привлекательной социальной моделью для пробудившегося человечества, американскому обществу придет-

ся постепенно преодолеть собственный «персональный гедонизм»). И равенство полов. И уважение к культурной и религиозной мозаике мира (без этого уважения обречены на провал любые усилия по «демократизации извне»).

То есть Америка (против которой, в основном, и направлено глобальное политическое пробуждение) должна стать мировым лидером, чуть ли не революционным локомотивом, с которым пробудившиеся народы связывали бы свои надежды и чаяния.

Бжезинский отмечает, что антизападничество – это больше, чем популистское отношение. Это проявление глобального демографического сдвига (который тянет за собой изменение и политического, и экономического баланса). По оценке, приводимой Бжезинским, совокупное население Европы и США к 2020 году будет составлять всего 15% населения мира[69]. Но миллиарды людей – политически пробудившаяся часть незападного населения – жаждут утвердиться. И это качественно новый фактор, влияющий на перераспределение власти в мире.

Дальше Бжезинский переходит к главному:

«В сегодняшнем значительно усложненном глобальном контексте ***многое зависит от того, удастся ли Америке восстановить некоторую степень взаимного доверия в ее отношениях с исламским миром.*** *Затянувшаяся неспособность сделать это создаст для Китая возможности повысить свою роль не только в отношении Индонезии и Пакистана, но и в отношении Ирана и государств Персидского залива. Если позиции Америки в регионе будут ухудшаться, китайское политическое присутствие здесь будет горячо приветствоваться. Это значительно повысило бы глобальное влияние Китая и могло бы подвергнуть некоторые европейские страны искушению считать, что укрепление особых отношений с энергично развивающимся сообществом стран Восточной Азии отвечает долговременным интересам Европейского Союза»*[70].

Книга завершается призывом осознать, что для Америки нет ничего опаснее, чем *«восприятие американской политики в постимперскую эру как самонадеянно имперской, увязшей в колониальном прошлом вопреки наступившему постколониальному времени»*[71].

Итак, внешняя политика Америки должна соответствовать реалиям постколониального и (что крайне важно!) постзападного времени. США еще могут сделать это – если следующий прези-

дент *«ощутимо свяжет силу Америки с устремлениями политически пробудившегося человечества»*.

Для этого, согласно рекомендациям Бжезинского, новому американскому президенту, идущему на смену Дж.Бушу-младшему, необходимо восстановить отношения с исламским миром. В противном случае взрыв исламского антиамериканизма выбросит США из ближневосточного региона, а его место займет Китай.

Поскольку в описании Бжезинского глобальное политическое пробуждение – это масштабный и необратимый процесс, погасить энергию огромных разогретых масс (в частности, энергию исламского антиамериканизма) нельзя. Ее можно только перенаправить.

Как это сделать? Например, найти внутри исламского мира союзников, готовых направить клубящуюся энергию исламского населения на «революционные» преобразования в регионе.

Глава 6. Избывание «первородного греха»: сдвиги в ближневосточном процессе

Анализируя бурные события в Египте, газета Nahdet Masr назвала египетскую революцию уникальным явлением. И пояснила: уникальность ее в том, что революционная молодежь свергла режим с помощью не применявшегося ранее оружия – новых медиатехнологий. Причем не имея харизматического лидера.

В главе 4 мы уже приводили мнение ряда аналитиков, согласно которому социальные медиа сами по себе не вызывают революцию. Они инструмент, который может дать определенный эффект только в умелых руках.

То есть вопрос все-таки в субъекте, в «умелых руках». У вышедшей на улицу энергичной молодежи, жаждущей перемен и самореализации (и являющей собой иллюстрацию на тему «глобального политического пробуждения», описанного Бжезинским), не было харизматического лидера. Но это не значит, что ее вообще никто не направлял. Мало вывести на улицу большую толпу с помощью медиатехнологий. Для того чтобы толпа не была разогнана в два счета, она должна вести себя соответствующим образом. И на стихийную самоорганизацию тут рассчитывать не приходится.

Как мы помним, в 2005 году, во время парламентских выборов в Египте, светские силы либеральной направленности выглядели на фоне «Братьев-мусульман» очень бледно. В отличие от «Братьев», они не были готовы к уличным столкновениям, к применению насилия. Да, с тех пор много воды утекло. Да, за это время либеральные силы «подросли» и энергетизировались. А «Братья-мусульмане» на парламентских выборах в октябре 2010 года не смогли (Мубарак учел уроки 2005 года!) закрепить и приумножить собственный триумф пятилетней давности. Но означает ли это, что баланс светских и исламистских оппозиционных сил в Египте к 2011 году коренным образом изменился?

В первые дни протестных выступлений в Египте о «Братьях-мусульманах» слышно не было. «Революционное большинство» явно не ориентировалось на идеи построения исламского государства и главенство шариатского права, отстаиваемые «Братьями» в течение многих лет. И потому начались разговоры о фиаско «Братьев-мусульман», о возможном их расколе – мол, горячая молодежь «Братьев» вольется в революционные ряды египетских поборников идеи демократии, и возникнет ценностный «конфликт поколений», который взорвет «Братство» изнутри.

Согласно картине, нарисованной СМИ, «Братья» сначала оказались в хвосте революционного процесса и только потом поспешно запрыгнули на ступеньку последнего вагона уходящего поезда.

Однако представители «Братства» предлагают иную картину. Так, заместитель верховного наставника «Братьев-мусульман» Рашад Мухаммед аль-Баюми заявил в интервью РИА «Новости»: *«Мы с первого дня* (то есть с 25 января 2011 года) *разрешили нашей молодежи участвовать в революционном движении в Интернете с помощью сети Facebook. На следующий день уже поступили указания оказать более серьезную поддержку»*. По словам аль-Баюми, даже лидеры Национально-демократической партии (бывшей правящей партии при Мубараке) признали, что *«именно "Братья-мусульмане" защитили революцию. Потому что "Братья-мусульмане" обучены тому, как противостоять актам насилия, и доказали это во время атаки на демонстрантов на площади Тахрир. Члены движения организовывали и охраняли жизнь революционеров на площади... дали отпор разбойникам, которых наняла НДП»*. Движение *«настаивало на том, чтобы революция была доведена до конца, чтобы не было никакого отступления»*[72].

Но, может быть, «Братья-мусульмане» преувеличивают свои заслуги перед революцией?

5 февраля 2011 года (в день, когда руководство правящей Национально-демократической партии Египта подало в отставку) Хосни Мубарак заявил, что именно «Братья-мусульмане» организовали массовые беспорядки, которые привели к кровопролитию и коллапсу в стране[73].

Однако Мубарака давно обвиняют в намеренном преувеличении опасности, исходящей от «Братьев-мусульман», с целью убедить Запад в своей незаменимости.

В ходе «революционных событий» тезис о том, что опасность, исходящая от этого движения, сильно преувеличена, вновь оказался актуализирован. «Братья-мусульмане» были признаны действенной, но не опасной силой. Из этого вытекал вывод, что их необходимо срочно вовлечь в переговорный процесс.

В главе 9 мы подробно рассматриваем серию недавних заявлений официальных лиц США касательно «Братьев-мусульман». Эти заявления свидетельствуют, что американская администрация отныне разграничивает тех, кто еще совсем недавно числился в радикальных исламистах, на «хороших» и «плохих». В частности, «Братья-мусульмане» теперь – «хорошие». А «Аль-Каида» – попрежнему «плохая».

После этих заявлений предугадать дальнейшее развитие событий было нетрудно. Такое разграничение означало, что десятилетний период, в течение которого США вели сначала «войну с террором», а потом «борьбу с эстремизмом и насилием», подходит к концу. И что в ближайшее время мировой общественности будет предъявлено несколько трупов, идентифицированных как трупы руководителей «Аль-Каиды» (что и произошло 2 мая 2011 года, когда Барак Обама объявил об уничтожении бен Ладена). На этом основании США объявят о победе над «террористическим злом». И, в частности, смогут без потери лица вывести войска из Афганистана, что Барак Обама давно уже пообещал сделать.

Таким образом, нынешний американский президент получает шанс выйти из патовой ситуации, в которой США оказались благодаря ошибкам, допущенным на ближневосточном направлении десятилетие назад еще Бушем-старшим. Напомним, что Бжезинский считает главной ошибкой этого президента США то, что он не сумел завершить два процесса (и в этом, по определению Бже-

зинского, состоит его «первородный грех», за который пришлось расплачиваться последующим президентам и всей Америке в целом).

Во-первых, победив в 1991 году Саддама Хусейна, Буш-старший не отстранил его от власти. Если бы не это обстоятельство, то США то ли вообще не втянулись бы в «войну с террором», то ли эта война развивалась бы иначе и США не «завязли» бы в Афганистане и в еще большей степени в Ираке...

Во-вторых, Буш-старший не проявил должной настойчивости в разрешении израильско-палестинского конфликта.

Эти два незавершенных дела, как указывает Бжезинский, «*стали постоянной заботой преемников Буша*».

Уничтожение бен Ладена позволяет завершить первое дело – прекратить «войну с террором».

Но для того, чтобы нормализовать отношения с исламом, этого мало. Необходимо окончательно избыть «первородный грех», то есть реально продвинуться на пути израильско-палестинского урегулирования.

Активные шаги в этом направлении уже осуществляются.

Разминка темы началась еще до отставки Хосни Мубарака. Один из лидеров «Братьев-мусульман» в Египте Мухаммад Ганем сообщил в интервью англоязычному иранскому новостному агентству Al-Alam, что египтянам следует готовиться к войне с Израилем, Суэцкий канал необходимо закрыть, а поставки египетского газа Израилю прекратить[74]. Позже лидеры «Братьев-мусульман» вынуждены были заявить, что любое решение, касающееся мирного договора с Израилем, находится в руках египетских граждан и никто не будет им навязывать свою точку зрения. Но 11 февраля, в день отставки Мубарака, руководители ХАМАС показательно приняли представителей «Братьев-мусульман» и выразили надежду, что «новый египетский режим поможет снять израильскую осаду сектора Газа».

2 мая 2011 года было объявлено об уничтожении в пакистанском городе Абботтабад лидера террористической сети «Аль-Каида» Усамы бен Ладена.

И «Братья-мусульмане», и ХАМАС назвали ликвидацию бен Ладена «вероломным убийством». В частности, глава администрации ХАМАСа в секторе Газа Исмаил Хания заявил, что это «*продолжение американской политики угнетения мусульман и арабов и*

пролития их крови. Мы осуждаем вероломное убийство святого арабского воина»[75]. А вот палестинское движение ФАТХ поддержало ликвидацию бен Ладена.

Однако это не помешало ХАМАС и ФАТХ пойти на примирение.

3 мая 2011 года представители 13 соперничающих палестинских фракций при посредничестве египетских властей подписали в Каире предварительное соглашение о примирении и восстановлении национального единства. В числе подписантов – глава политбюро ХАМАС Халед Машаль, лидер «Исламского джихада» Рамадан Шалах, представитель ФАТХ Аззам аль-Ахмад, Ахмад Джибриль из организации «Народный фронт освобождения Палестины – генеральное командование» и Махер Тахер из НФОП. Власти Египта представлял Мухаммад Ибрагим, офицер военной разведки.

4 мая 2011 года было подписано уже полноценное соглашение между различными палестинскими группировками. Подписание проходило не где-нибудь, а в штаб-квартире службы общей разведки Египта. На церемонии присутствовали представители стран-членов Лиги арабских государств (ЛАГ), генсек ЛАГ Амр Муса, спецпосланник генсека ООН Пан Ги Муна, глава европейской дипломатии Кэтрин Эштон, генсек Организации Исламская Конференция (ОИК) Экмеледдин Ихсаноглу и другие официальные лица.

Подписанные договоренности предполагают проведение в Палестинской автономии парламентских и президентских выборов, а также формирование «кабинета согласия».

Заключение соглашений бурно приветствовала молодежь как Западного берега, так и сектора Газа.

Итак, Египет Мубарака, при всех возможных оговорках, был лоялен Израилю. Новый – постмубараковский – Египет делает явный жест нелояльности к Израилю. Примирение ФАТХа и ХАМАСа может быть сделано только в антиизраильском ключе. Фактически это второй антиизраильский жест Египта после антимубараковской революции. В феврале 2011 года новая египетская администрация дала разрешение на проход двум иранским военным кораблям через Суэцкий канал. Такого не было со времен исламской революции 1979 года в Иране.

Теперь Египет содействовал примирению враждующих палестинских группировок.

Что будет означать это примирение политически? Не является ли это примирение своего рода «Кэмп-Дэвидом наоборот»: в свое время именно мир с Египтом позволил Израилю разомкнуть враждебную арабскую дугу вокруг себя, а теперь постмубараковский Египет инициирует почти фатальный для Тель-Авива межпалестинский мир?

До 3 мая 2011 года в регионе существовала следующая ситуация. На Западном берегу реки Иордан хозяйничали официальные власти Палестинской автономии во главе с официальным руководителем Махмудом Аббасом. В секторе Газа обосновалась администрация ХАМАС, которая была враждебна и фатховской группировке на Западном берегу, и Израилю.

Отношения между Западным берегом и сектором Газа были фактически разорваны после вооруженных столкновений двух палестинских фракций в секторе Газа в июне 2007 года. В этой ситуации администрация Аббаса оказалась договороспособной как с Израилем, так и с умеренными арабскими режимами.

Что же будет теперь?

Формально вмешательство «кабинета согласия» в политическое палестино-израильское урегулирование не предполагается, оно останется прерогативой ФАТХа. Однако сделанные в ходе церемонии подписания заявления заставляют в этом усомниться.

Глава ПНА Аббас заявил, что выбирает в качестве своего политического партнера ХАМАС, а не Израиль. И добавил, что израильтяне вмешиваются во внутренние дела Палестины, при этом сам он лично никогда не пытается оказать влияние на израильскую политику. По словам Аббаса, Израилю теперь придется делать выбор: либо строительство поселений, либо мир.

Аббасу вторил Машаль, отметивший, что палестинцы наконец-то смогут выработать единую стратегию построения своего государства и борьбы с общим израильским врагом.

Генсек ОИК Ихсаноглу назвал соглашение о межпалестинском урегулировании «историческим достижением».

В день подписания полноценного договора между ХАМАС и ФАТХ, 4 мая 2011 года, премьер-министр Израиля Бениамин Нетаниягу встретился в Лондоне со спецпредставителем ЕС по Ближнему Востоку Тони Блэром. В ходе встречи Нетаниягу заявил, что призывает Аббаса отказаться от диалога с ХАМАС и вернуться к диалогу с Израилем. При этом израильский премьер подчеркнул,

что с точки зрения Израиля недопустимо вести мирные переговоры с правительством, существенная часть которого призывает к уничтожению государства Израиль и прославляет бен Ладена.

Отметим, что палестинское примирение не было результатом спонтанного процесса, а шло параллельно с египетскими и тунисскими событиями (набиравшими обороты в январе 2011 года) и явно в связке с ними.

Еще 23 января 2011 года телекомпания «Аль-Джазира» – главный информационный спонсор тунисско-египетской революции – сообщила, что из нескольких тысяч конфиденциальных документов, включающих переписку и протоколы переговоров между представителями ПНА, США и Израиля, следует, что представители ПНА тайно признали аннексию Израилем почти всех территорий Восточного Иерусалима, а также пошли на другие уступки, чтобы приблизиться к созданию палестинского государства.

Одна из сенсаций: якобы власти ПНА предлагали израильтянам создать совместный комитет и передать в его ведение Храмовую гору. Большой резонанс вызвало сообщение, что палестинские переговорщики обсуждали возможность ограничить до 100 тыс. количество палестинских беженцев, которые смогут вернуться после подписания мирного договора.

Главный переговорщик от ПНА Саеб Эрекат называет эти сообщения «связкой лжи». Однако уже 12 февраля он вынужден подать в отставку.

Два дня спустя, 14 февраля, премьер-министр ПНА Салям Файяд подал Аббасу письмо об отставке правительства. Аббас отставку кабинета принял, но попросил Файяда сформировать новое правительство, что тот и сделал.

Забегая вперед, отметим, что после подписания межпалестинского соглашения движение ХАМАС категорически отказалось обсуждать кандидатуру Файяда на пост премьера «кабинета согласия», назвав его «символом палестинского раскола». (Правда, при этом движение ХАМАС согласилось рассматривать Файяда как министра финансов нового правительства.)

15 марта молодежное движение «15 марта» провело в Газе и Рамалле многотысячные демонстрации с требованием к ХАМАС и ФАТХ прекратить междоусобицу.

16 марта Аббас заявил, что не будет выдвигать свою кандидатуру на президентских выборах, намеченных на осень, отметив, что

«выборы не могут состояться, пока Западный берег реки Иордан и сектор Газа не объединятся».

Итак, сначала известная своим специфическим поведением во время тунисско-египетских событий «Аль-Джазира» выдает утечки, которые компрометируют фатховскую администрацию ПНА.

Потом появляются молодежные уличные движения, явно адресующие нас все к тем же тунисско-египетским прецедентам.

И под конец Аббас – этот палестинский аналог Бен Али и Мубарака – заявляет о том, что не будет бороться за новый президентский срок. В складывающейся ситуации это означает, что власть будет сдана либо «хамасовцу», либо такому «фатховцу», который будет во всем слушать ХАМАС.

На этом фоне происходит еще один процесс – фактическая подготовка к одностороннему объявлению палестинской независимости.

12 апреля Agence France-Presse сообщает, что управление ООН по координации ближневосточного мирного процесса в специальном докладе, посвященном палестинской проблеме, пришло к выводу, что администрация Палестинской автономии в целом готова стать правительством независимого государства.

14 апреля Le Figaro пишет, что Израиль опасается «дипломатического цунами» в связи с вероятностью почти единогласного признания палестинского государства на предстоящей в сентябре сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

14 апреля британская The Financial Times публикует статью бывшего советника Буша-старшего по национальной безопасности Брента Скоукрофта, в которой он прямо формулирует те принципы, которыми должен руководствоваться Обама при палестино-израильском урегулировании:

«Первое – нужно решить вопрос о территории и границах. Необходимы два государства в границах на 4 июня 1967 года с мелкими, взаимными и согласованными модификациями в соответствии с обменом землями в пропорции один к одному, нужно учесть территории на Западном берегу Иордана, густонаселенные израильтянами.

Второе – найти решение проблемы беженцев, соответствующее модели «два государства», которое не предполагало бы всеобщего права на возвращение в Израиль и учитывало бы обиду палестинских беженцев на несправедливость, одновременно обеспечивая их реальной денежной компенсацией и содействием в переселении.

Третье – сделать Иерусалим нераздельной столицей одновременно Израиля и Палестины, где еврейские районы находились бы в составе Израиля, а арабские – в составе Палестины, а для Старого города ввести особый режим.

Четвертое – Обама должен настаивать на демилитаризованном палестинском государстве и механизмах безопасности, которые снимут тревоги Израиля, не нарушая суверенитета Палестины, а также на присутствии многонациональных сил под руководством США, которые обеспечат мирный переходный период».

Таким образом, подготовка к провозглашению палестинского государства идет. И в складывающейся обстановке основным мотором этого процесса станет именно движение ХАМАС, на близость которого «Братьям-мусульманам» мы неоднократно указывали (ХАМАС – палестинский филиал «Братьев»).

Перечисленные факты, как нам представляется, дают достаточно серьезные основания для следующей гипотезы: «Братья-мусульмане» – одна из сил, с которыми США намерены выстроить союзнические отношения в деле переформатирования «Большого Ближнего Востока». В связи с этим предлагаем перейти далее к конкретному рассмотрению истории и деятельности движения «Братья-мусульмане», о роли которого в современных ближневосточных процессах было уже немало сказано выше.

Глава 7. «Братья-мусульмане»

Союз Запада с исламистами сложился не сегодня. Движение «Братья-мусульмане» возникло при поддержке Запада.

Организация «Братья-мусульмане» была создана в Египте в 1928 году. Ее основатель – Хасан аль-Банна – родился в 1906 году в деревне Махмудийа, на юге Египта. Его первым наставником стал отец – шейх Ахмад аль-Банна, получивший религиозное образование в университете Аль-Азхар, где он учился у основателя салафитского движения Мухаммеда Абдо. Именно идеи Абдо и одного из его ближайших сподвижников – сирийца Рашида Риды[76] – легли в основу доктрины «Братьев-мусульман».

Мухаммед Абдо вслед за своим учителем, идеологом панисламизма Джамалем ад-Дином аль-Афгани, считал, что мусульманс-

кий мир должен вернуться к чистоте веры, свойственной первым десятилетиям ислама. Концепция панисламизма опиралась на идею всемирного мусульманского государства – халифата. Абдо и Аль-Афгани выступали за воссоздание мусульманского халифата во главе с домом Османов. До 1924 года, когда Турция была провозглашена республикой, правители Османской империи считались главой всех мусульман.

Рашид Рида в 1904 году основал «Османское общество совета», поставившее задачу объединить проживающих в Египте сторонников османского единства. Главной целью общества было создать основу совещательного правления в османском государстве при сохранении у власти правящей османской династии. В 1908 году общество распалось, так как ближайшие соратники Риды – братья Рафик и Хакки аль-Азм – вступили в партию младотурков «Единение и прогресс».

Рашид Рида писал: среди руководителей общества «Единение и прогресс» нет ни одного не турка, и оно может считаться «османским» только в турецком понимании этого термина[77]. В 1922 году Рида публикует знаменитый трактат «Халифат, или Великий имамат», в котором доказывает преимущество халифата перед иными формами правления.

Английская администрация в Египте с интересом следила за деятельностью основателей салафизма. Абдо был в дружеских отношениях с английским генерал-губернатором лордом Кромером. В 1899 году Абдо стал муфтием Египта. Один из друзей Абдо писал: *«Сейчас Абдо, возможно, самый большой англофил среди египтян»*[78]. Аль-Афгани и Абдо были членами масонской ложи «Звезда Востока», основанной в 1871 году и контролировавшейся «Объединенной Великой ложей Англии». По данным египетского историка Мухаммеда Сабри, аль-Афгани вступил в эту ложу при содействии английского вице-консула Рафаэля Борга[79].

Основатели салафизма нашли в английских политиках своих сторонников, несмотря на то что открыто заявляли о непреодолимых противоречиях между Западом и исламским Востоком. Англичан интересовала возможность использования реформаторов как инструмента борьбы с национально-освободительным движением в Египте. Им импонировал панисламизм, мешавший развитию национальных идей, а также возможность задействовать ислам в качестве «оружия» против социалистического и коммунистического движений.

В 1927 году Хасан аль-Банна был назначен преподавателем арабского языка в начальной школе города Исмаилия около Суэцкого канала, и там же в марте 1928 года он создал общество «Братьев-мусульман». Надо отметить, что в то время Исмаилия была столицей оккупированной англичанами зоны Суэцкого канала и в ней находился штаб Компании Суэцкого канала. Первая мечеть «Братьев-мусульман» была построена в 1931 году на деньги этой компании.

К 1934 году в Египте было открыто уже более 50 отделений «Братьев-мусульман». Они занимались созданием школ, мечетей и фабрик. В 1935 году появился первый филиал организации за рубежом: алеппское отделение «Братьев-мусульман», ставшее сирийским штабом «Братства».

В 1939 году «Братья-мусульмане» стали официальной политической группой. Хасан аль-Банна сформулировал один из главных исламистских тезисов – неразделимость религии и политики: *«Если кто-либо скажет вам: "Это – политика!" – скажите: "Это – ислам, и мы не признаем никакого разделения"* [80]. Главной политической целью Аль-Банна провозгласил *«освобождение от чужеземцев всех территорий распространения ислама, объединение мусульманских народов на основе Корана; создание всемирного исламского государства – "федерации" мусульманских наций...»*[81].

После окончания Второй мировой войны авторитет «Братьев-мусульман» в Египте вырос настолько, что они смогли конкурировать с самой влиятельной политической партией «Вафд» за лидерство в руководстве освободительным движением. «Братья-мусульмане» впервые открыто выступили со своей политической программой, призвав к свержению монархии и установлению исламской республики.

Популярность «Братства» еще больше выросла после того, как в октябре 1947 года Хасан аль-Банна объявил о формировании боевой группы своих сторонников для участия в военных действиях по освобождению Палестины.

В самом Египте стремительно росло количество террористических актов, направленных против врагов организации. 4 декабря 1948 года «Братья-мусульмане» убили начальника каирской полиции генерала Салима Заки. Король и члены правительства, опасаясь за свои жизни, старались не показываться в публичных местах.

8 декабря 1948 года премьер-министр Махмуд Фахми Нокраши, озабоченный террористической деятельностью и ростом влияния «Братства», издал приказ о запрещении организации и конфискации ее имущества. Средства организации были изъяты, а десятки ее членов отправлены за решетку. В отместку 28 декабря 1948 года Нокраши был убит членом «Братства». А 12 февраля 1949 года агент правительства застрелил в Каире Хасана аль-Банну.

В 1950 году «Братья-мусульмане» были легализованы в Египте в качестве «религиозной ассоциации». Уже в следующем году они восстановили военное крыло «Братства», приняв участие в партизанской войне против англичан, проигнорировавших решение египетского парламента о денонсации англо-египетского договора 1936 года. В конце концов, лидеры «Вафд» для решения вопросов в зоне Суэцкого канала вынуждены были обращаться к шейху Фаргали, руководившему военными группами «Братьев-мусульман» в Исмаилии.

В июле 1952 года «Братья-мусульмане» поддержали антимонархическую революцию, совершенную организацией «Свободные офицеры» во главе с Гамалем Абделем Насером. Первое время они пытались влиять на политику Совета революционного командования во главе с Мухаммедом Нагибом и Насером. Но отказ Насера пересмотреть вопрос о светском пути развития Египта сделал конфликт между революционным руководством и «Братьями-мусульманами» неизбежным.

12 января 1954 года в Каирском университете произошло столкновение между членами «Братства» и сторонниками Насера, с обеих сторон были жертвы. В августе 1954 глава «Братьев» Хасан аль-Худейби выступил против проекта англо-египетского договора[82]. Покушение «Братьев-мусульман» на Насера в октябре 1954 года во время военного парада в честь заключения соглашения с Англией привело к тому, что 5 декабря 1954 года организация была вновь официально запрещена.

В связи с покушением на Насера арабская пресса неоднократно отмечала существование тайных каналов связи «Братьев-мусульман» с Англией и другими западными державами. По официальным египетским данным, «Братья-мусульмане» вели тайные переговоры с англичанами с целью заручиться поддержкой для свержения Насера. В этом же ключе можно вспомнить о встрече Саида Рамадана, зятя Хасана аль-Банны, с президентом США Д.Эйзенхауэром в 1953 году.

В ходе судебного разбирательства выяснилось, что тесные контакты с «Братьями» поддерживал Нагиб. Он был освобожден от занимаемых им должностей и взят под стражу. К концу 1954 года под стражей находилось более тысячи человек из «Братства», к октябрю 1955 года – более трех тысяч. Увеличилось число членов организации, уехавших в Иорданию, Ливан, Саудовскую Аравию и Сирию. До 1960 года организация занималась, в основном, сборами в пользу семей заключенных.

К 1961 году внутри «Братства» определились новые лидеры и группы. Радикальное крыло организации было представлено Сейидом Кутбом, группой Хусуйна Тевфика, выступавшего за широкое применение насилия, и группой Эйна Шамса Мустафы Мурсы, в которую входили те, кто принял особую ступень посвящения и стал фидаем (жертвующим жизнью во имя веры).

В 1964 году большинство находящихся в заключении членов «Братства» вышли на свободу по амнистии. И уже в 1965 году органы безопасности ОАР (объединенное египетско-сирийское государство) раскрыли новый заговор «Братьев-мусульман», направленный на свержение правительства. Было арестовано около 6 тысяч человек. Нескольким лидерам «Братьев-мусульман», в том числе Сейиду Кутбу, был вынесен смертный приговор.

В тюрьме Сейид Кутб написал свое самое знаменитое произведение – «Вехи на пути». Он утверждал, что все, что не относится к исламу, зло и порок и что законы шариата суть единственно правильный путь, которого должны придерживаться мусульмане. По мнению Сейида Кутба, человечество постепенно впало в новую джахилийю (доисламский, «варварский» период в арабской истории), и в борьбе против безбожников – как среди мусульман, так и немусульман – следует применять джихад.

В годы правления президента Анвара Садата (1970–1981) политика властей в отношении «Братьев-мусульман» смягчилась, хотя организация могла действовать исключительно в качестве религиозной ассоциации. В 1971 году в египетскую конституцию было введено положение о том, что принципы шариата являются основным источником законодательства. В 1978 году был принят закон, запрещающий занимать ответственные должности в выборных государственных органах и в общественных организациях тем, кто распространяет идеи, противоречащие шариату. Несмотря на то, что Садат принял многие требования «Братьев-мусульман»,

выступления исламской оппозиции против коррупции властей, иностранного влияния и т.д. продолжались.

Заключение мирного договора между Израилем и Египтом в 1979 году привело к дальнейшему размежеванию «Братьев» на умеренных и радикалов. Радикалы создали несколько террористических организаций и провели ряд терактов, один из которых – убийство Анвара Садата[83].

В 1979 году «Братья-мусульмане» начали крупномасштабную террористическую войну против Хафеза аль-Асада, президента Сирии. В июне 1979 году они убили 32 и ранили 54 курсанта в артиллерийской школе в Алеппо. После покушения в июне 1980 года на Асада сирийский парламент признал членство в «Братстве» тяжким преступлением. Для подавления поднятого «Братьями-мусульманами» восстания в городе Хама в феврале 1982 года была задействована армия, практически уничтожившая сирийское отделение «Братства».

В конце 1987 года была образована террористическая организация шейха Ахмеда Яссина – ХАМАС – палестинский филиал «Братьев-мусульман», и в том же году началась первая интифада.

В 1989 году в Судане член «Братьев-мусульман» Хасан ат-Тураби стал идейным вдохновителем военного переворота, в результате которого к власти пришли военные под руководством Омара Башира, взявшие курс на исламизацию страны.

В 1991 году Хасан ат-Тураби заявил: с распадом СССР открылась великая надежда и перспектива – ислам должен стать преемником коммунизма на территории бывшей советской империи, превратить ее в исламское шариатское государство от Черного моря до Памира[84]. С 1992 по 1996 году в Судане, по приглашению Тураби, жил Усама бен Ладен.

В Европе первые филиалы «Братьев-мусульман» появились в середине 50-х годов, когда деятельность организации была запрещена в Египте, Иордании и Сирии. В 1958 году зять Хасана аль-Банны Саид Рамадан создал в Мюнхене «Исламское общество Германии». Проведенное после 11 сентября 2001 года расследование выявило причастность руководителей «Исламского общества Германии» к созданию банка «Ат-Таква», финансировавшего ХАМАС, алжирский «Исламский фронт спасения», тунисскую партию «Ан-Нахда» и «Аль-Каиду»[85].

В 1989 году при активном участии «Братьев-мусульман» была создана Федерация исламских общин Европы. В 1997 году при

Федерации был учрежден Европейский совет по исследованиям и фетвам. Совет возглавил шейх Юсеф аль-Карадави – один из лидеров «Братьев-мусульман», известный радикальными взглядами. Так, в 2000 году он заявил, что, покуда народ Чечни сражается за свою землю, честь и веру против жестоких вражеских сил, эта война называется джихадом[86].

В фетве 2002 года аль-Карадави отметил, что,«дважды изгнанный из Европы», ислам вернется «как завоеватель и победитель» (правда, с оговоркой, что покорение Европы на этот раз будет происходить «не с помощью меча, а с помощью проповеди и идеологии»)[87] . В 2008 году под нажимом Консервативной партии шейху было отказано во въездной визе в Великобританию. Причиной отказа стало интервью аль-Карадави BBC, в котором он назвал взрывы террористов-самоубийц в Израиле «мученичеством во имя Бога»[88].

Специалисты по исламу отмечают значительную роль «Братьев-мусульман» в радикализации европейской мусульманской общины. Так, исследователь из Гарвардского университета Лоренцо Видино указывает на особенность политики «Братства»: *«По телевизору их представители говорят о межконфессиональном диалоге и об интеграции, в то время как их мечети проповедуют ненависть и предупреждают прихожан о зле западного общества»*[89].

В США деятельность «Братьев-мусульман» долгое время находилась под запретом. Но, начиная примерно с 2005 года, Госдепартамент сделал ряд шагов для создания площадок сотрудничества с так называемыми «умеренными исламистами». Это доказывает американский исследователь, автор книги «Мечеть в Мюнхене: нацисты, ЦРУ и подъем Братьев-мусульман на Западе» Иан Джонсон. Джонсон приводит следующие факты: в 2006 году в Брюсселе была организована конференция между европейскими «Братьями-мусульманами» и американскими исламскими организациями. В числе приглашенных было «Исламское общество Северной Америки», имеющее связи с «Братьями-мусульманами». В аналитическом докладе ЦРУ 2006 года было сказано, что «Братья-мусульмане» обладают *«внушительным внутренним динамизмом, организацией и умением работать со СМИ»*[90].

В самом Египте деятельность «Братства» до сих пор была существенно ограничена конституцией страны, запрещающей создание политических партий на религиозной основе. В начале 80-х

годов Мубарак снял с лидеров умеренного крыла «Братьев-мусульман» обвинение в причастности к убийству Садата. С 1984 года «Братство», восстановленное в качестве религиозной организации, не имея возможности самостоятельно участвовать в политической деятельности, сотрудничало с различными политическими партиями – «Новым Вафдом», Социалистической партией труда и Либеральной социалистической партией.

В 1987 году «Братство» было представлено в парламенте несколькими депутатами. В 2000 году оно имело в парламенте 17 мест. В декабре 2005 года «Братья-мусульмане», как мы уже говорили, добились сенсационного успеха, проведя 88 своих представителей в парламент в качестве независимых кандидатов. Тогдашний глава «Братства» Мухаммед Акеф в декабре 2005 года в интервью газете «Аш-Шарк аль-Авсат» заявил: *«Я отвергаю любые сомнения в наших намерениях. Наши намерения известны и изложены публично. Мы требуем полной демократии и мирной сменяемости власти»*[91].

«Братья-мусульмане» часто говорят о своей приверженности демократии. При этом демократию они подчеркнуто трактуют только как инструмент смены власти, никак не противоречащий их собственному представлению об идеальном политическом устройстве – исламском государстве, где власть правителя ограничена законами шариата. При этом к созданию исламского государства «Братство», следуя наставлениям своего основателя Хасана аль-Банны, планирует идти постепенно, шаг за шагом. На сайте движения «Братьев-мусульман» от 30 октября 2009 года выложен манифест, в котором, в частности, говорится о необходимости создания *«мусульманского индивидуума, мусульманской семьи, мусульманского правительства и мусульманского государства, которое предстоит создать исламским странам, объединяющим всех мусульман»*[92].

Эксперты отмечают, что режим Мубарака, предоставив «Братьям-мусульманам» решать многие социальные проблемы, стал фактически «инкубатором исламизма». «Братство» обладает целой сетью детских садов, школ и больниц и предоставляет их услуги тысячам египтян. При этом очевидно, что «Братья» не собираются ограничиваться социальной деятельностью и будут активно участвовать в политической борьбе.

В феврале 2011 года глава «Братьев» Мухаммед Бади заявил, что организация готовит платформу для создания политической

партии, оговорив, что она не рассчитывает получить парламентское большинство и не будет выставлять кандидата на пост президента. Однако уже в апреле Бади сказал, что «Братья-мусульмане» могут рассчитывать на 75% мест в парламенте, к тому же один из лидеров организации заявил о готовности принять участие в президентских выборах. А 1 мая было объявлено о создании Партии свободы и справедливости, лидером которой станет член политбюро «Братства» – Мохаммед аль-Мурси. Новая партия будет якобы независимой от «Братьев-мусульман», хотя и намерена координировать с ними свои действия.

15 февраля 2011 года в The Wall Street Journal вышла статья «Истинное лицо "Братьев-мусульман"»[93]. Ее автор напоминает, что в феврале 1979 года в New York Times было сказано, что *«изображение Хомейни фанатиком, реакционером и приверженцем примитивных предрассудков, несомненно – и к счастью, – не соответствует действительности»*. И что «ближний круг» доверенных советников Хомейни состоит исключительно из людей умеренных и прогрессивных взглядов.

Теперь ситуация повторяется. Один из руководителей «Братьев-мусульман» Эссама эль-Эриана предъявляет «успокоительную» версию целей своей организации: «*Мы выступаем за реформы и права для всех – не только для "Братьев-мусульман", не только для мусульман, но для всех египтян*»[94].

Но, как подчеркивает The Wall Street Journal, это только одна сторона «Братства». История этой дисциплинированной подпольной организации, на виду у всех занимающейся лишь благотворительной социальной работой, отлично научила ее членов говорить нужные слова различным целевым аудиториям. В качестве примера The Wall Street Journal приводит следующее высказывание главы «Братьев-мусульман» Мухаммеда Бади: *«Сопротивление – единственный способ борьбы против сионистско-американского высокомерия и тирании... Позитивные перемены, к которым стремится мусульманская нация, могут быть достигнуты только (...) воспитанием поколения джихадистов, готовых к смерти, тогда как наши враги хотят жить»*[95].

Продолжать список противоречивых и неоднозначных заявлений и действий представителей «Братства» можно долго.

«Братство» затратило много усилий на построение отношений с коптами. На выборах 2005 года даже появился лозунг «Братья-

христиане сказали "да" братьям-мусульманам». Однако, когда в апреле 2011 года на юге Египта начались волнения, вызванные назначением христианина-копта Эмада Михаила губернатором южной провинции Кена, значительную часть населения которой составляют копты, представители движения «Братья-мусульмане» примкнули к протестам. И не просто примкнули, а потребовали немедленного установления в южном Египте «Исламского государства».

В приведенном выше интервью в New York Times Эль-Эриан подчеркивает, что «Братство» с момента основания выступало против применения насилия. Но, даже если не принимать во внимание историю организации, достаточно привести слова ее основателя Хасана аль-Банны: *«Метод наш – наставление и совет, а если это не помогает, искоренение силой, устранение»*[96].

Глава 8. История сотрудничества Запада с радикальными исламистами

Отношения Запада с исламистами не исчерпываются поддержкой, оказанной некогда Англией «Братьям-мусульманам». В период после Второй мировой войны сотрудничество руководства ряда западных стран с представителями радикального ислама приобрело планомерный характер. Такое сотрудничество стало результатом развития определенных концепций и идей.

С середины 50-х гг., в период президентства Д.Эйзенхауэра, в США начала разрабатываться концепция борьбы с СССР посредством ведения локальных конфликтов – прежде всего, на территории Азии и Африки. Разработчики концепции – У.Ростоу и Р.Хэтч (см. их изданную в 1955 г. книгу «Американская политика в Азии»[97]), Г.Киссинджер[98] и др.

В тот же период, в 1955 г., под руководством США были созданы антисоветские военные блоки в Азии – СЕАТО и СЕНТО.

В 1959 г. Конгресс США принял т.н. «Декларацию о порабощенных народах», в которой утверждалось, что многочисленные народы внутри и вовне СССР – в том числе «народы Туркестана, Азербайджана, а также Северного Вьетнама» и пр. – порабощены

коммунистами. Тем самым концепция локальных конфликтов получила дополнительное идеологическое обоснование.

В 1961 г. Соединенными Штатами Америки была принята стратегия «гибкого реагирования» (или «доктрина Макнамары», сменившая послевоенную стратегию «массированного возмездия»). Неотъемлемой частью новой доктрины стала вышеупомянутая концепция локальных конфликтов. Доктрина «гибкого реагирования» стала и официальной доктриной НАТО.

В 1974 г. влиятельная неправительственная международная структура Римский клуб предложила в качестве решения проблемы перенаселения Земли т.н. концепцию «органического роста». Данная концепция оправдывала ограничение потребления ресурсов и сокращение населения Земли за счет промышленно слаборазвитых стран. Странам «первого мира» концепция де-факто предписывала весьма специфическое управление «третьим миром», способствующее его сокращению.

После понесенного США в 1973 г. во Вьетнаме поражения открытое использование американских войск в конфликтах в азиатском регионе на длительный период было прекращено. США сделали ставку в борьбе с СССР на силы местных союзников в Азии. Начинается период тайных операций западных спецслужб в союзе с радикальными исламистами.

Первой из таких операций стала организация оппозиции пришедшему к власти в Афганистане в 1973 г. президенту Мохаммеду Дауду. Восстание 1975 г. против режима Дауда афганских радикалов во главе с Гульбеддином Хекматияром, Бурхануддином Раббани и Ахмад-Шахом Масудом было организовано при помощи пакистанских спецслужб. Позже бывший министр внутренних дел Пакистана, советник по афганским делам премьер-министра Зульфикара Али Бхутто Насралла Бабур в нескольких интервью рассказывал о том, как именно он организовывал это выступление. В одном из этих интервью (в 1989 г., газете «Нью-Йорк таймс») Бабур отдельно подчеркнул тот факт, что США, финансировавшие афганских диссидентов с 1973 г., соучаствовали в проведении данной операции[99].

В середине 70-х гг. XX века наметилось очевидное изменение в политике западных стран по отношению к умеренным режимам на Востоке, таким как режим шаха Ирана Мохаммеда Реза Пехлеви и Бхутто. Данные правители последовательно стремились к

достижению большей независимости от западных стран – как экономической (что, особенно в контексте начавшегося в 1973 г. нефтяного кризиса, вызывало серьезные опасения на Западе), так и политической.

Бывший президент Франции Валери Жискар д'Эстен рассказывал в своих мемуарах о том, как, пытаясь в 1975 г. убедить шаха Ирана прекратить повышение цен на нефть, был поражен его решимостью добиться независимости от западных стран, включая США[100]. К обретению большей независимости от великих держав и опоре на союз стран азиатского региона стремился и Бхутто. В 1972 г. Пакистан вышел из СЕАТО. Добиваясь отмены эмбарго на поставки США оружия в Пакистан, Бхутто подтверждал готовность своей страны в противном случае обзавестись собственным ядерным оружием[101].

В 1976 г., с приходом к власти президента Джимми Картера, США начали оказывать жесткое давление на шаха Ирана с требованием соблюдения им «прав человека». Данное давление расшатывало и без того напряженную внутрииранскую ситуацию.

В 1977 г. ЦРУ опубликовало доклад, в котором прогнозировало начало падения добычи нефти в Советском Союзе и его намерение вступить в борьбу с США в регионе Персидского залива с целью достижения контроля над ближневосточной нефтью. Доклад был призван оправдать встречные «превентивные меры» США по установлению полного контроля над зоной Залива.

Параллельно США активизировали работу по подрыву СССР. В 1977 г. советник по национальной безопасности президента Джимми Картера Збигнев Бжезинский создал при Совете по национальной безопасности (СНБ) группу, начавшую разработку закрытой программы по дестабилизации СССР посредством «активизации этнического фактора». (Бжезинский еще в 1961 г. в своей книге «Советский блок: единство и конфликт» пророчил СССР распад на независимые национальные государства.) Основным объектом деятельности группы стали исламские регионы Советского Союза. Помимо Бжезинского, кураторами вышеуказанной программы были бывший офицер британских спецслужб и известный востоковед Бернард Льюис и французский профессор с русскими аристократическими корнями Александр Беннигсен.

В начале 1978 г. программа по побуждению нерусских наций в СССР к независимости (или, по выражению Бжезинского, по «де-

легитимизации Советского Союза»), разработанная вышеуказанной группой в СНБ, была принята на вооружение администрацией США. Данный факт сначала упомянул в своих мемуарах «Из тени» Роберт Гейтс, который был при Картере помощником главы ЦРУ, а затем детализировал в интервью «Си-эн-эн» Бжезинский[102]. О работе Беннигсена и советских диссидентов на разжигание межэтнических противоречий в СССР также откровенно рассказала в центральной российской печати Мария Розанова, жена одного из наиболее видных советских диссидентов Андрея Синявского[103].

В июле 1978 г. в Пакистане было свергнуто правительство Бхутто, к власти пришел радикальный режим генерала Зия уль-Хака.

К осени 1978 г. оформились устойчивые каналы коммуникаций между администрацией США и радикальной исламистской оппозицией правительству шаха Ирана. Генри Пречт, тогдашний заведующий иранским бюро Госдепартамента (ключевая фигура департамента по иранской политике), позже свидетельствовал, что осенью 1978 г., при посредничестве политолога из Питтсбургского университета, персоны нон-грата в Госдепе Ричарда Коттама, состоялась его первая встреча со сподвижником Хомейни Ибрахимом Язди.

Пречт подчеркивал, что он лично проявил своевременную активность и ранее американского посольства в Тегеране установил «нужные контакты с оппозицией». Было налажено два канала коммуникаций через Язди: при посредничестве политического советника посольства Уоррена Циммермана и прямой телефонный контакт, установленный самим Пречтом[104]. При этом вскоре у посольства возникли контакты и помимо Язди. А в конце декабря 1978 г., по признанию Пречта, был установлен контакт с аятоллой Бехешти[105], ближайшим сподвижником Хомейни, вторым по значимости духовным лидером иранцев.

Позже Картер в своих мемуарах указывал на то, что госсекретарь США Сайрус Вэнс не был сторонником сохранения шахом власти. Откровенным же лоббистом фигуры Хомейни, по рассказу Картера, был посол США в Иране Уильям Салливан[106].

26–28 декабря 1978 г. по поручению Жискар д’Эстена в Тегеране с секретной миссией побывал бывший министр внутренних дел Франции Мишель Понятовский. Как сообщил этот эмиссар в секретной записке в Париж (опубликованной Жискар д’Эстеном

в приложениях к его мемуарам[107]), шах был в курсе планируемого предательства американцев. В том числе шах знал, что Салливан уже вступил в секретные переговоры с лидерами иранской оппозиции по вопросу формирования нового правительства[108]. Франция также не предложила никаких вариантов «мягкой» нейтрализации Хомейни, находящегося на тот момент в предместье Парижа Нефль-ле-Шато.

В декабре 1978 г. в «Вашингтон пост» была опубликована статья с изложением тезисов секретного доклада советника Белого дома по Ирану Джорджа Болла, требовавшего отказа шаха от абсолютной власти и создания в Иране гражданского коалиционного правительства, включающего оппозиционных лидеров. США предлагалось осуществлять роль арбитра и утвердить свое долгосрочное экономическое присутствие в Иране[109].

Окончательное решение о необходимости «скорейшего ухода шаха» было принято в декабре 1978 г. на саммите в Гваделупе лидеров США, Великобритании, Германии и Франции. В своих воспоминаниях участники встречи, правда, несколько разошлись в описании деталей принятия решения. Картер в мемуарах утверждал о полном «единодушии» лидеров четырех держав в вопросе о необходимости ухода шаха[110]. Если же верить Жискар д'Эстену, он сам и канцлер ФРГ Гельмут Шмидт предприняли попытку выступить в защиту шаха, однако Картер высказался однозначно против бывшего союзника[111].

В январе 1979 г. «Тайм» транслировал широкой публике тезис Бжезинского о формировании вдоль берегов Индийского океана исламской «дуги нестабильности», а также об «очевидности фактического падения режима шаха Ирана»[112].

После победы в феврале 1979 г. иранской революции администрация США быстро установила отношения с режимом Хомейни – по свидетельству того же Пречта, при посредничестве налаженных ранее закрытых каналов коммуникаций[113].

Таким образом начинала строиться исламская «дуга нестабильности», которую, как уверяли американские политики вплоть до середины 90-х гг., якобы формировал Советский Союз, но на деле именно Запад.

В 1996 г. Гейтс в своих мемуарах рассказал о том, что еще в марте 1979 г. в США на высшем уровне обсуждалась проблема поддержки афганских повстанцев, дающая возможность «затянуть Советы во вьетнамскую трясину»[114].

Два года спустя в интервью французской «Нувель Обсерватер» Бжезинский подтвердил данную информацию, уточнив, что Картер подписал секретную директиву о помощи моджахедам 3 июля 1979 г., за полгода до вступления СССР в Афганистан. И что в тот же день он, Бжезинский, направил президенту США докладную записку, в которой утверждалось, что «помощь будет побуждать Советский Союз к военному вмешательству» (или, как Бжезинский уточнил в интервью французскому изданию, позволит «заманить русских в афганский капкан»[115]).

На тот факт, что подлинной целью участия США в афганской войне являлось вовлечение русских в «капкан», аналогичный тому, в который США попали во Вьетнаме, указал еще до Гейтса и Бжезинского бывший начальник афганского отдела пакистанской разведки ISI генерал Мохаммед Юсуф. В своей книге под названием «Капкан для медведя: поражение сверхдержавы», вышедшей в соавторстве с англо-американским военным историком Марком Эдкиным и произведшей сильное впечатление на западную аудиторию, Юсуф напоминал о заявлении американского конгрессмена Чарльза Уилсона от 14 января 1984 г. «Дэйли-телеграф». Уилсон тогда подчеркнул, что *«58000 американцев погибли во Вьетнаме, и я думаю, что русские тоже должны получить свое»*.

Юсуф утверждал: *«Уилсон олицетворял отношение многих американских официальных лиц, которые хотели сделать Афганистан советским Вьетнамом. ...Эта позиция была также и у сотрудников ЦРУ, в особенности его директора Уильяма Кейси. Как я заметил, американцы все еще переживали свое поражение во Вьетнаме. Мне даже показалось, что месть за Вьетнам была первоначальной причиной огромной финансовой поддержки этой войны со стороны Америки. ...Генерал Ахтар также разделил точку зрения, что конфликт в Афганистане мог стать "советским Вьетнамом". Он убедил президента Зия в этом, после чего моим заданием стало претворение этой идеи в жизнь»*[116].

В своей книге Юсуф подробно свидетельствовал об основных партнерах Пакистана по афганской операции: *«На каждый доллар, данный ЦРУ, Саудовская Аравия отчисляла свой доллар. Сотни миллионов долларов в год были переведены на специальные счета в Пакистан под контроль ISI»*. Указывал Юсуф и на другие источники международной помощи моджахедам: *«С 1984 года большинство поставок оружия и боеприпасов шло из Китая... С 1985 года*

ЦРУ закупало большие партии оружия в Египте». (Отмечалось также наличие крупных поставок из Турции[117].)

Факт сотрудничества ЦРУ в борьбе против СССР в Афганистане с саудитами, египтянами, англичанами и китайцами подтвердил и Бжезинский в упомянутом интервью «Си-эн-эн»[118].

Уже став в 90-х гг. официальным врагом США, лидер «Аль-Каиды» Усама бен Ладен заявил в интервью французскому журналисту: *«Когда надо было бороться с русскими атеистами, саудиты назвали меня своим представителем в Афганистане. Я обосновался в Пакистане, в районе афганской границы. ...Я основал свой первый лагерь, там пакистанские и американские офицеры обучали добровольцев. Оружие давали американцы, деньги – саудиты»*[119].

Некоторые представители американского руководства позже высказывали сожаление в связи с характером и последствиями своей борьбы против СССР в Афганистане. К примеру, бывший руководитель операций ЦРУ в Афганистане Чарльз Коган в 1995 г. отметил, что в Афганистане США принесли войну с наркотиками в жертву приоритетам «холодной войны» и борьбы против Советов[120]. Бывший помощник госсекретаря по отношениям с Ближним Востоком и Южной Азией при Рейгане, Ричард Мерфи, признал: «Мы породили в Афганистане монстра»[121]. (Кстати, в отличие от данных лиц, Бжезинский никогда не выражал и тени сомнения в полезности указанной политической линии. По его словам, крах Советской империи был, безусловно, приоритетней, чем «несколько взбудораженных исламистов»[122].)

Начало войны в Афганистане дало возможность Картеру (с подачи Бжезинского) 23 января 1980 г. публично заявить стратегический тезис о том, что *«попытка внешней силы овладеть контролем над Персидским заливом будет рассматриваться как посягательство на жизненно важные интересы Соединенных Штатов Америки, и такое нападение будет отражено всеми необходимыми средствами, включая военную силу»*[123] (так называемая «доктрина Картера»).

Выдвинутая же США в начале 80-х гг. доктрина «конфликтов малой интенсивности», в соответствии с которой региональные конфликты расценивались как прямая угроза безопасности Соединенных Штатов, оправдывала все более активное вмешательство американцев в политику Ближнего Востока.

Помимо якобы «спровоцированной Советами» помощи исламским радикалам, утверждалось, что США поддерживают на Вос-

токе режимы наиболее умеренные (например, режим Саддама Хусейна). На деле, однако, политика США на Востоке состояла в развязывании в регионе соответствующих американским интересам локальных конфликтов.

Так, США не только поддержали Саддама Хусейна в ирано-иракской войне 1980–1988 гг., но и способствовали началу этой войны. В своих мемуарах Бжезинский признался в том, что после визита в Амман в июле 1980 г. он представил Картеру доклад, в котором объяснялось, что ирано-иракский конфликт «согласовался с американской политикой в регионе»[124].

С территории Афганистана исламисты внедрялись на среднеазиатскую территорию СССР. По воспоминаниям Мохаммеда Юсуфа, Кейси в феврале 1984 г. на встрече с ним и главой ISI генералом Ахтаром предложил: *«Северный Афганистан – это трамплин для советской Средней Азии. И это как раз мягкое подбрюшье Советов. Мы должны переправлять туда литературу, дабы посеять раздор. А потом мы должны послать туда оружие, чтобы подтолкнуть локальные восстания»*. Пакистанская сторона выразила согласие[125].

И уже в апреле 1984 г., как рассказал Юсуф, была совершена первая вылазка на территорию советской Средней Азии, сразу же принесшая большое количество завербованных[126]. А в 1986 г. произошло первое восстание в СССР на этнической почве (в казахстанской Алма-Ате), давшее старт процессу последовавшего вскоре развала Союза.

После ухода СССР из Афганистана проект взращивания в регионе «специсламизма» и его распространения из региона вовне продолжился. Авторитетный исследователь движения «Талибан» Ахмед Рашид вспоминал в своей книге: *«На дворе апрель 1989 года, советские войска только что покинули Афганистан. Я возвращался в Пакистан из Кабула... Неожиданно за моей спиной подъехал и остановился грузовик, полный моджахедов. Но его пассажиры не были афганцами. ...Группа состояла из филиппинцев народности моро, узбеков из советской Средней Азии, арабов из Алжира, Египта, Саудовской Аравии и Кувейта и уйгуров из китайского Синцзяна. Они проходили подготовку в лагере недалеко от границы и ехали в Пешавар на выходные. (...) Вечером того же дня премьер-министр Беназир Бхутто давала обед для журналистов в Исламабаде. Среди гостей был генерал-лейтенант Хамид Гюль, глава разведки... Я спросил, не играет ли он с огнем, приглашая мусульманских радикалов из*

исламских стран, считающихся союзниками Пакистана. ... "Мы ведем джихад, и это первая исламская интербригада современной эпохи..." – ответил генерал»[127].

С усилением дестабилизации в СССР и фактическим устранением из мировой политики советского центра силы западные страны все более откровенно развязывают конфликты в ближневосточном регионе. Так, Саддам Хусейн начал войну против Кувейта в августе 1990 г. лишь после получения четкого мессиджа о том, что США не будут противиться ее проведению. 25 июля 1990 г. посол США в Ираке Эйприл Глэспи заявила в беседе с Саддамом Хусейном: *«В Соединенных Штатах нет определенного мнения относительно внутриарабских разногласий, таких, как ваши пограничные разногласия с Кувейтом, и государственный секретарь Бейкер дал указание нашему официальному представителю сообщить вам эту точку зрения»*[128]. Данную фразу в переводе с дипломатического языка было практически невозможно понять иначе, как отмашку западного союзника на начало военной кампании. Саддам Хусейн так это и понял.

Далее, пользуясь кувейтским кризисом и прикрываясь целями защиты союзников, но на деле не слишком интересуясь их мнением, США быстро ввели свои войска в регион. По утверждению короля Иордании Хусейна, американские войска начали переправляться в Саудовскую Аравию (начатая 7 августа 1990 г. операция «Щит пустыни») еще до всякой просьбы саудовцев о помощи в организации безопасности. Рассказывая об этом, король Хусейн ссылался в интервью корреспонденту «Нью-Йорк таймс», в том числе, на личный разговор с Маргарет Тэтчер, сообщившей ему, что войска США еще до просьбы саудовцев прислать их находились «на полпути к Саудовской Аравии»[129].

После распада СССР в 1991 г. западные правительства продолжили оказывать полупубличную поддержку радикальным исламистам в Сирии, Египте, Тунисе, Алжире и других ближневосточных государствах. Один из наиболее очевидных примеров – Тунис. В 90-е гг. представители американского правительства предъявляли претензии тунисским властям в связи с отсутствием легализации запрещенной исламистской организации «Ан-Нахда» («Возрождение»). Недаром проживавший с 1993 г. в Лондоне лидер «Ан-Нахды» Рашид Гануши охарактеризовал в интервью американцев как «более сговорчивых, нежели европейцы»[130].

Операция 2003 г. в Ираке – новый пример агрессивного отстаивания западными странами «жизненно важных экономических интересов в регионе». Недавно опубликованные протоколы встреч британских министров и нефтяников прекращают спор о наличии экономической подоплеки иракской операции. Характерно приводимое в этих протоколах высказывание бывшего директора отдела британского МИД по Ближнему Востоку Эдварда Чаплина в октябре 2002 г.: *«Shell и BP не могут позволить себе не получить долю во имя своего будущего... Мы намерены отхватить большой кусок для британских компаний в послесаддамовском Ираке»*[131].

С началом «твиттерных» революций на Востоке представители изгнанных из своих стран и нашедших поддержку на Западе радикальных исламистских структур резко активизировались.

Ливийский принц Мохаммед эль-Сенусси – наследник свергнутой Муаммаром Каддафи династии и глава тесно связанного с «Братьями-мусульманами» ордена сенуситов – из пригорода Лондона, где он жил последние 13 лет, призывает сегодня международное сообщество к решительной войне с Каддафи[132] .

С началом тунисской «жасминовой» революции из Европы в Тунис вернулся Гануши. А 16 апреля министр иностранных дел Франции Ален Жюппе объявил о начале полноценного диалога с «исламистскими движениями». *«Удивите нас, и мы тоже вас удивим»*[133], – заявил он на встрече с египетскими и тунисскими представителями партии Гануши «Ан-Нахда» .

Эти, а также выше- и нижеприводимые яркие заявления и события последнего времени добавляют новые штрихи к давнему сюжету взаимодействия западных стран с радикальными исламистами.

Глава 9. Территория фактов

И вновь зададим вопрос: так что же все-таки происходит на наших глазах в Египте, в Ливии, в Бахрейне, в Сирии и по всему региону?

Ответ на вопрос о том, что именно происходит, заведомо адресует к той или иной интерпретации произошедшего. Но, как только мы начнем этим заниматься, неминуемы, наряду с, казалось бы, столь необходимыми интерпретациями, и порождаемые эти-

ми интерпретациями конфликты. Здесь уместно обратить читателя, например, к работе одного из самых значительных философов XX века Поля Рикёра – «Конфликт интерпретаций» («Le conflict des interpretations»).

Как же избежать такого множественного, острого конфликта интерпретаций? При том что уже древние философы понимали: истина в спорах иногда рождается, но иногда и гибнет. Как не погубить истину, а, напротив, постараться ее обрести? И чем отличаются споры, в которых рождается истина, от споров, в которых она гибнет?

Давно установлено, что это различие в характере споров и степени их результативности определяется, прежде всего, используемым понятийным языком. Если каждый из нас начнет использовать свой язык, то мы уподобимся строителям Вавилонской башни. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Кроме того, важна, конечно, профессиональная этика. Причем такая этика, которая не будет ни в коем случае приноситься в жертву ценностным или иным пристрастиям интерпретатора. И, наконец, многое зависит от нашей способности провести четкий водораздел между фактами и интерпретациями: «Вот это, это и это расположено на территории фактов, причем настолько несомненных, что их отрицание может свидетельствовать только о профессиональной недобросовестности. А вот это, это и это находится на территории интерпретаций».

К сожалению, зачастую факты приносятся в жертву интерпретационным схемам. Способность человеческого сознания вообще и сознания профессионального интерпретатора фактов в частности игнорировать факты в случае, если они не укладываются в его интерпретационные матрицы, подробно изучил выдающийся американский философ и лингвист Ноам Хомски. Тут мы адресуем читателя, прежде всего, к его наиболее известной работе «Синтаксические структуры», написанной в 1957 году, а также к работам иным. Как более ранним (например, работе «Логическая структура лингвистической теории», написанной в 1955-м), так и более поздним (например, рецензии 1959 года на книгу Б.Ф.Скиннера «Вербальное поведение»; сокрушительная критика скиннеровского бихевиоризма, содержавшаяся в рецензии, переориентировала американскую психологию с бихевиоризма на когнитивизм).

Обсуждая, как именно человеческий мозг обрабатывает информацию, Хомски впервые заговорил о когнитивных, не всегда артикулируемых человеческим сознанием программах обработки информации, которые осуществляет мозг. О ментальной и универсальной грамматике. О том, что жесткая настройка программ обработки информации очень часто приводит к тому, что факты, находящиеся за рамками этой жесткой настройки, попросту отбрасываются сознанием.

Что ж, если мы хотим о чем-то договориться и что-то понять, нам придется изменить степень той жесткости, с которой наш мозг еще до восприятия фактов настраивается на их определенную интерпретацию. Это требует от нас некоторых усилий. Но каждый из нас при желании может такое усилие осуществить.

Мессидж по поводу подобной возможности мы адресуем, прежде всего, самим себе. И обязуемся отделять зерна фактов от плевел интерпретаций, отдавая себе отчет в том, что, подобно всем исследователям, обладаем собственными интерпретационными схемами, а значит, и вытекающей из них предвзятостью. Все, что мы тут можем сделать, это противостоять своей предвзятости, а не потакать ей.

Налицо большое количество интерпретаторов, говорящих о «кознях американцев», породивших интересующие нас события на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

Налицо ничуть не меньшее количество исследователей, отрицающих подобные «козни» и насмехающихся над теми, кто верит в их существование.

Но может ли кто-то из исследователей, жестко и аргументированно отрицающих «американские происки» («американские козни» et cetera), утверждать отсутствие американского проекта «Большой Ближний Восток»?

Может ли кто-то из таких исследователей утверждать, что президент США Джордж Буш-младший не выступал 9 мая 2003 года перед выпускниками Университета в Южной Каролине? И не говорил в этом выступлении о том, что необходимо в течение десяти лет создать новый Ближний Восток?

Избегая всяческой предвзятости во всем, что касается интерпретаций этого выступления Джорджа Буша (равно как и последующих выступлений высоких американских должностных лиц), мы считаем необходимым подчеркнуть, что Джордж Буш, высту-

пая в Южной Каролине, говорил о прекрасных и благородных вещах – об обеспечении новых возможностей экономического роста в огромном ближневосточном регионе, о снижении зависимости от конъюнктуры нефтяного рынка, о справедливых законах, свободе и процветании, которые должны воцариться в этом регионе, и так далее.

Мы всего лишь констатируем несомненную последовательность безусловных фактов:

– в октябре 2001 года США начали боевые действия в Афганистане против талибов;

– к началу 2002-го США разгромили талибов в Афганистане;

– 20 марта 2003 года США начали военную операцию в Ираке;

– 9 апреля 2003 года войска США взяли Багдад;

– 9 мая 2003 года президент США Джордж Буш-младший, выступая перед выпускниками Университета Южной Каролины, заявил о намерении США кардинальным образом изменить облик всего Ближнего Востока.

Теперь читатель справедливо может упрекнуть нас в том, что мы, избегая конфликта интепретаций, чрезмерно сосредотачиваемся на переборе общеизвестных фактов.

Мы же, согласившись в целом с читателем, тем не менее продолжим данное неблагодарное занятие.

Во-первых, потому, что только на этой стезе и впрямь можно попытаться избежать конфликта интерпретаций.

И, во-вторых, потому, что современное общество в целом (и даже сообщество обсуждающих ту или иную проблему исследователей), сосредоточившись на событии, приуроченном к определенному времени, выводит за рамки обсуждения то, что событию предшествовало. Даже если предшествовавшее находится в самой непосредственной связи с событием.

Итак, как мы уже говорили, 9 мая 2003 года Джордж Буш-младший сказал о далеко идущем – благом и амбициозном – плане США по ускоренному переустройству огромного и очень сложного региона.

6 ноября 2003 года Джордж Буш-младший произнес в Национальном Фонде Демократии программную речь о глобальной демократической революции на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Революции, которую США намерены поддерживать в связи с невозможностью иным путем реализовать столь желанные

и благие цели, отвечающие фундаментальным интересам населения этого огромного региона.

И вновь подчеркнем, что в данном выступлении Джорджа Буша-младшего, которое высоко котируется в качестве внятного изложения новой американской концепции «Большого Ближнего Востока», говорилось о вещах благородных и безусловных. И вполне сочетаемых с традиционным содержанием американской политики. Сам Буш связал свою новую программу с американской миссией распространения демократии по всему миру, то есть с тем, что всегда было идейной осью американской внешней политики. Он сравнил свою доктрину и с «Четырнадцатью пунктами» Вудро Вильсона, и с «Четырьмя свободами» Франклина Делано Рузвельта.

Называть «заговором» или «происками» стремление американцев укреплять демократические институты во всем мире, опираясь на разного рода средства (как информационные, так и иные), по меньшей мере, несолидно. Все, на что мы здесь хотим обратить внимание читателя, это подчеркиваемая самим президентом США беспрецедентная новизна проекта Большого Ближнего Востока. Мы настойчиво обращаем внимание читателя на то, что именно сам президент США заявил об этой беспрецедентной новизне. Что, обращая на это внимание читателя, мы говорим о несомненном факте, находящемся по ту сторону всех возможных интерпретаций. «США берут на вооружение новую политику на Ближнем Востоке», – говорит Буш в своем выступлении. «Создание свободного Ирака в самом центре Ближнего Востока станет переломным моментом глобальной демократической революции», – говорит он.

Мы еще и еще раз спрашиваем читателя, есть ли хоть тень интерпретационной предвзятости в указании на эти слова президента США? И при чем тут вообще ИНТЕРПРЕТАЦИЯ? Разве эти слова не являются несомненным политическим ФАКТОМ? Как мы в таких случаях говорим – «фактом высказывания»?

Буш идет очень далеко в своих высказываниях. Он настаивает на том, что политика, проводимая западными странами на Ближнем Востоке в течение 60 лет, ошибочна. Что она не принесла никаких позитивных результатов. Что корнем этой ошибки является желание купить стабильность в регионе ценой несвободы.

И вновь подчеркнем, что в подобных констатациях нет ни грамма интерпретационной предвзятости и даже интерпретации вообще. Не мы, домысливая что-то за Буша, говорим о том, что взятие

американской армией Багдада является переломным моментом глобальной демократической революции. Не мы тем самым утверждаем, что глобальная демократическая революция может и должна использовать американские вооруженные силы в качестве необходимого средства. Это все говорит президент США. Пусть читатель сам прочитает обсуждаемую нами речь Буша и убедится, что мы, констатируя все это, выступаем в качестве своего рода «банка высказываний». А вовсе не «банка интерпретаций».

В тот же день, 6 ноября 2003 года, Кондолиза Райс, тогда еще советник президента США по национальной безопасности, прокомментировала выступление своего шефа. Она повторила и развернула тезис о бесперспективности поддержки авторитарных режимов на Ближнем Востоке во имя стабильности и безопасности.

Внимательное прочтение обсуждавшегося нами выше выступления Джорджа Буша и комментариев Кондолизы Райс без труда позволит читателю составить собственное впечатление по поводу конкретного содержания суперпроекта, предложенного высшим американским политическим руководством и адресованного очень крупному и проблемному мегарегиону, простирающемуся от Марокко до Пакистана включительно и от Турции до Судана.

Всему этому региону были предписаны такие – говорим без всякой иронии – благие вещи, как демократизация и экономические свободы. Предполагалось, что подобные предписания смогут переломить рост антиамериканских настроений в макрорегионе и будут способствовать установлению там дружественной демократии. При осуществлении предписаний предполагалось опираться на реформаторские силы, на независимые комиссии по наблюдению за выборами, на адвокатские конторы, группы правозащитников, другие группы по интересам. Предполагалось также создание адресованных населению региона новых средств массовой информации. И так далее.

Ни президент США, ни его советник по национальной безопасности, ни предельно дружественные президенту высокопоставленные эксперты (Г.Киссинджер, Д.Рамсфельд, Д.Чейни, Р.Перл, П.Вульфовиц и другие) фактически не скрывают тождества между данным мегапроектным мессиджем, адресованным Большому Ближнему Востоку, и предыдущим мегапроектным мессиджем, адресованным странам, страдающим «под пятой коммунизма».

В связи с нашим категорическим намерением избежать конфликта интерпретаций, мы снова подчеркнем, что о подобном

тождестве говорим не мы, а авторы мегапроекта «Большой Ближний Восток». То есть мы вновь имеем дело не с интерпретацией, а с фактом развернутого высказывания. Фактом, который просто невозможно игнорировать вне зависимости от того, в какую именно интерпретационную модель кто-либо хочет интегрировать этот факт.

В январе 2004 года вице-президент США Ричард Чейни заявил на саммите экономической элиты в Давосе: «Помощь народам Большого Ближнего Востока в преодолении дефицита свободы является, в конечном счете, ключом к победе в широкой войне с террором».

В силу поставленного нами самозадания, мы опять подчеркнем, что о восполнении дефицита свободы на Большом Ближнем Востоке, о чрезвычайной важности оказания населению данного региона американской помощи в деле восполнения этого дефицита говорим не мы, интерпретаторы, а вице-президент США. Мы всего лишь цитируем его конкретное выступление. И указываем на место и время оного. Только это – и ничего больше.

2004 год стал временем американской борьбы за правильное понимание разными партнерами США подлинного содержания новой мегапроектной инициативы «Града на Холме». То, что госсекретарь США Колин Пауэлл, заместитель госсекретаря США Марк Гроссман и другие высокие американские официальные лица предприняли с целью подобного разъяснения турне, однозначно свидетельствует о масштабе заинтересованности лидеров США в поддержке их судьбоносной инициативы.

Напомним, что противниками американской инициативы стали не только «неудобные» для США лидеры – такие, как Башар Асад и Муамар Каддафи. Но и традиционные сторонники США – египетский лидер Хосни Мубарак и саудовский наследный принц Абдалла, ставший впоследствии королем Саудовской Аравии. Список высокопоставленных оппонентов быстро расширялся. Но американцы не покладая рук работали над продвижением этого своего совершенно нового мегапроекта.

Срыв назначенного на 29 марта 2004 года саммита Лиги арабских государств в Тунисе в связи с противоречивым отношением участников к американскому мегапроекту...

Берлинская встреча Кондолизы Райс с членами палестинской администрации, проходившая 17 мая 2004 года, в ходе которой обсуждался новый американский подход: сначала создание «пра-

вильных» институтов, подготовка страны к демократическим выборам, потом создание государства, а не наоборот...

Общение Кондолизы Райс с журналистами (в частности, с корреспондентом российской газеты «Известия») в тот же день, 17 мая 2004 года... В ходе этого общения Райс опять подчеркнула отказ тогдашнего руководства США от американского курса, проводимого в регионе на протяжении 60 лет, а также назвала авторитарную стабильность, на которую США делали ранее ставку, источником террористической угрозы, «раковой опухолью». С фактом этого высказывания не составляет труда ознакомиться как по первоисточнику, так и по материалам главы 2 данной книги. Ознакомившись же, признать, что указание на этот факт не привносит в наше обсуждение никакой интерпретационной предвзятости.

Неуспех нового саммита Лиги арабских государств, состоявшегося 22–23 мая 2004 года в Тунисе и не принесшего желательных для американцев результатов...

Американский план по полномасштабной презентации проекта «Большой Ближний Восток» в июне 2004 года на саммите G-8...

Демонстративное отсутствие на этом саммите представителей ключевых стран «Большого Ближнего Востока» – Египта, Саудовской Аравии, Туниса и Кувейта...

Критика плана европейскими государствами...

Заводящие план в тупик дискуссии по конкретным вопросам, включая вопросы финансирования американского мегапроекта...

Настоятельность, с которой Кондолиза Райс (став госсекретарем США) и Джордж Буш-младщий (избравшись на второй срок) говорят о глубочайшем пересмотре всех констант американской политики, проводимой ранее в интересующем нас регионе...

Со всем этим читатель может подробно ознакомиться в главе 2 данной книги.

Нетривиальное поведение Кондолизы Райс в Палестине в 2005 году, фактически «давшей отмашку» на участие ХАМАС в выборах (этот сюжет описан в главе 5)...

Все это не имеет никакого отношения к выбору той или иной интерпретационной схемы. Не нужно интерпретировать все это! По крайней мере, для начала. В это надо просто всмотреться, вчитаться, вслушаться.

При чем тут конспиративная теория «зловещих замыслов» США? При чем тут какая-либо – даже сдержанно-негативная – интерпретация мотивов США? При чем тут интерпретация вообще и клеветническая в частности?

Разве мы клевещем на заместителя госсекретаря по публичной дипломатии Джеймса Глассмана, утверждая, что он реализовывал информационную программу Госдепартамента США «Команда по цифровым внешним контактам»? Об этом с гордостью сообщает сам господин Глассман! Это он, а не мы повествует подробно о том, как инициировала данное начинание его предшественница Карен Хьюз, как потом он перенял у нее эстафету, как еще в 2006 году (просим читателя еще раз вглядеться в приводимый нами несомненный политический календарь событий) президент США Джордж Буш-младший поручил Карен Хьюз возглавить межведомственную группу по «войне идей». Как в эту группу, по указанию президента США, были включены Госдепартамент, Агентство США по международному развитию, Министерство обороны США, разведывательное сообщество США. Как созданная группа реализовывала «проект будущего для Большого Ближнего Востока»... Глассман гордится этим своим начинанием!

Что мы добавляем к этим его горделивым несомненным высказываниям? Ровным счетом ничего. Нам на этом этапе абсолютно не нужна никакая оценочность. Мы не хотим обсуждать, были ли эти начинания благими или иными. Мы не хотим на этом этапе подвергать происходящее никакой интерпретации. Мы только спрашиваем, говорил ли Глассман то, что мы здесь перечисляем? Или же мы ему нечто тенденциозно вменяем, приписываем, преследуя свои цели?

Факт высказывания Глассмана несомненен. И в этом каждый может убедиться сам – как прочитав главу 4 этой книги, где это все подробно описано, так и ознакомившись с первоисточником.

Итак, в 2005–2006 гг. американское руководство приступило к созданию новых средств ведения «войны идей». Причем все те, кому эта война была поручена, ориентировались на схему «холодной войны», которая велась против СССР. И выражали радостную готовность осуществить такую же войну в связи с новым американским мегапроектом на Ближнем Востоке. Мы сообщаем здесь читателю всего лишь несомненный факт. И предлагаем оз-

накомиться с обширной информацией, доказывающей, что речь идет именно о факте – и ни о чем больше.

Категорически избегая каких-либо демонизаций политики США, мы подчеркиваем, что широко обсуждаемые документы, представленные WikiLeaks и опубликованные в газете The Daily Telegraf, не содержат в себе на самом деле ничего экстраординарного. Да, некий активист движения «6 апреля» в декабре 2008 года посетил студенческий городок юридического факультета Колумбийского университета. Да, он слушал презентации трех ключевых сотрудников из команды Барака Обамы, отвечавших за социальные сети, – Джо Роспарса, Скотта Гудстейна и Сэма Грэхема-Фелсена. Да, наряду с этим египетским активистом презентации слушали и другие активисты со всего мира – из Колумбии, Венесуэлы и так далее. Да, речь перед активистами держал сам сооснователь Facebook Джастин Московитц. Да, в конференции участвовал президент компании Howcast Джейсон Либман. Да, автором идеи конференции являлся все тот же Джеймс Глассман.

Но о чем свидетельствуют эти несомненные факты? О каком-то зловещем заговоре США? Полно! Это одно из мероприятий в рамках кампаний, осуществляемых США десятилетиями и исходящих из американского неотменяемого представления о своей демократической миссии в мире. При чем тут «зловещий заговор»? Мы обсуждаем нечто гораздо более существенное – преемственность американской политики в вопросе о Большом Ближнем Востоке. Передачу эстафеты в осуществлении этой политики от Джорджа Буша-младшего к Бараку Обаме. При том что многие другие параметры курса были радикально изменены. Но в этом вопросе – преемственность налицо. И она олицетворяется, наряду со многим другим, и фигурой Джеймса Глассмана.

Подчеркиваем: скандально обсуждаемая секретная депеша госпожи Маргарет Скуби, посла США в Египте, сама по себе ничего не значит и не является ни зловещей, ни беспрецедентной, ни даже просто скандальной. Но в совокупности с фактами, сообщенными мировой общественности господином Глассманом, она значит достаточно многое. И не в смысле «американских происков», повторяем, а в смысле преемственности американской политики. Тут и оказание нажима на Министерство иностранных дел Египта, осуществляемое Госдепартаментом США с подачи египетского оппозиционера... Тут и усилия Гос-

департамента, направленные на обеспечение встреч египетского оппозиционера с высокими должностными лицами США... Тут и попытки египетского оппозиционера убедить американцев оказать давление на египетскую власть, пригрозив обнародовать информацию о счетах высокопоставленных египетских коррупционеров в оффшорных банках...

Речь идет об определенной поддержке со стороны США определенного вида деятельности египетских оппозиционеров, явно намеренных сместить как бы дружественного США президента Египта Мубарака. Но дружественного ли? Ведь если США всерьез намерены проводить свой мегапроект «Большой Ближний Восток» (а вроде бы никаких сомнений в серьезности этого намерения не возникает, не так ли?), то Хосни Мубарак просто не может быть в контексте этого начинания столь же дружественным США, как это было до того, как подобное начинание возымело место. Если США настойчиво говорят о коренном изменении всей своей политики, проводимой на протяжении 60 лет, то тот, кто был другом США в рамках старой политики, может стать кем угодно в рамках новой политики. В том числе, и врагом.

11 февраля 2011 года. Из выступления президента США Барака Обамы в связи с отставкой президента Египта Хосни Мубарака: *«И хотя то, что мы видели и слышали, происходило в Египте, в этом нам слышались отзвуки истории – как в Германии разрушали Стену...»*[134]

В этом открытом выступлении нынешнего президента США, проблематизирующего практически все слагаемые политики своего предшественника, сказано гораздо больше, чем в секретных сообщениях госпожи Скуби. А точнее, не сказано, а подтверждено. С самого начала осуществления американского мегапроекта Большого Ближнего Востока этот мегапроект сравнивался с «холодной войной» против СССР. Фактически он делался под кальку этой войны, о чем открыто говорили сами американские высшие и высочайшие должностные лица. Первая волна глобальной демократической революции закончилась падением Берлинской стены, крахом коммунистической системы и СССР. Это первый триумф США в рамках глобальной демократизации, то есть того, что в СССР называлось «перестройкой».

События в Египте, а точнее, на всем Большом Ближнем Востоке, события, следующие одно за другим с невероятной скоростью и повторяющие друг друга по политической типологии, – это вто-

рая волна глобальной демократической революции. То есть то, что вполне может быть названо «перестройкой-2». Вновь подчеркнем, что об этом говорят не тенденциозные интерпретации американских действий. Об этом говорят сами авторы этих действий, причем в сугубо комплиментарном ключе. (Адресуем, например, к задачам, обозначенным Джорджем Бушем в 2005 году: *«Мы поощряем наших друзей на Ближнем Востоке, включая Египет и Саудовскую Аравию, вставать на путь реформ, укреплять их собственные общества в борьбе с терроризмом на основе уважения прав и выборов своих народов. Мы вместе с диссидентами и ссыльными против деспотических режимов, потому что мы знаем, что сегодняшние диссиденты завтра будут демократическими лидерами...»*[135].)

Но, осуществляя вторую волну глобальной демократической революции, нельзя не задаваться ключевым вопросом о том, какие силы придут к власти на гребне этой второй волны, уже именуемой «политическим исламским цунами».

Ведь, согласитесь, не может быть по определению мегапроекта, в котором нет ответа на подобный вопрос. При том что взору мегапроектантов уже явлено очень и очень многое: радикализация в Ираке, рост влияния Ирана в связи с разрушением иракско-иранского баланса сил, сомнительные результаты демократизации на большей части территории СССР и так далее.

Если целью является демократия и процветание, пусть даже и обеспечиваемые с помощью военного вмешательства, как в Ираке (этой оси глобальной демократической революции), то нельзя не сопоставлять реальность с подобной благой целью. Нельзя не видеть, что эта цель не достигнута. И нельзя не задумываться, почему она не достигнута. В противном случае следует говорить либо о предельной зауженности сознания (что вряд ли имеет место), либо о наличии, наряду с идеальными, еще и сугубо прагматических целей. И об абсолютном доминировании этих прагматических целей, что всегда имеет место в реальной политике. Но о каких прагматических целях тогда идет речь?

В случае «перестройки-1», приведшей к падению Берлинской стены, краху мировой системы социализма, распаду СССР и так далее, – прагматические цели были очевидны. Речь шла об ослаблении опаснейшего геополитического и идеологического противника. Каковым, безусловно, был СССР, возглавивший мировую коммунистическую систему.

Кто является таким прагматическим врагом, сокрушаемым США в ходе «перестройки-2»? Которую, напомним еще раз, высочайшие должностные лица американской администрации открыто сопоставляют с «перестройкой-1»? Подчеркнем, что речь идет об обсуждении сокрушаемого или успешно атакуемого прагматического суперпротивника. А не о достижении идеальных целей. Мы, кстати, вовсе не отрицаем наличие у США идеальных целей. И не посягаем на американскую мечту об осуществлении «Градом на Холме» своей глобальной демократической миссии.

Но если речь идет об этой миссии и о достижении неких идеальных целей в рамках этой миссии, то необходимо анализировать соответствие этим целям результатов, достигнутых в том же Ираке. То есть задаться тем самым ключевым вопросом о силах, приводимых к власти в результате второй волны глобальной демократической революции.

Если же речь идет о прагматике, то надо осуществлять прагматическую, как сказал бы тот же Рикёр, аналитическую герменевтику происходящего. То есть вступать на все ту же шаткую почву интерпретаций.

Желая избежать этого в максимальной степени и в максимальной части нашего исследования, мы принимаем на вооружение американскую версию, согласно которой все порождено именно идеальными целями – служением глобальной демократии и глобальному процветанию. Мы говорим об этом безо всякой внутренней иронии. И всего лишь хотим соотнести подобную версию с определенными фактами, отвечающими на вопрос о том, какие же силы должны, по мнению самих американцев, прийти к власти на Ближнем Востоке в результате второй волны глобальной демократической революции, она же «перестройка-2».

При этом мы хотим оставаться по-прежнему на территории фактов и избегать любых интерпретаций, поелику это возможно.

Фактами же мы называем в данном случае авторитетные высказывания, которые можно проверить, у которых есть все необходимые атрибуты – источник, датировка и пр.

10 февраля 2011 года. Такой авторитетный источник, как Fox News, знакомит нас с выступлением главы Национальной разведки США Джеймса Клэппера на заседании Комитета по национальной безопасности в Палате представителей: *«Термин "Братья-мусульмане"... означает большое разнообразие движений. Египетское*

отделение "Братьев-мусульман" представляет собой весьма гетерогенную группу, в основном, представителей светской части населения, избегающего насилия и считающего "Аль-Каиду" извращенным проявлением ислама»[136].

Это сказано не нами, а Джеймсом Клэппером, представителем американского истеблишмента, представителем разведсообщества, высоким официальным лицом, обладающим по определению доступом ко всем материалам и высочайшим уровнем компетентности. Лицо столь высокого статуса называет египетских «Братьев-мусульман» представителями светской части населения? И это слушают на заседании Комитета по национальной безопасности в Палате представителей?

Ориентируя свою книгу на компетентного читателя, мы дарим ему этот беспрецедентный, согласитесь, факт высказывания. И – из соображений такта – воздерживаемся от комментариев. Но не от попытки получить ответ на вопрос: «Зачем в официальном месте официальными людьми говорится нечто подобное?»

Что же касается реальных «Братьев-мусульман» – в Египте, Палестине (ХАМАС, как мы уже говорили, – это просто филиал «Братьев-мусульман»), Сирии и так далее, то мы здесь адресуем читателя как к главам 6 и 7, так и ко второй части нашей книги, где по этому поводу приводятся объективные сведения. Сведения, которые не могут не быть известны ни господину Клэпперу, ни другим высокопоставленным лицам, к чьим высказываниям мы переходим.

4 марта 2011 года. Авторитетное американское издание The Washington Post сообщает мировой общественности: *«В докладе от 16 февраля, заказанном Белым домом в прошлом месяце для внутреннего пользования, были выделены большие идеологические различия между такими движениями, как "Братья-мусульмане" в Египте и "Аль-Каида", что будет определять подход США к региону. ... "Если мы в нашей политике не сможем разглядеть разницы между "Аль-Каидой" и "Братьями-мусульманами", мы не сможем приспособиться к изменениям", – отметил высокопоставленный представитель администрации»*[137].

Приспособиться к изменениям? Но в чем же цель американской политики? Осуществление глобальной демократической миссии (каковой является вторая волна глобальной демократической революции, локализованной теперь уже не на территории СССР

и мировой соцсистемы, а на территории Большого Ближнего Востока) – это приспособление к изменениям?

Впрочем, прежде чем отвечать на этот вопрос, ознакомимся с еще одним фактом высказывания.

26 марта 2011 года министр обороны США Роберт Гейтс, отвечая на вопрос телеканала «Россия» о том, что на волне второй глобальной демократической революции к власти в ряде государств Ближнего Востока могут прийти радикальные исламисты, заявляет следующее: *«За что люди голосуют, то они и получают»*[138].

Итак, глобальная демократическая миссия США может иметь своей идеальной целью приход к власти радикальных исламистов. И что? Каков будет прагматический итог подобного прихода? Готовы ли США к прагматическим издержкам, вытекающим из данного, во многом неизбежного хода событий?

Перед тем, как ознакомить читателя с очередным фактом высказывания, мы хотим оговорить следующее. Автор высказывания, которое мы собираемся обсудить, – финансист Джордж Сорос. Джордж Сорос, в отличие от тех, кого мы цитировали ранее, никак не является официальным лицом. И не выражает официального курса. Зачастую действия Джорджа Сороса шли вразрез с официальной политикой США. Можно было бы не придавать высказываниям Сороса никакого веса, если бы эти высказывания не находились в глубоком соответствии с высказываниями Гейтса и Клэппера. Но поскольку подобное соответствие существует, то мы считаем не лишним, сделав необходимую оговорку, ознакомить читателя с высказыванием Сороса. И предоставить читателю возможность самостоятельно оценивать, в какой степени это высказывание, как говорят аналитики, «политически релевантно». С нашей точки зрения, подобное высказывание обладает, как минимум, не нулевой релевантностью. Однако это лишь наша точка зрения, и не более. Но перейдем от точки зрения – к высказыванию.

3 февраля 2011 года The Washington Post печатает статью Дж.Сороса «Почему Обама должен правильно понять, что происходит в Египте» («Why Obama has to get Egypt right»). В статье сказано: *«...Наиболее организованной политической оппозицией, сумевшей выжить в авторитарной среде государства, являются "Братья-мусульмане". В результате свободных выборов "Братья-мусульмане" станут главной политической силой, хотя большинство им и не гарантировано... Президент Обама лично и Соединенные Штаты как*

страна могут выиграть, выйдя вперед и поддержав запрос на достоинство и демократию. Это поможет восстановить американское лидерство и избавиться от длительной структурной слабости наших альянсов, причина которой в том, что они заключаются с непопулярными и авторитарными режимами. Такой подход откроет дорогу мирному прогрессу в регионе... Будучи убежденным сторонником демократии и открытого общества, не могу не разделять энтузиазм, распространяющийся по Ближнему Востоку... Мои фонды готовы помочь, чем могут»[139].

6 февраля 2011 года госсекретарь США Хиллари Клинтон в интервью американскому общественному радио NPR заявляет: *«Египтяне хотят мирной передачи власти, которая может привести к свободным и справедливым выборам. Соединенные Штаты последовательно поддерживают такое развитие событий. Сам народ и лидеры различных египетских общественных объединений, в конечном счете, решат, отвечает ли это их потребностям. Сегодня стало известно, что организация "Братья-мусульмане" также решила принять участие в диалоге, проведение которого мы приветствуем»*[140].

Мы предоставляем читателю возможность самому оценить, в какой степени случайным является совпадение точки зрения Сороса с точкой зрения следующих лиц: Клэппера, главы Национальной разведки США (напоминаем – точка зрения обнародована 10 февраля 2011 года); авторов секретного доклада, заказанного Белым домом (напоминаем – доклад сделан 16 февраля 2011 года); мнением высокопоставленного представителя администрации США о необходимости делать различие между «Аль-Каидой» и «Братьями-мусульманами», озвученным The Washington Post 4 марта 2011 года; суждением, высказанным министром обороны США Робертом Гейтсом 26 марта 2011 года.

Мы предоставляем также читателю возможность самому решить, могут ли США осуществлять амбициозные мегапроекты – такие, как Большой Ближний Восток, вторая глобальная демократическая революция и так далее, – в случае, если в результате пострадают прагматические интересы США? Получат ли в этом случае эти проекты поддержку элиты США (того же Конгресса, например)? Будут ли в проектах задействованы деньги налогоплательщиков?

Только для того, чтобы помочь читателю сформировать собственную оценку, мы знакомим его с еще несколькими фактами высказываний.

16 февраля 2011 года The Washington Post публикует статью Кондолизы Райс «Будущее демократического Египта». В статье сказано: *«Грядущие месяцы, а то и годы неизбежно будут турбулентными. Но эта турбулентность предпочтительнее, чем фальшивая стабильность автократии...»*[141]

Предпочтительнее для кого? О скольких «грядущих годах» идет речь? Трех? Пяти? Если можно говорить о грядущих годах, то ведь можно говорить и о грядущих десятилетиях. В любом случае, с прагматической точки зрения данное высказывание трудно объяснимо. Оно хорошо сочетается с позицией близкого Кондолизе Райс и Джорджу Бушу интеллектуала Стивена Манна, занимавшегося теорией управляемого хаоса. Но нельзя ли – в своих попытках объяснения смысла данного высказывания, да и всего проекта второй демократической глобальной революции с радикально-исламистским лицом, отвечающей интересам США, – использовать не теорию Стивена Манна и не концепцию далекого от политического истеблишмента США Джорджа Сороса, а что-то более авторитетное для нынешнего американского политического руководства?

Пытаясь найти что-то подобное, мы сталкиваемся с концепцией Збигнева Бжезинского, достаточно близкого к команде Барака Обамы и к самому нынешнему американскому президенту. В 2007 году вышла книга Бжезинского «Второй шанс», в которой этот сильно вписанный в нынешнюю политику высокопоставленный эксперт вводит понятие «*глобальное политическое пробуждение*». Суть понятия сводится к следующему. В мире начинается глобальное политическое пробуждение стран третьего мира (сравните со «второй волной глобальной демократической революции»). Глобальное политическое пробуждение на сегодняшний момент носит антиамериканский характер. Нужно изменить этот характер, вступив в союз с исламом, являющимся локомотивом глобального политического пробуждения. В противном случае, особые возможности получит главный конкурент США в XXI веке – Китай.

В главе 5 нашей книги читатель имел возможность достаточно подробно ознакомиться с этой концепцией господина Бжезинского. Не составит большого труда еще подробнее ознакомиться с данной концепцией. Для этого надо прочесть книгу Бжезинского и убедиться в том, что приведенное здесь краткое изложение смыс-

ла его сочинения никоим образом не является тенденциозным. Оно не интерпретация, а факт.

А вот еще один факт (или, как мы говорим, «факт высказывания») – интервью Пола Крэйга Робертса, бывшего замминистра финансов США в администрации Рональда Рейгана, иранскому «Press TV»[142]. 26 апреля 2011 года Робертс заявил: *«Мы не хотим свергать правительство Бахрейна или Саудовской Аравии, где оба правительства применяют в отношении протестующих насилие, потому что они являются нашими марионетками, а в Бахрейне у нас есть крупная военно-морская база. Мы хотим свергнуть Каддафи в Ливии и Асада в Сирии, потому что хотим выгнать Китай и Россию из Средиземноморья. Китай осуществлял масштабные энергетические инвестиции на востоке Ливии и полагается на нее, наряду с Анголой и Нигерией, в плане своих энергетических нужд. Это попытка США отказать Китаю в ресурсах – так же, как Вашингтон и Лондон отказали в ресурсах китайцам в 30-е годы»*.

Далее Робертс ссылается на доклад МВФ, *«в котором говорится, что " эпоха Америки" окончена, и что в течение пяти лет китайская экономика обгонит американскую, и тогда США станут второй крупнейшей экономикой мира, а не первой»*. Исходя из этого, Вашингтон преследует цель *«не допустить получения Китаем ресурсов и замедлить развитие китайской экономики... Это основная причина активности ЦРУ на востоке Ливии и того, почему протесты разгорелись именно на востоке, а не в столице, как в других арабских странах, а также причина того, почему протесты вооруженные»*.

Робертс указывает, что процесс выдавливания Китая из Ливии идет полным ходом: из 30 000 китайцев, которые находились в Ливии до начала военной операции, 29 000 уже эвакуированы; *«китайские компании теряют сотни миллионов долларов в результате этой интервенции... У них там 50 массивных инвестиций, все уходит в унитаз...»*.

Вытесняя китайцев, США одновременно наказывают Каддафи *«за отказ присоединиться к Объединенному командованию вооруженных сил США в зоне Африки. Оно начало действовать в 2008 году и стало американским ответом на вхождение Китая в Африку... Каддафи отказался участвовать – он сказал, что это акт империализма и попытка купить целый континент»*, – говорит Робертс.

Еще раз: это не наша интерпретация происходящего, это высказывание компетентного и солидного человека, бывшего зам-

министра финансов США, а ныне автора постоянной колонки в газете The Washington Times.

Всмотримся еще и еще раз в совокупность фактов. И дополним эту совокупность двумя простейшими теоретическими построениями.

Первое – это принцип воздействия. Общество – это система. Оказывая на систему то или иное воздействие, – силовое, политическое, финансовое или комплексное, – субъект воздействия порождает отклик. Этот отклик соответствует не абстрактным представлениям субъекта о должном, а реальным параметрам системы. В политическом смысле важнейшим параметром системы является расклад сил. Тот, кто оказывает воздействие, не может говорить об обществе как объекте воздействия в абстрактно-сентиментальном ключе. Любое общество конкретно. И состоит из конкретных сил. Подавляя одни из этих сил, тот, кто воздействует, усиливает другие силы. Это не абстрактные умствования, а азбука реальной политики, которую, кстати, прекрасно понимает тот же Джордж Сорос.

Подавляя Мубарака, Каддафи, Асада или других политиков региона, относящихся к тем авторитарным полусветским силам, которые в политологии именуются обычно «военными», воздействующий усиливает не бесконечно слабых на Большом Ближнем Востоке либеральных проамериканских реформистов, а радикальный ислам. Уже есть опыт Ирака, показывающий, что это именно так. Перед вхождением американцев в Ирак мы предупреждали об этом Фонд Никсона, представители которого посетили наш «Экспериментальный творческий центр». Можно поднять материалы и убедиться в том, что все наши предупреждения оказались справедливы на сто процентов. Позже правомочность подобной логики признали все – вплоть до министра обороны США Роберта Гейтса.

И что же? Наступив, как говорят в России, на эти грабли и получив экспериментальное доказательство справедливости теории воздействия, американцы вновь воздействуют, не понимая, к чему это приводит? Госсекретарь США Хиллари Клинтон откровенно признается, что не знает, к чему приведет военное воздействие на Ливию, осуществленное США и другими странами. Но, исходя из теории воздействия, ясно, к чему оно приведет. К усилению других реальных сил, действующих в Ливии, каковыми являются либо

сенуситы и связанные с ними местные террористические исламские организации, либо... Либо «Аль-Каида». В любом случае, осуществится исламская радикализация Ливии.

США воздействуют с ориентацией на этот результат потому, что он отвечает прагматическим интересам США? Да или нет? Если отвечает, то в чем?

США воздействуют с ориентацией на этот результат потому, что он отвечает миссии США? Какой миссии? Глобальной демократической миссии с лицом бен Ладена?

От первого простейшего теоретического построения перейдем ко второму – столь же простому и очевидному.

США предлагают демократизацию с помощью одного спасительного средства – проведения свободных демократических выборов. Могло бы это средство являться спасительным, например, в феодальной России? Или в рабовладельческой Греции? Или в архаическом племенном государстве, африканском, например? Всем понятно, что в вышеуказанных случаях свободные выборы ни к какому демократическому устройству жизни не привели бы. В Греции, например, и так существовала демократия, но не для рабов. Если вы вторгаетесь в древнюю Спарту, свергаете спартанский авторитаризм и предлагаете свободные выборы, то вы воспроизводите и укрепляете всю структуру рабовладельческого общества. Это так часто обсуждалось выдающимися политическими мыслителями, что вряд ли стоит детальнее заниматься обсуждением столь очевидного вопроса. Лучше сразу переходить к тому, что из этого вытекает.

Для того чтобы свободные демократические выборы создали свободное квазизападное демократическое современное общество, надо осуществить модернизацию. То есть разрушение традиционного – архаичного патриархального – общества. Когда это общество будет разрушено, когда падут соответствующие предрассудки и их место заменит закон в качестве основного регулятора жизни, когда рухнут сословные перегородки, когда возникнет свободный рациональный индивидуум, – тогда и только тогда свободные выборы становятся и желанными, и необходимыми. А главное – закрепляющими искомую структуру общества и обеспечивающими искомую социальную динамику.

А значит, сначала модернизация, то есть превращение традиционного общества в современное, а потом свободные выборы. В

противном случае результат будет обратным. Традиционализм будет усилен, скрепы, соединяющие общественную ткань, обрушены постольку, поскольку речь идет о сколь-нибудь современном обществе. Если же ресурсов традиционализма не хватит, то распадется не только государство, но и общество. Например, на племена. Что с высокой степенью вероятности может произойти и в Ливии, и в том же Кот-д'Ивуаре.

Американцы вполне руководствовались этой теорией, создавая некие якобы порочные схемы в предшествующие десятилетия. И что же, теперь эта теория отменена? И принцип воздействия тоже перестал действовать? Почему?

Задаваясь этими вопросами, мы неизбежно переходим с территории фактов на территорию интерпретаций. И предлагая одну из возможных интерпретаций, выражаем искреннее желание ознакомиться с другими интерпретациями. При условии, конечно, что они не противоречат фактам, элементарному здравому смыслу и самым простейшим и очевидным теоретическим выкладкам.

Глава 10. Территория интерпретаций

Переходя на эту территорию, мы опять-таки постараемся избегать любых крайних суждений. С этой целью мы сосредоточимся сначала на обсуждении того, что именуется политической технологией. То есть того, что отвечает не на вопрос «зачем это делается?», а на вопрос «что именно делается?» А также на вопрос «как это делается?»

Все специалисты обращают внимание на удивительно плотный график так называемого «политического цунами», то есть политических эксцессов в огромном количестве государств исламского мира. Возражения, согласно которым революции всегда осуществляются по принципу цепной реакции (он же «принцип домино»), не слишком убедительны, поскольку подобного рода цепные реакции разворачиваются на протяжении ряда лет, а не двух месяцев. В случае же, когда плотность событий столь велика, следует говорить не о заразительности революционного примера, а о существенном влиянии технологического начала в исследуемых событиях.

К подобного рода констатации следовало бы добавить очень и очень многое. Например, анализ динамики цен на продукты питания. Притом что эта динамика порождается, в том числе, и игрой биржевых спекулянтов. Однако, разбираясь в природе произошедшего, следует, прежде всего, сфокусироваться на наиболее очевидном. И потому оставим в стороне проблематичные слагаемые произошедшего и зафиксируем, что Мубарак сумел обеспечить высокие темпы роста Египта даже в 2008 году. Что, обеспечивая такие темпы, он сумел в определенной степени гармонизировать интересы богатых и бедных слоев населения. Что на момент начала египетских событий обеспеченная часть египетского общества не стонала под пятой чудовищного режима, а комфортно проводила время в переполненных кафе и ресторанах. Что бедная часть общества, конечно же, испытывала многочисленные тяготы, но, тем не менее, имела и определенные преференции. Например, в виде особого дешевого хлеба для бедных. И так далее.

Что же касается Ливии, то там господину Каддафи удалось решить огромное количество социальных проблем, проблем социально-экономического развития, проблем гармонизации интересов очень разных слоев населения. Все эксперты, включая экспертов из ООН, уверены в том, что господин Каддафи продвинулся в решении этих вопросов гораздо дальше, нежели подавляющее большинство государств африканского континента.

Итак, какова же схема, позволяющая приводить в движение массы, не доведенные до отчаяния? С учетом, что всегда и в любом обществе есть противоречия. А в Египте существовали не просто противоречия. Там мы имеем все основания говорить о противоречиях достаточно острых, но все же неспособных быть самодостаточным детонатором того, что произошло.

Конечно же, в любом процессе сплетаются технологические аспекты, аспекты управляемости – и стихийная энергия недовольства. Конечно же, режим Мубарака порождал энергию стихийного недовольства, как и любой режим подобного типа. Конечно же, существовала ненависть к режиму, существовало недовольство широких масс. Но все это было лишь органическими предпосылками, с помощью которых мог быть приведен в действие столь масштабный политический процесс, который мы наблюдаем.

В теории систем подобного рода процесс называется «собственными колебаниями». И утверждается, что одних собственных ко-

лебаний почти всегда недостаточно для того, чтобы запустить процесс. Что на собственные колебания должны накладываться так называемые «вынуждающие колебания». Чья частота должна совпадать с частотой собственных колебаний. Такое совпадение частот именуется «политическим резонансом». Почти всегда необходим подобный резонанс. И лишь очень редко, в особо неблагополучных, катастрофических ситуациях полномасштабный политический процесс может запускаться одними только собственными колебаниями, то есть стихийным недовольством, на которое накладывается дисфункция власти, порожденная катастрофой.

В Египте очевидным образом не было ни такой катастрофы, ни органической дисфункции власти.

Так что же там тогда было?

И разве факты, которые нами уже обсуждены, не позволяют высказать гипотезу, согласно которой в Египте имел место резонанс между собственными колебаниями, порожденными многочисленными политическими противоречиями, и вынуждающими колебаниями, они же – проект «Большой Ближний Восток», вторая волна «глобальной демократической революции», «глобальное политическое пробуждение» и так далее? Почему обязательно надо говорить либо о внешних воздействиях (то есть об одних лишь только вынуждающих колебаниях), либо о естественном ходе вещей (то есть об одних лишь только собственных колебаниях)? Почему нельзя рассматривать комбинацию одного и другого?

В доказательство приведем еще одно суждение, принадлежащее крайне авторитетному мусульманскому лидеру, главному муфтию Саудовской Аравии Абдулу Азиз бин Абдулла аш-Шейху: *«Стимулирование волнений между людьми и их лидерами в этих протестах направлено на то, чтобы ударить по основе нации и разрушить ее»*. Протесты в Египте и Тунисе – вызванные бедностью и безработицей – «бьют» по экономикам мусульманских стран, *«чтобы превратить их в отсталые страны»*[143].

Обращаем внимание читателя на то, что это не мнение обычного исламского авторитета, а мнение главного муфтия страны, где расположены священные для всех мусульман Мекка и Медина. Конечно, не надо абсолютизировать это мнение. Но почему к нему нельзя хотя бы прислушаться? И почему нужно устраивать конфликт двух крайних интерпретаций, когда очевидным образом имеет место нечто среднее?

Общеизвестно, что воздействие на египетский процесс оказывал, например, топ-менеджер ближневосточного отделения Google Ваэль Гоним. Что Гоним, выйдя на свободу после ареста по подозрению в организации массовых акций протеста в Египте, сам заявил об этом в интервью англоязычным СМИ. Да, заявил он, я создал в Facebook страницу «против режима Мубарака», которую посетили 375 тысяч человек... Я создал ее для того, чтобы свергнуть Мубарака.

И что же, мы должны игнорировать такие заявления? Ведь никто не утверждает, что Гоним собрал в Facebook 375 тысяч человек на пустом месте, в условиях внутриполитической идиллии. Но идиллии нет нигде! И вот уже израильский министр информации Юлий Эдельштейн обращается к основателю Facebook Марку Цукербергу с просьбой не печатать массовых призывов к очередной интифаде. Ведь мы не ослышались? Израильский министр попросил об этом. О чем? О том, чтобы не создавать внешних воздействий на внутриизраильскую ситуацию.

Мы же не говорим, что Гоним – это инструмент правительства США. Мы просто обращаем внимание на очевидный факт внешних воздействий, они же вынуждающие колебания. Оказывает эти колебания крупная международная корпорация или правительство, международный финансист со сложной и неоднозначной системой связей или «Команда по цифровым внешним контактам»... В любом случае, речь идет о внешних вынуждающих воздействиях, которые всегда осуществляются с учетом внутренних противоречий, они же – собственные колебания системы. Такова обязательная политическая технология. И надо быть очень наивным человеком или человеком, сознательно уклоняющимся от серьезного обсуждения темы, чтобы объявлять взаимоисключающими очевидные слагаемые одного и того же процесса.

Справедливости ради необходимо оговорить, что отдельные представители американской элиты (республиканской, прежде всего) пытались защитить Мубарака. Налицо несомненный факт его защиты господином Фрэнком Виснером, авторитетным отставным дипломатом из очень респектабельной американской семьи.

Господин Виснер попытался убедить американское руководство в том, что Мубарака можно и должно оставить у власти хотя бы до конца короткого «переходного периода». Только об этом, в

сущности, Мубарак и просил так называемое «мировое сообщество». Однако в последний момент президент Обама все-таки решил настаивать на немедленном уходе Мубарака. То есть осуществил несомненную политическую – не специальную, не информационную, не организационную, а политическую – поддержку противников Мубарака.

Разбираясь в сути происходящего, рассмотрим еще одну, достаточно очевидную политическую технологию.

Для этого проанализируем политическую структуру египетского общества. В этом обществе есть несколько специфических страт.

Первая и высшая страта – верхушка. Она же – собственно политическое руководство, олицетворяемое фигурой Мубарака и узким кругом его родственников и приближенных.

Вторая страта – репрессивный аппарат. Иногда не вполне корректно называемый «военными».

Третья страта – вестернизированное меньшинство египетского общества, иногда не вполне корректно именуемое «средним классом».

Четвертая страта – низы египетского общества, его традиционалистское большинство.

Ключевой является вторая страта – репрессивный аппарат. Этот аппарат может раздавить любое народное восстание, даже если в рамках этого восстания объединится средний класс и традиционалистское большинство египетского общества.

Однако по мере нарастания коррупции в репрессивном аппарате нарастает и зависимость этого аппарата от внешних сил. Ведь коррупционеры не просто прячут деньги на территории Египта. Они вывозят эти деньги за пределы Египта. И склонны размещать вывезенные средства отнюдь не только в «черных» оффшорах. Рано или поздно вся система счетов, на которых средства коррупционеров размещены за пределами Египта, становится прозрачна для внешнего наблюдателя. Возникает феномен не просто коррупции, а «счетократии», то есть сообщества держателей крупных счетов за рубежом. Это сообщество специфическими средствами управляется извне. Как именно, можно понять из уже упомянутого донесения посла Скуби, обнародованного WikiLeaks: египетский оппозиционер в разговоре с американскими дипломатами призывает представителей американской администрации использовать данные о счетах, воздействие на которые позволит блокировать репрессивный аппарат.

Наконец, наступает своеобразный момент истины. Воздействие на счета приводит к отключению репрессивного аппарата. До этого отключения аппарат ведет себя свирепо и антидемократично. А после отключения он преисполняется бесконечным уважением перед демократией и правами человека. Преисполнившись таким уважением, аппарат отказывается подавлять политические эксцессы.

Для того чтобы инициировать эксцессы, достаточно вестернизированных либеральных движений, таких, как «6 апреля». То есть движений, находящихся в простой, естественной связи с так называемыми внешними силами. Почти всю структуру таких связей, причем опять-таки вплоть до деталей, описал WikiLeaks.

Но в момент, когда надо не только инициировать эксцессы, но и развернуть их в полную мощь, либеральных вестернизированных движений оказывается недостаточно. Как недостаточно на этот момент развертывания и механизмов, обеспечивающих прямые и естественные связи между внешними силами и представителями так называемого гражданского общества.

Тогда оказывается необходимым активизировать традиционалистскую, фундаменталистскую часть общества не через Twitter и Facebook, не через гражданские ячейки и социальные сети, а через сети совсем другого рода. Через сети фундаменталистских мечетей, подконтрольных «Братьям-мусульманам». Что и было сделано.

После этого уже нельзя не учесть интересов «Братьев-мусульман». Или других радикальных сил, вовлекаемых в процесс описываемого формата.

Характерно, что потенциала вестернизированных либеральных сил всегда хватает только для запуска процесса. Потому что эти силы – своего рода тонкая пленка. Они достаточно слабы. Они находятся в сложных отношениях с большинством египетского общества. Вот почему рано или поздно – и тут господин Сорос абсолютно прав – речь пойдет о передаче власти от военных, олицетворяемых фигурой Мубарака, к фундаменталистам.

Именно так все произошло в Ираке, где власть де-факто оказалась передана от Саддама Хусейна и партии БААС, то есть от светской властной элиты и военных, – суннитским и шиитским радикалам. Получив такой результат в Ираке и осудив его в Ираке, можно ли сходным образом воздействовать на другие страны и ожидать другого результата? Можно ли так воздействовать, например, на Египет или Ливию?

Почему поддержка противников власти в Египте не стала силовой, а в Ливии – стала? Потому что в Египте репрессивный аппарат удалось блокировать до конца, а в Ливии его удалось блокировать только в малой степени. А поскольку его удалось блокировать только в малой степени, Каддафи начал побеждать своих противников. И все увидели – что в случае, если в стране, определенной в качестве цели дестабилизации, власть добивается победы, ее противникам начинает оказываться именно силовая поддержка. Ее начинают оказывать именно тогда и только тогда. До какой же степени необходим ускоренный демонтаж политических систем целого макрорегиона, если в случае задержки такого демонтажа решаются на столь непопулярные действия? При том, что сходные действия только что были осуждены, и что нынешняя политическая репутация президента США базируется на отрицании подобных действий (равно как и Нобелевская премия мира).

Видимо, речь идет о крайней степени политической, даже стратегической необходимости. Но чем тогда она вызвана, эта крайняя степень необходимости? Приверженностью демократии?

Но можно ли назвать происходящее сейчас в Египте демократическим? Можно ли считать демократическим заявление назначенного военной властью премьера Исама Шарафа о том, что он будет действовать только по повелению революционной молодежи, которая представляет собой единственную легитимную часть египетского народа?

Когда одна часть общества легитимна, а другая нет – можно ли говорить о демократии? Можно ли говорить о ней, если миллион людей, вышедших на улицу, значит больше, чем невышедшие 80 миллионов?

Можно ли говорить о ней, если «революционная молодежь» (или кто-то, кто стоит за ней) по давно отработанным схемам выпускает из тюрем уголовников, которые занимаются отнюдь не только кражей товаров из магазинов?

Сколько именно людей убито в Египте, мы не узнаем никогда. Или, по крайней мере, достаточно долго. Люди, приезжающие из Египта, говорят об очень жестоких вещах, творимых уголовниками по заданию «революционной молодежи». Египетский туризм развален надолго. «Дыры в бюджете» вряд ли будут кем-то извне в должной степени скомпенсированы.

Госпожа Кондолиза Райс говорит о том, что и в Египте, и во всем макрорегионе турбулентность, то есть хаос, установится на

годы. Но турбулентность имеет свойство расползаться, захватывая все новые и новые зоны. Что, если энергия хаоса распространится на существенную часть «Большой исламской дуги», которая тянется от Малайзии и Филлипин до Алжира? Какие еще регионы окажутся задеты происходящим? Что именно начнет клубиться в этих регионах?

На Северном Кавказе террористическая активность растет с каждым месяцем. Что произойдет там по мере разогрева «Большой исламской дуги»? Что произойдет в Средней Азии? В других регионах?

И в чем все-таки смысл столь масштабного и столь желанного, как мы видим, процесса? Что знаменует собой внесение столь глубоких корректив в оценку фактора радикального исламизма? Подчеркиваем – не исламского фактора вообще, а именно фактора радикального исламизма?

Переходя от фиксации событий, фактов, высказываний к интерпретации, моделированию, прогностике, мы обязаны оговорить гипотетичность любых своих построений. Но в науке вообще, а политической в особенности, нет способа построения моделей, свободного от выдвижения гипотез. Вопрос лишь в том, в какой мере мы можем подтвердить гипотезу, обосновать ее и, наконец, превратить в политическую теорию. Оставаясь при этом внутренне свободными, то есть готовыми в любой момент отказаться от теоретических построений, если они входят в противоречие с реальностью.

Выдвигаемая нами гипотеза такова.

Налицо признаки конца определенной эпохи, продолжавшейся порядка пятисот лет. О том, что эта эпоха подходит к концу, говорят очень многие.

Одни, правда, ограничиваются констатацией завершения достаточно короткой эпохи, именуемой «ялтинской».

Другие говорят о завершении гораздо более длинной эпохи, именуемой «вестфальской» (иначе – эпохой национальных суверенитетов, национальных государств и так далее).

Что если на самом деле завершается еще более долгая фаза исторического развития? Фаза, которую многие называют «эпохой Модерна» или «эпохой Модернити»? Мы уже обсуждали в Главе 9 вопросы о соотношениях между демократизацией и модернизацией. Для того чтобы продвинуться вперед в этом вопросе, дадим строгие определения используемых нами понятий.

Премодерн, Модерн, Контрмодерн и Постмодерн – типы обществ, которым свойственны определенные нормы и принципы, регулирующие социальную жизнь.

Модерн – тип общества, регулируемый: а) светским национальным правом; б) секуляризацией общественной жизни; в) атомизацией (индивидуализацией); г) индустриализацией и т.п. Общество Модерна иногда называют индустриальным или даже буржуазным (но с определенными оговорками).

Премодерн – тип общества, предшествующий Модерну и регулируемый: а) религией, б) традицией, в) сословной корпоративностью, г) преобладанием сельскохозяйственного уклада. Общество Премодерна иногда называют традиционным или аграрным.

Контрмодерн – тип общества, сходный с Премодерном, но искусственно насаждаемый в эпоху Модерна и Постмодерна.

Постмодерн – тип общества, формируемого на обломках Модерна и проблематизирующего основные принципы социальной регулятивности.

Типы обществ могут формироваться стихийно или на основе четкого замысла. **Замысел, сообразно которому создается общество определенного типа, – это проект.**

В наибольшей степени на основе четкого замысла осуществлялись Модерн, Контрмодерн и Постмодерн, что позволяет говорить и о проекте «Модерн», и о проекте «Контрмодерн», и о проекте «Постмодерн».

Осуществление проекта «Модерн» – это «модернизация».

Дав эти определения, мы можем начать рассматривать достаточно сложные, но явно не беспочвенные концептуально-аналитические гипотезы. Подчеркнув, что это именно гипотезы – не более того, но и не менее.

Что если речь идет о завершении именно эпохи Модерна и о начале эпохи совсем другой? Что если все эти перестройки, глобальные революции, глобальные политические пробуждения есть просто фазы в развитии мегапроцесса, ведущего к глубокому переустройству мира? Мегапроцесса, в котором, опять-таки, есть место и вынужденным, и собственным колебаниям?

Если так, то мы все как бы стоим на узком мосту, соединяющем между собой очень разные исторические эпохи. Или, еще

точнее, мы находимся на стыке между эпохой завершающейся (и потому обладающей внятными историческими характеристиками) и эпохой начинающейся (а значит, по определению, такими характеристиками не обладающей).

Скорее всего, переходный период обладает определенной вариативностью. И в этом смысле можно сказать, что мы находимся на развилке – между эпохой Модерна и эпохами. Да, не эпохой, а эпохами. В таких случаях выбор пути определяет то, каким станет новое время, и в каком мире будут жить наши дети и внуки. Мы можем сделать один выбор – и оказаться в одном новом политическом измерении, одной новой исторической эпохальности. А можем сделать другой выбор – и оказаться в другом измерении, в другой эпохальности. Человечеству не всегда предоставляется возможность подобного выбора. Но переживаемый нами момент, по всей видимости, такую возможность нам предоставляет.

Содержание уходящей эпохи – всеобъемлющая и безальтернативная монопроектность, согласно которой в мире есть только Модерн и ничего больше. В соответствии с проектом «Модерн», весь мир идет к прогрессу, гуманизму. Все мы рано или поздно разовьемся. Мы можем развиваться с низкого уровня производительных сил до высокого. Или с высокого – до самого высокого. Но рано или поздно мы все будем там, наверху, все будем гуманизированы, прогрессивны и сольемся в единое человечество. Вот что такое эпоха Модерна.

Длилась она и впрямь около пятисот лет. И если она теперь завершается, если налицо и ее внутренняя усталость, и стремление ее противников сократить донельзя отведенный ей еще исторический срок – то можно говорить о демонтаже Модерна. Демонтаже, который осуществляется сознательно – с оглядкой на объективные факторы, порождающие усталость Модерна, его готовность рухнуть под грузом накопившихся внутренних противоречий.

Как соотносятся между собой наличие таких противоречий и гипотеза о сознательном демонтаже существующего мироустройства? На наш взгляд, соотношение примерно такое же, как между устройством взрываемого дома и размещением в нем взрывных устройств. Ни один профессиональный подрывник не будет взрывать дом без учета его конфигурации, точек уязвимости взрывае-

мого строения, меры износа его опорных конструкций. А значит, никакого противоречия между гипотезой о демонтаже Модерна и высокой степенью износа связанной с Модерном исторической эпохи – нет.

Напротив, только безумец, романтик, авантюрист может затеять демонтаж эпохи, находящейся в расцвете, обладающей высокой степенью внутренней устойчивости и открытой исторической перспективой.

Но если Модерн демонтируется (вновь подчеркнем – с оглядкой на его историческую усталость), то в силу каких причин? Кого и почему Модерн перестал устраивать?

Начнем с того, что если Модерн кого-то чем-то перестал устраивать, то этот «кто-то» (если, конечно, речь идет о реальном субъекте, а не о зловещем затаившемся заговорщике) обязательно заявит о себе открыто. И начнет обосновывать свои намерения осуществить обсуждаемый нами «исторический демонтаж».

Заговорил ли кто-то всерьез о необходимости подвести черту под эпохой Модерна?

Да, безусловно. Об этом всерьез заговорили со времен первых докладов Римскому клубу[144], обосновывая невозможность далее жить по правилам Модерна фундаментальными глобальными ограничениями (нагрузкой на экологию планеты, исчерпанием невозобновляемых ресурсов и так далее). Никто не собирается обвинять Римский клуб в сознательной мистификации. Разумеется, экологические проблемы, проблемы ресурсов невероятно остры. И, тем не менее, сводится ли все только к объективной остроте этих проблем? Или же мы имеем дело еще и с чем-то другим?

Это «другое» достаточно очевидно. Просто не все хотят поставить вопрос ребром. Рискнем это сделать, оговорив, что мы сознательно заостряем проблему в рамках обсуждения одной из возможных гипотез. Не более того, но и не менее.

В рамках Модерна, принятого на вооружение сейчас новыми великими странами, такими, как Индия и Китай, речь идет о неотъемлемом праве всех развившихся национальных государств обеспечить своим гражданам – в качестве приза за ускоренное развитие – высокий жизненный уровень. Предположим, что великим развивающимся странам удастся, успешно осуществляя свой национальный Модерн в рамках Модерна всечеловеческого,

предоставить своим гражданам (пусть и в отдаленной исторической перспективе) все то, чем обладает сейчас гражданин Европы или США. Ну, например, отдельный коттедж, две машины на семью и так далее.

Что в этом случае произойдет с невозобновляемыми ресурсами? С бензином, который надо залить в новые 6–7 миллиардов машин? С энергией, которую надо откуда-то добыть для того, чтобы обеспечить правильное функционирование 2–3 миллиардов новых коттеджей?

Вот очевидная, но не обсуждаемая стратегическая проблема.

Но есть и проблема менее стратегическая, но обладающая определенным прагматическим значением.

Модерн как историческая эпоха обладает определенными правилами или законами. Один из этих законов – закон неравномерного развития. Молодые национальные государства, успешно играющие по правилам Модерна, рано или поздно догоняют и обгоняют ранее лидировавшие старые государства. Так, к началу Первой мировой войны молодое германское государство стало догонять и обгонять старого лидера – Британскую империю.

На сегодняшний день старый лидер, справедливо завоевавший ключевые позиции в рамках правил игры, задаваемых эпохой Модерн, – Соединенные Штаты Америки.

Но правила игры таковы, что не может не появиться молодого лидера. Таким лидером на глазах всего мира становится Китайская Народная Республика, которая, в свою очередь, оглядывается на еще одного крупного молодого игрока – Индию.

В подобной констатации нет ни грамма алармизма, нет никакой попытки демонизировать происходящее. Это так потому, что так устроен мир. Потому, что в рамках этого устройства мира, то есть в рамках Модерна, молодое мощное успешное государство обязательно начнет обгонять лидера.

Вопрос в одном – как поведет себя лидер? Что он сделает, если правила эпохи Модерна обязуют его передать эстафету лидерства, а он этого не хочет и не может сделать? Не возникнет ли соблазна кардинально изменить правила? При том, что усталость Модерна позволяет в принципе это сделать.

Перейдем от этих общих построений к интересующему нас феномену разогрева Большой исламской дуги.

В Соединенных Штатах существовали и существуют две главные стратагемы.

Одна – это стратагема, условно говоря, республиканской партии, или «фирменное блюдо имени Генри Киссинджера», согласно которому Ближний Восток держится на следующих китах: Израиль, Египет, отчасти Турция – и на стабильных военных режимах, про которые давно говорилось: «Сукин сын, но наш сукин сын», то есть, на светском авторитаризме.

Другая стратагема, лежащая в основе игры, условно, демократической партии, или «фирменное блюдо имени Збигнева Бжезинского», состоит в том, что Соединенным Штатам для того, чтобы играть на всех «мировых полянах», нужен радикальный исламизм.

Разумеется, нельзя сводить каждую стратагему не только к имени отдельного, сколь угодно влиятельного, политического стратега, но и к одной из главных политических партий. Позволяя себе подобное упрощение, мы просто хотим сделать картину несколько более ясной. При том, что стратагемы действительно существуют. И их привязка к определенным фигурам и политическим субъектам не столь важна, как факт наличия стратагем.

В чем разница между этими стратагемами?

Одна из них (для упрощения будем называть ее «киссинджеровской») говорит о том, что Соединенным Штатам нужен новый мировой порядок, что они воспринимают господство как порядок. То есть как своего рода Четвертый Рим.

Любой мировой лидер мечтает об установлении мирового порядка. США мечтали установить свой мировой порядок на протяжении всей второй половины XX века. После распада СССР у США возникли реальные возможности осуществить эту мечту. Но оказалось, что за ее осуществление надо заплатить слишком высокую цену. И что американский народ, вкусивший от комфорта и безопасности, платить такую цену не хочет.

Ведь что такое новый мировой порядок по модели Четвертого Рима? Это римские легионы во всех провинциях и некий план, предлагаемый Римом для провинций и именуемый «Pax Romana». После Второй мировой войны у США хватило драйва на то, чтобы разместить свои легионы в провинциях под названием Япония и Германия. И предложить этим провинциям аналоги «Pax Romana» в виде планов Макартура и Маршалла.

К моменту ввода американских войск в Ирак оказалось, что аналогичного «Pax Romana» для Ирака у США нет. Кроме того, оказалось, что нужно слишком много легионеров для новых провинций даже в рамках Большой исламской дуги. Нужно не только держать 300–400 тысяч солдат в Ираке. Нужно вводить 500–600 тысяч солдат в Иран (потому что без этого любые бомбардировки – это просто верх кретинизма). Нужно предуготовиться к введению аналогичного контингента в Пакистан. И так далее.

Выяснилось, что США этой нагрузки выдержать не могут и не хотят. Что американский народ не хочет иметь трехмиллионную сухопутную армию, потому что это армия с обязательным призывом.

Итак, Соединенные Штаты поняли, что они стать Четвертым Римом не могут. Что делать? Отказаться от мирового господства?

Во-первых, никто, обладая мировым господством, не откажется от него только потому, что обеспечивать такое господство трудно.

Во-вторых, США капитализировали мировое господство, превратили его в сверхвыгодный и сверхнеустойчивый бизнес-проект. Основанный на двух факторах – печатном станке и авианосцах. Печатный станок позволяет финансировать создание новых авианосцев, а новые авианосцы охраняют прерогативы печатного станка.

Это вовсе не означает, что нет высокоэффективной американской индустрии и американских технологий, великолепного американского хозяйственного комплекса в целом. Но доля этого комплекса в мировом хозяйстве уже иная, нежели 60 лет назад. И эта доля неуклонно уменьшается.

Невозможность обеспечить мировое господство по модели Четвертого Рима не может не породить в определенной части американской элиты (той, которую мы условно связали с именем Бжезинского) стремления к обеспечению мирового господства по другой модели – модели нового Карфагена. Если нельзя установить новый мировой порядок, то можно создать управляемый беспорядок и обеспечить в рамках этого беспорядка господство. Пусть неустойчивое и проблематичное, но господство.

Всмотримся в карту современного мира. Этот мир уже сейчас можно, в грубом приближении, поделить на три зоны – Большой Юг (он же исламская дуга), Большой Дальний Восток и Большой Запад.

Большой Дальний Восток стремительно развивается. Вложения в этот регион дают большую прибыль. У элиты Большого Юга (не-

фтяных шейхов, прежде всего, но и не только) накопилось очень много денег. Речь идет о триллионах долларов. Этой элите по сугубо объективным причинам не хочется размещать деньги в западных банках, дающих очень малый процент. Отсюда соблазн вложить деньги в очень быстро развивающийся Большой Дальний Восток. Вложив же деньги туда, подкрепить свои вложения определенной энергетической политикой, да и политикой вообще.

Эта нитка связи не может устроить западный финансовый капитал. Он понимает, что процесс начинающейся переориентации финансов Большого Юга с Запада на Восток желательно прервать в начальной фазе. Он понимает, что если этот процесс не прервать, то по завершении процесса начнется новый глобальный кризис с далеко идущими последствиями. Кризис, при котором США, например, окажутся в мировой иерархии не на первом и не на втором месте, а на четвертом или на пятом. Такая потеря капитализации недопустима. Ради того, чтобы избежать этой потери, можно пойти на многое.

Разумеется, не все на Западе и в США мыслят подобным образом. Но налицо весьма высокопоставленные высказывания, свидетельствующие о том, что подобные размышления овладевают многими умами. А овладев ими, обязательно станут приводным рычагом реальной большой политики.

Станут или стали?

Не является ли разогрев Большой исламской дуги переходом от стратегии «нового мирового порядка» к стратегии «нового мирового беспорядка»?

Возможно, госпожа Кондолиза Райс совсем не случайно рассуждает в связи с нынешними событиями на Ближнем Востоке о турбулентности, то есть новом мировом беспорядке. В бытность госсекретарем США она активно пользовалась советами заместителя помощника госсекретаря, крупного политолога и теоретика Стивена Манна. Того самого Манна, который стоял у истоков создания Института исследований Сложности в Санта-Фе и много лет занимался разработкой теоретических и практических проблем использования «управляемого хаоса» в глобальной политике.

В конце концов, все новое – это хорошо забытое старое. О финансовых, экономических, энергетических войнах говорят не отдельные влиятельные представители американского интеллекту-

ально-политического истеблишмента. Все это давно уже стало «поваренной книгой» большого бизнеса.

Разница между войной и конкуренцией такова.

При конкуренции ты снижаешь свои издержки, повышаешь эффективность, выводишь на рынок лучший товар по более низкой цене и побеждаешь конкурента.

Если же ты ведешь не конкуренцию, а экономическую войну (а также войну финансовую, энергетическую и так далее), то задача состоит не в повышении эффективности своей деятельности, а в понижении эффективности деятельности противника. Для чего применяются самые разнообразные средства – например, от организации конфликта племен на территории, по которой проходят трубопроводы противника, до прямых диверсий на этих территориях.

Если нельзя сделать США более привлекательными в рамках игры по правилам Модерна, то почему бы не изменить правила? И не сделать конкурента менее привлекательным?

Вновь подчеркнем, что речь идет об идеях, рождающихся в умах отдельных элитных групп, а не о согласованном поведении всех американских элит.

Есть такое выражение: «noblesse oblige» («положение обязывает»). Положение единственной сверхдержавы, державы номер один, обязывает ко многому. В том числе и к тому, чтобы охранять это положение. Отсюда один шаг до такой формулы реальной политики: «главный враг – это страна, в наибольшей степени приблизившаяся к уровню, достигнув которого, она может бросить вызов моему могуществу». В «Стратегии национальной безопасности США», принятой в 2002 году администрацией Дж. Буша, этот принцип высказан в чеканной формулировке: «Наши силы должны обладать такой военной мощью, чтобы у потенциального противника не возникало желания наращивать свой военный потенциал в надежде превзойти Соединенные Штаты в военной мощи или сравняться с ними».

Такого рода формулы можно заворачивать в те или иные идеологические обертки. Но начинка не имеет никакого отношения к идеологии. Если СССР приблизился больше всего к опасному уровню, то он – опасность номер один. И эту опасность можно завернуть в обертку борьбы с коммунизмом.

Но если к этому уровню приблизится страна с любой другой идеологией, то будет просто найдена другая обертка. Суть же бу-

дет состоять в этом опасном приближении, приближении самом по себе.

Особо опасно создание союзов, при котором союзная мощь резко возрастает, приближаясь все к тому же недопустимому уровню. Весьма проблематичный союз между Китаем и Японией как между индустриальной и постиндустриальной державой относится именно к числу подобных союзов. Но к этому числу относятся и другие союзы.

Закон неравномерности развития – неотменяемый, коль скоро речь идет об игре по правилам Модерна, – чреват конфликтом между США и Китаем по схеме, аналогичной конфликту между Великобританией и Германией в 1914 году. Но за такой конфликт между ядерными державами будет заплачена слишком высокая цена. И хотя возможность такого конфликта, как мы знаем, обсуждалась широко (например, известной американской группой под руководством Пола Вулфовица, она же группа «Би-2»), не могут не прорабатываться и альтернативные такому конфликту стратегии.

Например, стратегия управляемого хаоса. Разогревается Большой Юг, с которым заключают союз, аналогичный тому, который был заключен в Афганистане против СССР. Энергию экспансии этого Большого Юга направляют на Большой Дальний Восток. Прежде всего, на Китай, но и не только. Опасность, вытекающая из неравномерности развития, становится меньше... Страна-лидер получает историческую отсрочку...

Мы знаем, что такие схемы обсуждаются многими, включая того же Бжезинского. Мы знаем, что такие схемы не раз применялись в истории. Почему нельзя предположить (вновь подчеркнем – только предположить!), что все странные факты, находящиеся в вопиющем несоответствии с прежней американской стратегией, както соотносятся (пусть и не на все сто процентов) с подобными построениями, уже неоднократно использованными в истории?

Теперь уже сами создатели стратегии «радикальный ислам против СССР» говорят об этом. Бжезинский[145] и Гейтс[146] откровенны донельзя. Они признают, что начали разогрев макрорегиона, в том числе и Афганистана, за полгода до ввода советских войск в Афганистан. При этом Бжезинский прямо говорит, что использование «взбудораженных мусульман» против главного конкурента США – это был не только допустимый, но и оптимальный геопо-

литический ход. Не дает ли это серьезных оснований для внимательного рассмотрения нашей гипотезы?

От гипотезы переходим к модели.

Если содержание уходящей эпохи – всеобъемлющая и безальтернативная монопроектность, согласно которой в мире есть только Модерн и ничего больше, то содержание наступающей эпохи – полипроектность.

Налицо, как минимум, три проекта – Постмодерн, Модерн и Контрмодерн.

Радикальный исламизм – это Контрмодерн.

Модерн – это то, что происходит сегодня на Большом Дальнем Востоке: в Китае, Индии, Вьетнаме и так далее.

А Постмодерн – это то, что начинает произрастать на Западе в условиях нарастающего обрушения Модерна, в условиях превращения Запада из лидера промышленного (индустриального или постиндустриального) развития – в лидера, обеспечивающего совокупный сервис. Сервис финансовый, сервис в сфере более тонких услуг, сервис развлекательный, сервис силовой (да-да, и силовой тоже).

Нельзя утверждать, что весь Запад сводим к росткам Постмодерна. Но не ощущать постмодернизацию Запада как одну из явных и опасных тенденций тоже нельзя. Тем более, что такая тенденция Постмодерна «для себя» легко может переплетаться с тенденцией Контрмодерна «для других», выступающей под маской разного рода демократических революций, осуществляемых по уже обсужденному нами принципу «демократия без Модерна».

Что, если речь идет о переплетении этих принципов? Что, если силы, заинтересованные в их переплетении, воздействуют на мироустройство с целью организации совсем нового миропорядка? С целью складывания подобного миропорядка из кубиков Контрмодерна и Постмодерна? Что если именно в этом направлении осуществляются вполне конкретные политические шаги?

В этом случае (вновь подчеркнем, что он носит гипотетический, но не беспочвенный характер) политическая философия осуществляемых воздействий еще важнее прагматики. В связи с этим рассмотрим подробнее сам Модерн и признаем, что существуют два – принципиально разных – Модерна.

Подлинный, всечеловеческий проект «Модерн» имеет всеобъемлющее всемирно-историческое содержание. Он духовно полно-

ценен. Под предводительством его адептов человечество способно двигаться к новому идеалу. Враги такого Модерна хотят сокрушить не способ производства, дающий высокий процент роста тем или иным странам (как в сегодняшних Китае или Вьетнаме), а Идеал – «Девятую симфонию» Бетховена, как сказал один из врагов Модерна.

У Томаса Манна в «Докторе Фаустусе» главный герой говорит: «Я понял, этого не должно быть». – «Чего не должно быть?» – «Доброго и благородного, того, что зовется человеческим. Того, во имя чего штурмовались бастилии и о чем, ликуя, возвещали лучшие умы, этого не должно быть. Я его отниму». – «Что ты хочешь отнять?» – «Девятую симфонию». То есть идеал свободы, равенства и братства. Не уровень производства (8% роста ВВП или 6%), а Идеал – метафизический и политический (свобода, равенство, братство).

Суррогатный, реликтовый, римейковый Модерн, став макрорегиональным или мозаичным, рискует потерять полноценное всемирно-историческое содержание. И превратиться из средства легитимации – в средство оптимизации, средство победы в той или иной (экономической, геополитической) конкуренции.

Если такой модерн будет низведен только к удовлетворению потребности в материальном процветании, то он окажется устойчив лишь до момента завоевания этого процветания. А это наложит отпечаток уже на нынешнюю фазу его продвижения к искомой, стратегически явно недостаточной цели.

В самом деле, в том же Китае, например, огромное количество людей работает за относительно низкую зарплату, потому что есть традиционное общество, в котором уровень жизни еще резко ниже, нежели тот, который обеспечивает такая зарплата.

Поднимая людей до Модерна из традиционного общества, им можно дать в 10 раз больше. И это все равно будет гораздо меньше, чем в Европе и США. Подобное именуется «топкой модерна». Берется человеческий ресурс из традиционного общества, перемещается в Шанхай, и там используется весьма и весьма эффективно. Но – до поры, до времени. Пока работник не перестает стимулироваться угрозой возврата в нищету традиционного общества. Как только все традиционное общество окажется переработано в «топке модерна», работник перестает стимулироваться этой угрозой. И Модерн начинает захлебываться.

В России было проведено несколько крупных трансформаций, близких по своему содержанию к модернизации. Речь идет о трансформациях при Петре Великом, при Столыпине, Сталине, даже Хрущеве. В России нет традиционного общества. А значит, нет и ресурса для «топки модерна».

В Индии, Китае или Вьетнаме такой ресурс есть. Но он не беспределен. И стратегические проблемы начнутся намного раньше, чем этот ресурс будет исчерпан.

Еще раз подчеркнем, что с момента, когда Запад вышел из проекта «Модерн», не предложив миру и не приняв от мира нового стратегического проекта, в котором сочетаются гуманизм и развитие, Модерн утратил всемирно-историческое значение.

Оговорив это, обсудим вкратце так называемый Контрмодерн. Укажем при этом, что Контрмодерн – это не возврат мира к идеалам высокого Средневековья (Премодерна). Потому что в ту историческую эпоху идеалы зажигали сердца и двигали вперед. Они обладали всемирно-историческим смыслом. Они по-настоящему воодушевляли. Они несли с собой новые возможности для людей. В них было высокое гуманистическое содержание.

Контрмодерн выхолащивает из Премодерна все высокое и оставляет только скорлупу, форму, лишенную животворящего содержания. Контрмодерн – это во многом искусственная конструкция, призванная обеспечить жизнь части человечества в состоянии фундаментального неразвития. То есть в состоянии гетто.

Контрмодерн развивается по постмодернистской социотехнологии – за счет регресса, архаизации. Контрмодерн – это вторичная и еще более последовательная колонизация периферийных народов, возвращение этих народов в состояние вечной периферии. Это своего рода «мировая деревня» при «мировом городе». В какой бы стране мира Контрмодерн ни реализовывался, это всегда поразительно напоминает нацистский план «Ост» по порабощению славян и других «неполноценных» народов.

Процесс демонтажа СССР, который маркируется символом падения Берлинской стены, обернулся для народов СССР очень и очень многим. Налицо, в том числе, и признаки регресса, вторичной демодернизации, архаизации, то есть того, что свойственно Контрмодерну.

Так может быть не зря Абдул Азиз бин Абдулла аш-Шейх – главный муфтий Саудовской Аравии, высокое духовное лицо ислама –

говорит о том, что процессы так называемого «глобального политического пробуждения» (оно же – глобальная демократическая революция, оно же – «перестройки»-1, -2, -3 и так далее) запустят регресс и деградацию (а значит, Контрмодерн) на территории Большого Юга (или существенной его части)?

Если первая фаза смены глобальной архитектуры (крушение социалистического лагеря и распад СССР) породила первую волну Контрмодерна, а вторая фаза породит вторую волну все того же Контрмодерна, то можно ли говорить о случайности происходящего? Сколько фаз должно состояться для того, чтобы происходящее перестало казаться, как минимум, стопроцентно случайным?

Контрмодерн на определенной части земного шара – вот к чему последовательно ведет элита, занятая созданием новой глобальной архитектуры, сформированной на основе демонтажа Модерна.

Теперь о Постмодерне. Постмодерн – это не культурный изыск, а самый мощный и эффективный за всю человеческую историю способ дегуманизации, расчеловечивания. Он отменяет все исторические константы, подлинность, смысл, историю. Он открыто настаивает на том, что даже проект «Человек» подлежит полному демонтажу. То есть он настаивает на отмене единства вида homo sapiens, единства рода человеческого.

Но если человеческий род не един, то можно любым способом корректировать, например, численность населения. Весьма серьезными людьми обсуждаются крайне радикальные схемы подобной корректировки. Но главное, что сама идея корректировки становится легитимной. Если часть человечества – это «почти что люди», то почему нельзя корректировать поголовье таких «особей»? Откуда муки совести при подобной корректировке? Ведь эти муки не беспокоят животноводов, корректирующих поголовье крупного рогатого скота!

Постмодерн – это мягкий, но очень эффективный неонацизм. Тот самый неонацизм, который в эпоху Французской революции был предложен якобинцам знаменитым маркизом де Садом. В своем обращении к французскому Конвенту маркиз де Сад очень внятно пишет о том, как надо устроить общество на принципах антигуманизма. Якобинцы, как адепты подлинного Модерна, тогда решительно отвергли постмодернистские изыски маркиза. А многие нынешние постмодернисты объявили де Сада своим великим предтечей.

Постмодерн празднует победу над подлинным Модерном и его советской альтернативой. Это вызов дегуманизации – страшный вызов для всего человечества.

Постмодерн в ядре («мировом городе») и Контрмодерн на периферии («мировой деревне») – вот одна из формул новой глобальной архитектуры. Принятие такой формулы знаменовало бы собой союз постдемократических постмодернистских элит с радикальным исламизмом, как частным проявлением Контрмодерна, регресса, архаизации.

До сих пор сама возможность такого союза кажется абсолютно дикой, потому что исламские архаизаторы проклинают и либерализм, и США, и Запад как целое. Но поскольку США и Запад как целое не имеют эффективных средств противодействия экономическому (а значит, и политическому) росту того, что мы назвали «суррогатным, реликтовым модерном», в дальневосточном регионе вообще и в Китае в частности, то такой союз может возникнуть просто от безысходности.

Вновь подчеркнем, что прецеденты таких союзов – налицо. Что именно такие союзы с исламизмом заключались не раз – и против Российской империи (в Средней Азии и на Кавказе), и против Османской империи (ваххабиты), и против СССР (в Афганистане), и против Индии (с Пакистаном). Новое – не в самом таком союзе, а в степени его масштаба и стратегичности.

Ибо речь идет об исторических судьбах все того же капитализма. Которому сначала сулили скорый конец, а потом назвали оптимальным и безальтернативным укладом, обеспечивающим так называемый «конец истории». После 2008 года о судьбах капитализма вновь заговорили все.

Но легитимность капитализма полностью задается проектом «Модерн». Капитализм легитимен только в рамках Модерна. Именно находясь в этих рамках, он является укрощенным и созидательным злом. Он несет в себе и это зло – и благо, благо исторического развития.

Однако капитализм обеспечивает историческое развитие только в рамках безальтернативного и всеобъемлющего Модерна. Выходя за рамки Модерна, капитализм теряет способность обеспечивать историческое развитие. И превращается в фашизм, гностицизм, демонтаж единства рода человеческого.

Капитализм стал выходить за рамки Модерна уже к концу XIX века. Он почти полностью вышел за эти рамки во время Первой ми-

ровой войны. Это уже тогда началось. Это было предугадано и описано очень многими. Например, Шпенглером в его «Закате Европы».

Но тут появился советский «Красный проект», и как бы подпер собою «заваливающуюся» балку проекта «Модерн». Наличие новой вести из России – идей «нового человека», «нового гуманизма», развития, – не позволило проекту «Модерн» завалиться до конца. Гитлер хотел уничтожить его, но наткнулся на советское сопротивление.

70 лет просуществовала относительно устойчивая архитектура: два мира – два проекта – две системы. На этом все держалось. После демонтажа советского миропроекта, осуществленного в рамках перестройки-1, неминуемо должен был начаться (в рамках перестройки-2) и демонтаж миропроекта «Модерн».

Нельзя при этом не вспомнить о том, что еще в 1946 году на собрании неофашистского интернационала в Сан-Ремо было заявлено, что главной целью является уничтожение двух «ялтинских хищников»: сначала Советский Союз, потом США.

Глава 11. Прогноз

Контрмодерн, Постмодерн и суррогатный Модерн – это три миропроектных модуля, из которых хотят соорудить новый мир. Они реальны. Это не выдумки конспирологов, не фантазии утопистов. Это исторически осуществившиеся, длящиеся во времени огромные начинания, воплощенные в гигантском количестве идеальных и материальных артефактов. Это не то, что мы, как интерпретаторы, хотим навязать миру, живущему по иным законам. Это то, в чем мир сейчас реально живет. И события в Египте, Алжире, Ливии и других местах – это великая перестройка из формата «модерн для всех» в формат новой глобальной архитектуры, состоящей из трех перечисленных «разделенных» модулей.

Если победит эта тенденция, то радикалистский разогрев Большой исламской дуги от Марокко до Индонезии завершится в 2013–2014 гг.

Одновременно начнется разогрев ряда зон, находящихся за пределами Большой исламской дуги. Это обязательно заденет Индию, Среднюю Азию, Северный Кавказ, российское Поволжье, Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая. Волны этого разогрева не могут не порождать всплески этнокультурной, политической и экономической дестабилизации соседних регионов, включая Европу и Индокитай.

Ответная реакция на разогрев этих регионов станет новой фазой глобальной дестабилизации. Множественная дестабилизация приведет к новой фазе распространения ядерного оружия. Лидером процесса, скорее всего, станет Иран. Однако невозможно представить себе Иран, овладевший ядерным оружием, без овладения этим же оружием Саудовской Аравии. Одновременно будет идти дестабилизация всего африканского континента.

К 2015–2016 гг. неизбежно начнется экстремальное подключение к этой дестабилизации Израиля. Это просто не может не произойти, коль скоро весь Большой Ближний Восток продолжит дрейф в нынешнем направлении.

В таких условиях нельзя исключить не только ядерный конфликт (между Израилем и Ираном), но и ядерные конфликты (например, «веерный» ядерный ответ Израиля на любую ядерную атаку).

В результате начнется скачкообразный рост цен на нефть и другие энергоносители. При этом некоторые американские аналитики тешат себя иллюзиями, что имеющиеся у США возможности самообеспечения энергоносителями позволят стране «переждать бурю» и, подорвав экономики главных дефицитных по энергосырью конкурентов, обеспечат Америке «фору в Большой игре». Однако нет сомнений, что такого рода мировые трансформации необратимым образом разрушат как мировую экономику (включая глобальные финансы и глобальную торговлю), так и мировую политическую систему во главе с ООН.

Прогнозировать в этих условиях поведение зависимых от нефти держав достаточно трудно. Высоковероятно, что державы перейдут от экономических действий к действиям политическим и военным. Например, к обеспечению военного контроля над нефтегазоносными территориями и маршрутами транзита энергоносителей. К числу которых относятся не только Ближний Восток, Магриб, Средняя Азия, но и Россия.

К 2017–2019 гг. управляемый хаос превратится в хаос неуправляемый. Радикализация политической жизни, вызванная ростом экономических проблем и взаимных притязаний, может породить не только локальные, но и крупные ядерные конфликты.

Если даже этого удастся избежать ценой распада многих небольших и нескольких крупнейших государств в разных регионах планеты, включая Большой Дальний Восток и Россию, мир окажется лишенным тех гуманистических основ, которые обеспечивали его устойчивость на протяжении тысячелетий.

Обсуждение этой мрачной перспективы и того, какие позиции займут отдельные народы в случае, если она осуществится, – аморально и контрпродуктивно. Наша задача состоит в том, чтобы предотвратить эту перспективу.

Глава 12. Рекомендации

Сейчас можно говорить только о начальной стадии развития той тенденции, которая описана в данном сценарии и прогнозе. Сформированы лишь некоторые предпосылки, динамика носит неустойчивый характер, процессы находятся в начальной фазе развертывания. Их (пока!) можно купировать или канализировать в другом, не столь угрожающем, направлении.

Однако отсутствует главное – сама готовность обсуждать наиболее негативные возможности, заложенные в описанные тенденции. А без такого обсуждения нельзя включить механизмы, эти тенденции подавляющие и переламывающие.

В теории рисков есть правило, согласно которому риск является произведением вероятности определенного процесса на его опасность. Пусть даже вероятность описанного развертывания событий невелика. Если она не равна нулю (а многое говорит о том, что она не равна нулю), то опасность слишком велика для того, чтобы считать риск пренебрежимо малым. И потому стратегическая задача состоит не только и не столько в анализе процессов, способных привести к описанным прискорбным результатам, сколько в мобилизации усилий на адекватный вызову стратегический международный ответ.

Следует помнить, что для предотвращения опаснейших мировых политических катаклизмов часто требовались достаточно небольшие усилия. Однако эти усилия не были в нужный момент осуществлены.

Нельзя, чтобы мир вновь пережил нечто подобное.

Если выдвигаемая нами гипотеза, при всей ее нетипичности, справедлива, то возникает естественный вопрос: что делать? Ведь если нет ответа на этот вопрос, то рассмотрение подобных крайних гипотез представляет собой «глас вопиющего в пустыне», и не более того. Меньше всего нам бы хотелось выступать в этой роли. Поэтому мы предлагаем вполне конкретную программу действий, состоящую из нескольких пунктов.

1. Предлагаемые нами соображения – не более чем эскиз. Каждый штрих в этом эскизе надо детализировать и проверять, проверять и детализировать. Необходима огромная коллективная работа для того, чтобы либо подтвердить (и, разумеется, скорректировать) нашу гипотезу, либо отвергнуть ее. Предположим, что гипотеза подтвердится. Что тогда?

2. Тогда надо сделать все возможное для того, чтобы превратившаяся в гипотезу модель была широко обсуждена во всем мире. Эту модель нельзя превращать в эзотерическое тайное знание. Она должна быть предъявлена максимально широким слоям общества, изложена на доступном, внятном идеологическом языке, превращена в повестку дня, содержащую в себе как совокупность вызовов и угроз, так и совокупность ответов.

3. Вокруг такой идеологии может начаться объединительный процесс. Есть много социальных субъектов самого разного рода – государственных и негосударственных, – для которых подобное развитие процесса несовместимо с фундаментальными интересами как идеального, так и прагматического характера. Пока угроза (или угрозы, вызовы и так далее) не доказана и не проработана, не предъявлена обществу и не оформлена мировоззренчески до конца, нет никакой возможности политического объединения, создания широкого международного фронта сил.

На этом этапе мировоззрение (угроза, идеология ответа и т.д.) превращается в политику. Создается широкий фронт общественных сил.

4. Наличие общественных сил и союза интеллектуалов, способных доказательно говорить о данной угрозе, – вот то, что должно быть предъявлено государственным и иным силам в качестве пред-

мета для рассмотрения. Это предъявление не должно иметь ничего общего с экстремизмом, радикализмом. Оно должно быть максимально мягким, дружественным, ориентированным на интеграцию в определенный блок сил и идей всех тех, кому это представляется важным и необходимым.

5. В результате может сформироваться союз государств, способный предотвратить скатывание процесса в рассмотренное нами опаснейшее русло. Что может быть сделано как за счет торможения опасных тенденций, так и за счет предъявления обществу альтернативных тенденций.

6. Союз государств – это важный, но не конечный этап. На наших глазах, к нашему глубокому сожалению, Организация Объединенных Наций претерпевает те метаморфозы, которые претерпевала ее предшественница – Лига наций – перед Второй мировой войной. Для того чтобы не допустить наихудшего, надо успеть либо укрепить ООН, либо создать весьма масштабные альтернативные международные организации. Обратим внимание на то, что эти организации уже создаются де-факто. И что отсутствие конструктивных альтернатив может сделать ООН жертвой альтернатив деструктивных.

7. Предлагаемые инструменты – не панацея и не самоцель. Это средства глобального противодействия глобальным тенденциям. Любая идеология – а тут речь идет о новой международной идеологии – создается для того, чтобы объединить определенные силы. Объединяются же силы для того, чтобы управлять процессами – выводить эти процессы из опасного русла и вводить их в русло, отвечающее интересам всего человечества – постольку, поскольку человечество не утратило волю к развитию и приверженность к высочайшим гуманистическим идеалам.

ЧАСТЬ II. РЕАЛЬНОСТЬ, ИЛИ КТО И КАК ВМЕШИВАЕТСЯ В НАМЕРЕНИЯ ПРОЕКТАНТОВ

Глава 1. Основные противоречия и конфликты, определяющие специфику «исламских революций»

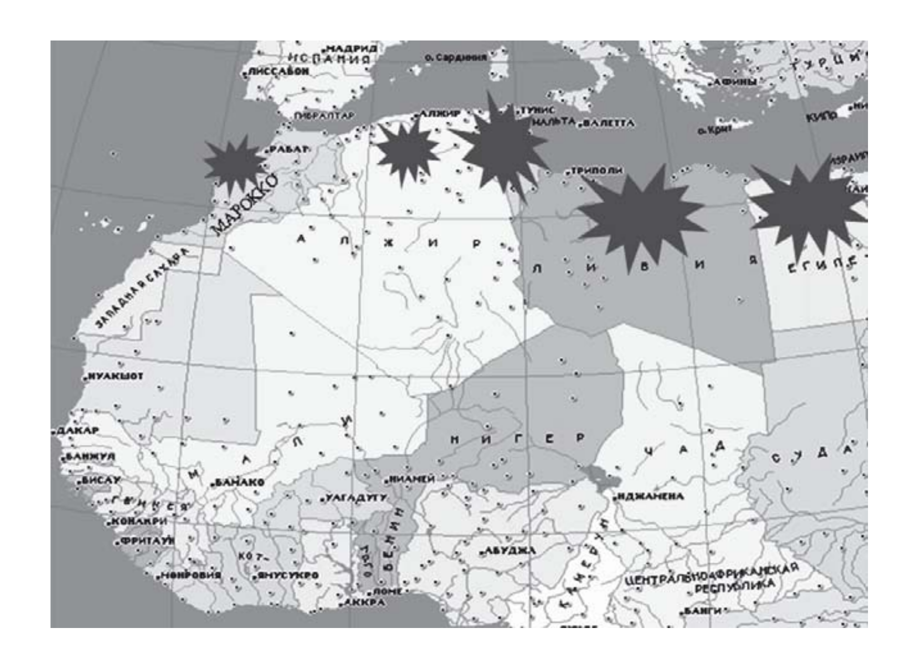
Итак, содержание нынешней волны «исламских революций» никоим образом не сводится к примитивной дихотомии: либо взрыв социально-экономического негодования угнетенного диктаторами населения, либо происки «злых сил Запада», возжелавших нефти, власти и т.п. Речь идет о проекте глобальной трансформации мироустройства.

Однако, как давно сказано, «дьявол кроется в деталях». И потому при обсуждении нашей темы нельзя обойтись без хотя бы беглого и пунктирного анализа этих самых деталей – конкретных и специфических для каждой страны.

Ливия

Этнополитические «линии разлома»

Население страны преимущественно арабское, но до 8% считают себя берберами и до 3% – туарегами. При этом и арабы, и берберы, и туареги до сих пор очень прочно вписаны в родоплеменную структуру общества (в стране более 140 племен, и в каждом, как правило, несколько родовых кланов). Верность роду и племени и в Средние века, и сейчас в стране стоит выше (за исключением узкой модернизированной элитной прослойки), чем верность любым правителям – султану, халифу, королю, президенту, лидеру нации и т.д.

Вплоть до предоставления стране независимости (1951 год) племена в Ливии были фактически автономными политическими, военными и экономическими единицами с закрепленной за каждым условной собственной территорией («ватан»). Большинство населения всегда вело (и в значительной мере ведет до сих пор) кочевой «бедуинский» образ жизни. Происходившая (в основном уже при Каддафи) урбанизация ослабила, но не отменила систему кланово-племенной идентификации[147].

Основная религия – ислам в специфической форме суфийского ордена сенусийя, основанного в 1837 году в Мекке Мухаммедом Али ас-Сенусси (из арабского рода, идущего от пророка Мухаммеда по линии его дочери Фатимы) и «скрестившего» суфизм и ваххабизм в новом ордене со следующими целями:

– возрождение чистой веры и практики ислама в соответствии с учением Пророка;

– объединение всех суфийских тарикатов в единый орден;

– пропаганда ислама на периферии арабского мира.

Первый сенуситский религиозный центр (**завия**) в Ливии был создан в 1843 году в Эль-Бейде (Киренаика) и в дальнейшем играл

решающую роль в объединении постоянно враждующих ливийских племен. В каждом племени создавалась своя завия и через пиров сенусийи приводила племена под общий «конфессиональный зонтик». Вскоре сенусизм стал единым теократическим знаменем борьбы за независимость Ливии и от турок, и от итальянцев. Первым королем Федеративного королевства Киренаики, Триполитании и Феццана (нынешней Ливии, которая стала унитарным государством только в 1963 г.) после получения независимости стал религиозный и военно-политический лидер сенусийи и эмир Киренаики Идрис ас-Сенусси (правнук основателя ордена из племени Хараби), который оперся на элиту ведущих племенных кланов Киренаики[148].

После того, как в конце 50-х годов XX века в Ливии была найдена «большая нефть», властное доминирование Киренаики привело к быстрому ухудшению отношений короля Идриса I с шейхами и даже пирами большинства племен, и особенно с племенами Триполитании и Феццана, которые были обделены нефтяными доходами. Именно этот фактор, наряду с недовольством присутствующими в Ливии военными базами США и Великобритании, определил широкую элитную и социальную базу произошедшего в 1969 г. военного переворота Каддафи.

Каддафи, с одной стороны, жестко подавил сопротивление сенуситской верхушки (преимущественно из племени Хараби), а также близких к королю Идрису элитных кланов племен Варфалла, Обейдат, Магарха и др. С другой стороны, он, будучи выходцем из сравнительно слабого племени Каддафа, должен был для удержания и стабилизации власти опереться как на элиту ведущих племен, так и на сенуситских пиров. Основным инструментом его политики стали относительно справедливый раздел нефтяных доходов между племенами, а также попытки «торпедировать» родоплеменную структуру общества идеями национального единства и панарабизма. Политическим курсом Каддафи стал специфический «уравнительный» социализм, экономически базирующийся на рентных нефтяных доходах, плюс система законодательства, построенная на нормах шариата.

На первых порах Каддафи также пытался породниться (что для бедуинского общества практически эквивалентно «помириться») с сенуситами. Его первая жена Фатхия Халед, от брака с которой родился сын Мухаммед, была из рода ас-Сенусси. Но этот брак вскоре

распался, и второй женой Каддафи стала Сафия Фаркаш из крупного племени Обейдат. Кроме того, Каддафи быстро инкорпорировал во власть большие группы выходцев из элиты наиболее влиятельных ливийских племен, включая племена Киренаики.

Однако уже в первой половине 70-х годов в Ливии начались межплеменная резня и восстания, подогреваемые шейхами племен и сенуситскими завиями. Каддафи жестоко подавил восстания, конфисковал у племени Хараби часть его земель и раздал другим племенам[149]. Большинство сенуситской верхушки Хараби, а также часть элиты других племен, участвовавшей в восстаниях, бежали из страны (в Лондон, Египет, Париж и др.).

Именно после этого Каддафи начал писать свою «Зеленую книгу», проповедующую «третий путь» между капитализмом и социализмом как систему прямого народовластия (Джамахирии), а также фундаментально трансформировать всю систему власти. При провозглашении в 1977 году Ливии Джамахирией вместо Министерства обороны и Генштаба создали Главное командование, а армию разделили на «войска отпора» и «войска охраны». Одновременно ввели всеобщую воинскую повинность, разрешили брать на военную службу женщин, а также создали войска Местной народной обороны, в которые вошла очень большая часть населения страны.

Структура политической власти оказалась представлена системой выбираемых прямым голосованием народных конгрессов, а также народных и революционных комитетов. Сам Каддафи освободил себя от всех официальных должностей, оставив за собой в неофициальном порядке должности «лидера революции» и верховного главнокомандующего.

В условиях родоплеменного общества такая структура власти могла удерживаться только в отсутствие сильного низового протеста. Это Каддафи обеспечил достаточно справедливым распределением доходов от национализированной нефтяной промышленности, активы которой были сосредоточены в Национальной нефтяной корпорации, а также созданием (почти по кальке Норвегии) крупных фондов зарубежных инвестиций, которые давали прибыль от нефтяных сверхдоходов за счет капиталовложений в нескольких десятках развитых и развивающихся стран мира.

В результате в Ливии самый высокий в Африке уровень Индекса человеческого развития, бесплатное образование и здраво-

охранение, отсутствует безработица, полная грамотность и одна из самых больших в Африке продолжительность жизни[150]. Кроме того, Каддафи сумел решить исключительно важную для этого региона Африки проблему обеспечения основных населенных пунктов страны пресной водой, затратив более $25 млрд. бюджетных средств на систему добычи воды из гигантской подземной пресноводной линзы под Сахарой и ее транспортировки к районам потребления по подземным трубопроводам общей протяженностью около 4000 км.

При этом часть племенной верхушки никогда не смирялась с лидерством Каддафи – бедуина из далеко не самого влиятельного племени. За время его правления было несколько попыток госпереворотов и десятки покушений, с инициаторами и виновниками которых Каддафи жестоко расправлялся. Именно эта показательная жестокость (а также то, что М.Каддафи через жену и детей породнился с верхушкой большинства наиболее влиятельных племен и вывел представителей этих племен на высшие уровни власти) обеспечила, в условиях родоплеменной специфики ливийского общества, признание Каддафи реальным «лидером нации».

Другой крупной проблемой Каддафи все эти годы была радикальная исламская оппозиция, которая имела наиболее сильное влияние в прибрежной зоне Киренаики вблизи Египта (регион Барка), в том числе на бывших сенуситских землях племени Хараби (зона Бенгази – Тобрук).

Так, 16 марта 2011 г. сайт WikiLeaks обнародовал телеграммы посольства США в Триполи, датированные 2008 г. В них сообщалось, что регион Бенгази – одна из основных идеологических и политических баз «Аль-Каиды», а также один из главных регионов «мирового экспорта» шахидов и джихадистов[151].

А 25 марта пресса США опубликовала выдержки из аналитического доклада американской военной академии «Вест Пойнт», составленного в 2007 г. на основе захваченных в Ираке личных данных 600 джихадистов[152]. Оказалось, что из них 41% – из Саудовской Аравии, а на втором месте – ливийский регион Бенгази–Дерна–Тобрук – «сердце» нынешнего восстания против Каддафи. Причем из крохотной Дерны в Ирак прибыли 52 моджахеда, а из огромного Эр-Рияда – 51. Доклад «Вест Пойнта» подчеркивает, что «*Бенгази и Дерна были центром крупнейшего исламистского восстания против Каддафи в середине 90-х годов*» и что они *«явля-*

ются опорной базой Ливийской Исламской Боевой Группы (LIFG), которая в 2007 году официально слилась с Аль-Каидой». В связи с этим нужно отметить, что уже 19 февраля 2011 г. пресса сообщила о создании в этой же зоне Киренаики, в Дерна и Эль-Байда, «исламских эмиратов». Причем в Дерна эмират был учрежден бывшим заключенным Гуантанамо Абделькаримом аль-Хасади, и уже 24 февраля «Аль-Каида» объявила о поддержке оппозиции в Ливии и пообещала *«сделать все возможное для оказания ей помощи»*.

LIFG (она же «Аль-Джамаа аль-Исламия аль-Мукатиля», она же ДИМ, «Ливийский джамаат»), созданная в 1995 г., объявила своей целью свергнуть Каддафи и учредить в Ливии исламское государство и провела в стране ряд крупных терактов. В 1996 г. в горных районах Ливии против ДИМ была проведена войсковая операция, в которой были задействованы до 10 тыс. военных. Моджахеды ДИМ создали инфраструктуру в различных европейских и арабских странах, а также наладили связи с исламскими радикалами других стран Магриба. Во время гражданской войны в Алжире ДИМ тесно сотрудничала с «Салафитской группой проповеди и джихада» (она же – «Аль-Каида в странах Магриба»). В 2001 г. моджахеды ДИМ принимали активное участие в боевых действиях в Афганистане, причем духовный лидер ДИМ ас-Саади получил от главы движения «Талибан» муллы Омара титул «шейха арабов в Афганистане»[153].

В Ливии ДИМ все эти годы создавала «спящие ячейки». Осознавая исходящую от ДИМ угрозу, власти начали с ней переговоры (ответственным стал старший сын Каддафи Саиф аль-Ислам). За отказ от боевых действий власти гарантировали свободу активистам организации. В сентябре 2009 г. ДИМ опубликовала 417-страничный документ с критикой идеологии «Аль-Каиды» и изложением причин отказа от борьбы с режимом Каддафи. При этом, начиная с 2006 г., из тюрем были выпущены около 300 ранее арестованных членов ДИМ. Эксперты указывают, что в новой политической ситуации они были вполне способны реанимировать свое «спящее подполье».

«Братья-мусульмане» (БМ) до последнего времени в Ливии были малоактивны. В середине марта мировые СМИ сообщили, что Египет (акторы операций при этом не были названы) поставляет оружие ливийским мятежникам в обход эмбарго ООН[154]. Однако военные источники указывают, что именно БМ с первых дней

«новой ливийской революции» обеспечивали переправку в Киренаику из Египта оружия и добровольцев. Наконец, нельзя не отметить, что вернувшийся в конце февраля в Египет после полувекового изгнания духовный лидер «Братьев-мусульман» Юсеф аль-Карадави незамедлительно призвал убить Каддафи *«за жестокую расправу над демонстрантами»*[155].

Эксперты сообщают, что одним из основных «внешних» организаторов нынешнего «восстания» в Ливии стала созданная в июне 2005 года в Лондоне «Национальная конференция за ливийскую оппозицию», состоящая из нескольких групп изгнанных членов королевской семьи, племенных лидеров и бывших функционеров ливийской власти. Наиболее влиятельные из этих групп – «Братья-мусульмане», а также «Ливийский конституционный союз» во главе с наследным принцем Мухаммедом ас-Сенусси, племянником свергнутого в 1969 г. короля Идриса[156]. Именно указанная лондонская оппозиция вела «подготовительные переговоры» о мятеже с лидерами ливийских племенных кланов, и именно она ввезла в Ливию огромное количество знамен монархии короля Идриса (черно-красно-зеленых с белыми полумесяцем и звездой), под которыми сейчас выступают «восставшие». И не случайно сегодняшний «официальный» лидер этой оппозиции – дезертировавший из лагеря Каддафи его бывший министр юстиции Мустафа Абдель Джалиль – выходец из опорного сенуситского племени Хараби.

Таким образом, основным политическим ресурсом нынешнего восстания против Каддафи стали, во-первых, радикальная исламская оппозиция, объединившаяся с наследниками сенуситской династии, и, во-вторых, часть шейхов и пиров племенной элиты, рассчитывающих в ходе перераспределения власти получить более существенную долю национального «нефтеэкспортного пирога». Пообещав кусок этого пирога своим «низовым» племенным массам и обеспечив разграбление региональных складов оружия, созданных Каддафи для войск Местной народной обороны, клановая элита получила «вооруженный народ», вставший на борьбу с центральной властью.

Однако, как сообщают СМИ, значительная часть наиболее мощного оружия из разграбленных складов к «восставшим» не попала. Она была тут же изъята (украдена или куплена у лидеров восстания) группами радикальных исламистов и в больших количествах отправлена через южные границы Ливии в труднодоступ-

ные районы Сахеля (Чад и Мали), где располагаются региональные базы «Аль-Каиды» и ряда других исламистских организаций[157]. Причем некоторые эксперты не исключают, что «Аль-Каида» могла получить из разграбленных складов в восточной и южной части Ливии не только тяжелое вооружение и средства ПВО (что уже зафиксировано разведками соседних государств), но и имевшиеся у режима Каддафи компоненты химического оружия.

Внешние линии разлома

Каддафи, совершив свою «социалистическую революцию Джамахирии», восстановил против себя ***большинство монархий Персидского залива***:

– он сверг монархию, о чем короли и эмиры Залива всегда помнят;

– он установил светский режим «исламского социализма» и показал всему арабскому Востоку, что этот строй в условиях крупной сырьевой ренты обеспечивает для широких народных масс гораздо более высокий уровень и качество жизни, чем тот, какой они имеют у себя на родине;

– с позиций этих достижений он не только призывал другие арабские (и вообще исламские) народы совершать революции и жить по его «Зеленой книге», но и активно вмешивался в их внутреннюю политику, а также наращивал влияние в Лиге арабских государств и Организации Исламская Конференция;

– он фактически вытеснил Саудовский королевский дом с его позиций во многих регионах Африки, заменив его своим влиянием как непосредственно, так и через созданный активными усилиями Каддафи Африканский союз.

У ряда западных лидеров есть к Каддафи давние «исторические счеты».

США и Великобритания помнят решительное изгнание из Ливии после «революции Каддафи» своих военных баз, а также национализацию своих нефтяных активов.

Франция много лет сталкивалась с Каддафи за влияние во франкофонной Африке, причем временами (как в Чаде) эти столкновения доходили до прямых вооруженных конфликтов.

Италия всегда боялась неожиданных поворотов в политике Каддафи, который мог в любой момент «залить» страну потоком нелегальных мигрантов из Африки.

Не последнюю роль в неприязни Запада к Каддафи играли и последствия его политики «экспорта революций», в ходе которой он поддерживал антивластные движения по всему миру, а также способствовал выезду в «горячие точки» (подальше от Ливии) своих радикальных исламистских противников. И хотя роль самого Каддафи или его спецслужб в теракте в Берлине, а также взрывах американского и французского самолетов никогда не была безусловно доказана, именно перечисленные обстоятельства стали основными мотивами для введения в 1992 году против Ливии, как «главного спонсора глобального терроризма», санкций ООН.

Для стран Запада, и прежде всего США, Каддафи был неприемлем как по той причине, что показывал всему миру пример успешного «арабского социализма», так и потому, что проявлял предельную экономическую и политическую независимость. У Ливии не было внешних долгов, не было слоя крупных властных олигархов, на которых возможно влиять угрозой конфискации их счетов в западных банках (замороженные на Западе якобы «активы семьи Каддафи» – в действительности в основном активы государственной Национальной нефтяной корпорации и государственных Инвестиционных фондов).

Смягчение политики Каддафи, его признание ответственности (но не вины) Ливии за упомянутые выше теракты, а также выплата компенсаций их жертвам были важным поводом, но не главной причиной снятия с Ливии международных санкций в 2004 г. Как сообщают эксперты, одним из условий снятия санкций было требование со стороны США и стран ЕС обеспечить широкий допуск в Ливию международных нефтяных компаний. Именно по этой причине в июне 2003 года на общенародном съезде Каддафи объявил о новом курсе страны на «народный капитализм» и о начале приватизации нефтегазовой промышленности. И тогда же Каддафи подписал с Италией договор о совместном контроле за нелегальной иммиграцией.

Начиная с 2005 г., в Ливию вернулись работать (в основном на условиях Соглашений о разделе продукции) около 40 зарубежных нефтяных компаний. Объем «нефтяной ренты» (которая ранее почти полностью аккумулировалась в национальном бюджете и инвестиционных госфондах) в результате начал падать. И в 2009 г., почувствовав риск обвала доходов в ходе кризиса и снижения цен на нефть, Каддафи заявил о нежелании приватизировать Нацио-

нальную нефтяную корпорацию (на что очень рассчитывали, прежде всего, нефтяные компании из Франции, Италии и США). А далее Каддафи сказал, что соглашения с иностранными компаниями о «равном» разделе добытой ими в Ливии нефти – несправедливость по отношению к ливийскому народу и что будет правильно сократить долю таких компаний до 10–15%.

Ливия обладает самыми большими в Африке подтвержденными запасами нефти (до 50 млрд. барр.), а оценки ее нефтяных резервов (причем пока что разведано не более 30% территории страны) составляют порядка 100 млрд. барр. на суше и примерно столько же на шельфе. И потому эти решения Каддафи стали очень болезненными ударами по интересам зарубежных нефтедобывающих «грандов». Особенно с учетом того обстоятельства, что основная часть ливийской нефти – наиболее ценная, легкая низкосернистая, требующая минимальных затрат на переработку.

Кроме того, в последнее время нарастающую активность в получении контрактов на ливийские нефтяные месторождения, а также в участии в других ливийских инфраструктурных и промышленных проектах проявляет КНР. В частности, ряд перспективных нефтяных объектов в стране получила в разведку и разработку крупнейшая китайская нефтяная госкорпорация CNPC. В Ливии до начала нынешней войны работало более 30 тыс. китайских специалистов и рабочих (после начала войны они почти все были эвакуированы из страны). И это ливийское «китайское» обстоятельство – на фоне все более высокой активности китайского бизнеса в Африке в целом – осведомленные эксперты считают одним из важнейших мотивов организации странами Запада войны против Каддафи[158].

Совокупности перечисленных «внешних» и внутренних мотивов оказалось достаточно для того, чтобы Каддафи, которого еще полгода назад с большим почетом принимали в ведущих странах мира, «вдруг» оказался страшным диктатором, которого необходимо немедленно свергнуть.

Несмотря на то, что Каддафи неоднократно призывал ООН прислать в Ливию международную комиссию, способную разобраться в ситуации и определить правомочность действий правительства против начавшегося в Киренаике мятежа, такая комиссия не прибыла. Вместо этого последовали резолюции СБ ООН №1970 и затем №1973, открывшие войну США и НАТО против

Триполи и обеспечившие прямую и косвенную поддержку мятежников, включая наземные действия, а также поставки оружия[159]. Это стало возможно благодаря тому, что резолюция №1973 содержала беспрецедентно размытую формулировку даваемого ООН мандата о допустимости «для защиты мирных граждан» применения ЛЮБЫХ МЕР, за исключением военной оккупации. То есть давала возможность (беспрецедентную для документов ООН) широчайших «интерпретаций» содержания мандата.

Уже вскоре после начала войны против Каддафи глава Пентагона Роберт Гейтс и председатель Объединенного комитета начальников штабов ВС США Майкл Маллен на заседании комитета по делам ВС Сената признали, что после ухода Каддафи в Ливии обязательно развернется борьба за власть, причем Гейтс призвал *«не преувеличивать способность американцев влиять на политический исход событий в Ливии»* после свержения Каддафи[160].

Тем не менее авиация и крылатые ракеты коалиции быстро уничтожили авиацию Каддафи, а затем (поскольку теперь часть мандата, касающаяся «обеспечения бесполетной зоны», оказалась выполненной) занялись уничтожением бронетехники и наземных войск Каддафи, а также попытками убить его самого путем бомбардировки тех мест, где он мог в данный момент находиться. При этом использовались, в том числе, ударные самолеты АС-130, которые предназначены исключительно для истребления живой силы противника в условиях полного отсутствия у него средств ПВО[161].

Однако довольно быстро выяснилось, что единственные боеспособные части, которые имеются у мятежников, – это около тысячи исламских боевиков, прошедших школу войн в Афганистане, Боснии, Ираке и других горячих точках. И что остальные просто не умеют не то что организованно воевать, но даже правильно обращаться с доставшимся из разграбленных складов оружием[162]. В результате войска Каддафи неизменно и быстро наступают в моменты, когда в воздухе нет авиации НАТО, и откатываются назад, когда эта авиация наносит удары по войскам Триполи. Причем авиация НАТО уже неоднократно «по ошибке» наносила ракетные и бомбовые удары по танковым колоннам и соединениям мятежников[163].

Когда войска Триполи пересели с танков на джипы с пулеметами, неотличимые от таких же джипов мятежников Бенгази, военная ситуация в Ливии зашла в тупик, что уже в конце марта – начале апреля откровенно признали командующие силами коалиции[164].

После этого основные механизмы воздействия «мирового сообщества» на Каддафи существенно изменились. Катар – в нарушение торгового и военного эмбарго, установленного против Ливии резолюцией СБ ООН №1970, – начал продавать на мировом рынке от имени мятежников ливийскую нефть[165], а также поставлять Бенгази наиболее современное (в том числе французское) оружие[166]. США, Великобритания и Франция увеличили контингенты своих спецслужб в войсках мятежников. Теперь «спецы» из этих стран не только наводят на цели Каддафи ракеты и самолеты коалиции, но и снабжают Бенгази средствами связи и управления боем, а также спешно обучают солдат мятежников современным методам ведения войны[167].

Но главное – резко усилилась дезинформационная война против правительства в Триполи и лично Каддафи.

Эта ложь началась еще до войны с заявлений о том, что Лига арабских государств (ЛАГ) в полном составе решительно потребовала от ООН вмешаться в ситуацию в Ливии. На деле из 22 стран ЛАГ на заседании присутствовало только 11, и сначала предложение обратиться в ООН поддерживали лишь 7 членов ЛАГ (6 монархий Залива и Египет в лице нынешнего главы ЛАГ Амра Мусы). После дебатов сторонников резолюции стало 9, но две страны – Алжир и Сирия – все-таки голосовали против обращения в ООН[168].

Затем «мировые СМИ» сообщили, что основной «ударной силой» войск Каддафи, осуществляющей геноцид ливийского народа, являются зарубежные наемники из так называемого «Панафриканского исламского легиона». Однако правозащитная организация Human Rights Watch, которая никогда не симпатизировала Каддафи, признала, что у ее активистов в Ливии нет данных об участии бойцов легиона в репрессиях и подавлении массовых выступлений в ливийских городах[169].

А далее мировые СМИ начали наперебой цитировать фальшивки «Аль-Джазиры» о десятках тысяч мирных жителей, убитых войсками Каддафи, а также о готовности чуть не всего окружения Каддафи предать его и перейти на сторону мятежников[170]. На саммитах спешно созданной «контактной группы по Ливии», где тон задает Катар, непременным и главным условием установления мира в Ливии было объявлено немедленное и безоговорочное отстранение от власти самого Каддафи, а также членов его семьи и ближайших соратников[171].

Апофеозом этой кампании стали два события. 15 апреля глава Минобороны Франции Жерар Лонге заявил, что его страна, США и Великобритания намерены выйти за пределы мандата резолюции №1973 СБ ООН[172]. И в этот же день все ведущие мировые СМИ распространили совместное заявление Б.Обамы, Н.Саркози и Д.Камерона, в котором в качестве оправдания необходимости эскалации войны коалиции в Ливии повторяется миф о том, что Каддафи – убийца, который начал и ведет войну против собственных мирных граждан, и что спешка коалиции была вызвана «гуманитарными целями» – необходимостью немедленно остановить диктатора[173].

Правда, незадолго до этого обращения Абдель Фаттах Юнис, бывший глава МВД у Каддафи, а ныне командующий вооруженными силами мятежников, подпортил благородное реноме «повстанцев». Юнис возмутился отказом сил НАТО бомбить Мисурату, поскольку там есть мирные жители, и заявил, что *«там, где есть войска Каддафи, мирных жителей нет»*[174].

А затем упомянутое обращение трех лидеров стран, развязавших войну против Каддафи, оказалось дезавуировано публикацией отчета миссии Human Rights Watch о расследовании ситуации с гибелью мирных жителей в результате действий войск Каддафи в Мисурате (о многих тысячах таких жертв каждый день твердили со слов «представителей повстанцев» мировые СМИ)[175]. Выяснилось, что миссия Human Rights Watch насчитала в Мисурате за два месяца войны 257 убитых и 949 раненых, причем среди раненых оказалось 22 женщины. Совершенно очевидно, что в случае бомбардировок мирных жителей среди раненых было бы много детей и примерно поровну женщин и мужчин.

Однако, что опять-таки знаменательно и доказывает наличие скоординированной дезинформационной кампании против ливийской власти, ни сам отчет Human Rights Watch, ни публикация данных этого отчета в Boston Globe в широкую прессу и на телевидение не попали. Мировые СМИ в последующие дни столь же усердно повторяли «сообщения ливийской оппозиции» о новых сотнях и тысячах жертв Каддафи среди мирного населения.

18 апреля представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Кэтрин Эштон сообщила, что страны ЕС согласовали вопрос об отправке сухопутных войск в Ливию для охраны гуманитарных конвоев, *«если об этом попросит ООН»*. И подчерк-

нула, что эти войска не будут участвовать в боевых действиях и, таким образом, не нарушат резолюцию СБ ООН[176].

С 19 апреля самолеты коалиции «в целях защиты мирных жителей» начали наносить ракетно-бомбовые удары по центральным районам Триполи и другим городам, находящимся под контролем Каддафи[177].

21 апреля Б.Обама санкционировал использование в операции против Каддафи беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) с ракетным вооружением[178].

22 апреля в Бенгази прибыл сенатор США Джон Маккейн. Он призвал США и другие страны мира немедленно признать «Переходный национальный совет» повстанцев единственной законной властью в Ливии и передать ему все замороженные активы правительства Ливии, усилить авиаудары по Каддафи, а также активизировать обучение повстанцев и поставки им оружия[179] . В этот же день администрация Саркози сообщила о намерении разморозить «активы Каддафи» и начать из них финансировать ливийскую оппозицию[180] . И в этот же день войска Каддафи покинули Мисурату, причем Каддафи предложил представителям местных племен самостоятельно вести с мятежниками переговоры о сдаче либо самим с ними воевать[181].

23 апреля бои в Мисурате возобновились, авиация НАТО бомбила центральные районы и пригороды Триполи, а 24 апреля нанесла самые мощные за все время с начала войны ракетно-бомбовые удары по административному комплексу правительства Ливии в центре Триполи, Баб аль-Азизия. Как сообщают находящиеся в Триполи журналисты, одно из зданий комплекса разрушено, другие сильно повреждены. Ранены более 45 человек, 15 из них – тяжело, на час прекратили вещание все три государственных телеканала[182]. И в этот же день итальянская La Stampa сообщила, что Рим еще несколько недель назад направил в Ливию на помощь мятежникам Бенгази группы спецназа[183].

30 апреля и «временное правительство в Бенгази», и руководство НАТО отвергли очередное предложение Каддафи начать переговоры о перемирии без предварительных условий[184], после чего и обстрелы военными силами Каддафи Мисураты и позиций мятежников на Западе Ливии, и бомбардировки НАТО сил Каддафи и контролируемых его правительством городов продолжились.

В ночь с 30 апреля на 1 мая в результате бомбового удара НАТО по одной из резиденций Муаммара Каддафи в Триполи были убиты его 29-летний сын Сейф аль Араб, а также трое малолетних внуков Каддафи: двухлетняя Карфагена – дочь Ганнибала Каддафи, пятилетняя Мацура – дочь дочери полковника Каддафи Аиши, 15-месячный Сейф Мухаммед – сын Мухаммеда Каддафи, а также несколько друзей и соседей. Сообщается, что сам Муаммар Каддафи и его жена, находившиеся в этой же резиденции, не пострадали[185]. Представители НАТО при этом заявили, что целью их атаки был не ливийский лидер или его семья, а «военные объекты».

На подконтрольных Каддафи территориях Ливии прошли массовые манифестации с призывами отомстить за смерть сына и внуков ливийского лидера. В Триполи были разгромлены (давно закрытые) посольства США, Великобритании и Италии. Причем замминистра внутренних дел Ливии Халед Каим тут же принес извинения за это нарушение дипломатических норм, сообщив, что полицейским не удалось справиться с толпой, возмущенной авианалетом НАТО и гибелью родных ливийского лидера, и заявил, что ливийское руководство оценит нанесенный дипломатическим миссиям ущерб и проведет ремонтно-восстановительные работы[186].

А на этом «военном» фоне развертывается скандал между странами ЕС по поводу приема и размещения беженцев из Ливии, которые нарастающим потоком плывут в Италию (в основном на Лампедузу). Дело дошло до того, что в связи с данной проблемой Франция инициировала в ЕС рассмотрение вопроса о приостановлении действия шенгенских соглашений[187]. И встретила в этом понимание и поддержку не только Италии, но и Германии и ряда других стран[188]. Пока речь идет о «временном» приостановлении в Шенгене открытых границ, однако некоторые эксперты уже говорят о том, что эта «временность» может в результате оказаться неограниченно длительной.

Основные предполагаемые последствия возможного поражения Каддафи

При любом исходе войны в Ливии перераспределение властного баланса в стране не может быть бесконфликтным. Даже если Каддафи не будет, ни племя Каддафа, ни его союзники никуда не

денутся и будут отстаивать свои позиции с оружием в руках. Кроме того, все племена страны, включая племена Киренаики, никак не готовы расстаться с теми завоеваниями «исламского социализма», который они получили при Каддафи. Любая власть, попытающаяся отнять эти завоевания, не обретет устойчивости. При этом никакой демократии, кроме внутриплеменной военно-вождеской, подавляющее большинство населения Ливии никогда не знало и не понимало.

Далее, для объединения любого общества, сохранившего родоплеменные идентификации, крайне важно наличие сильного харизматичного лидера, который уверенно доказал свое право на власть. Каддафи много лет доказывал это право и кровью врагов и соратников, и крупными экономическими и социальными результатами.

У оппозиции пока такого лидера явно нет; более того, подавляющее большинство членов созданного ею Переходного национального совета, как и «временного правительства», до сих пор не названо якобы «из соображений безопасности». Это означает неизбежность затяжной гражданской войны до тех пор, пока война (если это удастся) не определит такого лидера. Причем вполне вероятной оказывается ситуация, когда возникнет несколько подобных лидеров в разных регионах и ни один из них не сможет доказать свою способность интегрировать страну целиком.

Тогда Ливия обречена на государственный распад (явно не бескровный, с учетом неравномерного размещения месторождений нефти, основная часть которых расположена на землях берберов) на несколько воюющих квазигосударств (модель «сомализации»). Причем внутри каждого из них будет воевать друг с другом множество конфликтующих племенных кланов. Ведущий эксперт по ближневосточным и африканским проблемам американского Совета по международным отношениям Роберт Дэнин определил эту ситуацию так: *«Хотя мало кто будет оплакивать уход со сцены Каддафи, это создаст колоссальный вакуум власти... Абсолютно неясно, что станет тем связующим звеном, которое удержит вместе эту в целом децентрализованную страну, где мало кто отождествляет себя с какой-либо национальностью и где главное значение имеет принадлежность к племени и клану»*[189].

При этом нужно учесть, что в ходе деколонизации большинство границ в этом регионе Африки проведено по линейке на картах и разделяет родственные племена и племенные союзы. Это

особенно существенно на Юге (Нигер, Чад), но имеет значение и на Юго-Востоке, и на Востоке (Судан, Египет), и на Западе (Алжир). Так, например, кланы крупного племенного объединения Загава живут и в Ливии, и в Судане, и в Чаде.

Именно поэтому Каддафи активно взаимодействовал (в том числе оказывая экономическую и военную помощь) с племенными вождями в этих странах, чтобы сохранить «племенной мир» у себя в Ливии. Именно так в Ливии появилось большинство тех, кого называют «африканскими наемниками». Они пришли к Каддафи не только потому, что ливийский лидер им достаточно щедро платит, но и по приказу своих шейхов: вернуть долг за оказанную ранее их племенам со стороны Каддафи помощь. Именно таков в основном состав Исламского панафриканского легиона – одной из главных силовых опор Каддафи.

И именно поэтому гражданская война в Ливии не может не раздуть пожар межплеменной резни в огромном регионе Африки: будут объединяться и воевать соплеменники по обе стороны условных государственных границ.

Наконец, нельзя не напомнить, что в родоплеменной Ливии радикальная исламская оппозиция является одной из наиболее мощных и организованных сил, не только прошедших школу войн в «горячих точках», но и имеющих в значительной мере «надплеменной» характер. Сейчас эта оппозиция резко набирает силу и вооружается, слившись с мятежниками[190]. В случае установления в Ливии в ходе идущей войны политического хаоса именно «Аль-Каида» и родственные ей группы могут стать единственной реальной властью. И это дает исламским радикалам достаточно высокие шансы для того, чтобы начать с Ливии восстановление Халифата.

Алжир

В 80-х годах XX века, при президенте Хуари Бумедьене и его «социалистической» сырьевой экономике, в Алжире начались серьезные экономические трудности, в основном связанные, как и в СССР, с резким снижением мировых цен на основной экспортный продукт – энергоносители.

В этот период алжирское руководство начало обращаться за экономической помощью к исламским странам Залива (прежде всего, к Саудовской Аравии), причем важными коммуникатора-

ми в переговорах о помощи стали влиятельные алжирские мусульманские деятели. Результатом стало резкое усиление в стране политически амбициозного ислама, а также исламская радикализация достаточно широких низовых масс.

Выдвинутый исламистами и прежде всего, коалицией «Исламский фронт спасения» (ИФС) лозунг создания в Алжире теократического государства на основах шариата обеспечивал им убедительную победу на первых многопартийных выборах 1991 г. Реакцией власти стала отмена результатов выборов и фактическое установление в стране режима военной диктатуры и чрезвычайного положения, после чего в Алжире началась десятилетняя гражданская война, унесшая жизни до 150 тыс. человек. Окончательная стабилизация политической ситуации в стране произошла только после повторного избрания на президентский пост в 2004 г. «гражданского» кандидата Абдельазиза Бутефлики, который объявил амнистию участникам вооруженных мятежей при условии их добровольной сдачи.

К подписанной в 2005 г. «Хартии за мир и согласие» присоединилось большинство лидеров исламских партий и организаций страны, кроме «Салафатистской группы проповеди и джихада». Ее лидер Абу Мусаб Абдель Вадуди в 2004 г. заявил о присоединении своей организации к «Аль-Каиде», после чего она получила свое второе название «Аль-Каида в странах исламского Магриба» (АКМ)[191].

Как указывает французский эксперт Клод Монике[192], сейчас АКМ в Алжире включает две взаимосвязанные группы. Первая действует на северо-востоке Алжира, и в частности в Кабилии, специализируется на терактах в отношении представителей власти и силовых структур. Вторая действует на крайнем юге Алжира, а также в Мали, Нигере и Мавритании, специализируется на финансировании деятельности первой (транзит через Сахель кокаина из Латинской Америки, а также похищения иностранцев с целью выкупа).

Военные эксперты сообщают, что АКМ в Алжире резко активизировалась в ходе нарастания в январе—марте 2011 г. акций протеста в странах Магриба. Лидер АКМ Абу-Мусаб Абдул Вадуди 13 января разместил в Интернете ролик с призывами к свержению власти в Алжире и Тунисе и созданию на их территориях государств на принципах шариата. А «южная» группа АКМ существенно увеличила свои запасы оружия и военной техники (утверждается, что за

счет разграбления военных складов в Ливии) и резко подняла цены выкупа за похищенных ею иностранцев.

Одновременно активизировались и другие запрещенные в Алжире исламские группы. Уже в момент начала протестов в Тунисе живущий в изгнании в Катаре лидер «Исламского фронта спасения» Аббас Мадани призвал алжирцев принять участие в акциях протеста. А заместитель Мадани в ИФС Али Бельхаджи попытался организовать исламскую манифестацию в столичном квартале Баб-Эль Уэд, но тут же был арестован по обвинению в «подстрекательстве к вооруженному мятежу».

Знаменательно, что в этот же момент в организацию массовых протестных выступлений против власти включились легальные оппозиционные берберские партии «Объединение за культуру и демократию» ОКД и «Движение за автономию Кабилии» ДАК (берберы в Алжире составляют около 17% населения). Эти манифестации встретили жесткий отпор власти в столице Алжира на основании «закона о чрезвычайном положении», но прошли без эксцессов в столице Кабилии Тизи-Узу[193].

12 февраля, невзирая на законодательный запрет, оппозиционное «Национальное объединение за перемены и демократию» (НОПД) провело в столице крупную (до 10 тыс. человек) манифестацию с требованиями отставки президента Бутефлики, отмены закона о чрезвычайном положении, освобождения арестованных ранее участников манифестаций, а также борьбы с коррупцией в госаппарате. Против манифестантов, по сообщениям французских СМИ, власть задействовала 28 тыс. полицейских, было арестовано около 400 человек[194].

24 февраля А.Бутефлика объявил об отмене действовавшего почти 20 лет закона о чрезвычайном положении. Однако после этого полиция несколько раз (26 февраля, 5 марта, 25 марта) жестко пресекала попытки организации в Алжире крупных протестных мероприятий оппозиции.

Как считают эксперты, риски дестабилизации политической ситуации в Алжире связаны прежде всего с тем, что Национальную народную армию (ННА), много лет бывшую главной опорой государственности (президенты Алжира Х.Бумедьен, Ш.Бенджадид, Л.Зеруаль были креатурами ННА, отставные военные занимали большинство ключевых государственных постов), при А.Бутефлике начали последовательно отстранять от реальной власти. Ло-

яльность же армейского руководства главе государства фактически во многом обеспечивается многомиллиардными бюджетными затратами правительства Бутефлики на технологическое переоснащение армии и повышение ее боеспособности. Однако при этом эксперты подчеркивают, что в рядовом, а также в командном низовом и среднем составе ННА постоянно растет влияние исламистов. И что наиболее лояльными нынешнему режиму остаются в основном полицейские части и секретные службы.

Вместе с тем протестный потенциал в Алжире после отмены закона о чрезвычайном положении не мог не возрасти.

Еще 21 января 2011 г. из оппозиционных партий и организаций был сформирован альянс «Национальная координация за изменения и демократию» (НКИД), где одну из ведущих ролей играет берберская ОКД. Причем политические позиции НКИД тут же поддержали некоторые крупнейшие представители алжирского бизнеса (в частности, Иссад Ребраб, хозяин семейного холдинга с оборотом более $2,5 млрд)[195].

Другой крупной и влиятельной оппозиционной силой вполне способен стать созданный бывшим премьером (в 1999–2000 гг.) Ахмедом Бенбитурой «Национальный альянс за изменения» (НАИ)[196]. В НАИ вошли исламские партии «Аль-Ислах» и «Движение за проповедь и изменения», «Ассоциация алжирских улемов», «Алжирская республиканская партия», «Партия алжирского обновления» и ряд профсоюзных объединений.

При этом нельзя не обратить внимания на американскую реакцию на события в Алжире. 12 февраля 2011 года Госдепартамент США в жестком официальном заявлении призвал алжирские силы безопасности к *«сдержанности в отношении манифестантов»*[197]. На это 16 февраля последовал не менее жесткий ответ партийных лидеров правящей коалиции. Генсек «Фронта национального освобождения» Абдельазиз Бельхадем заявил: *«Некоторые государства ...видят в арабских странах экспериментальную площадку для отработки моделей демократии, которые они хотят нам навязать. Эти государства используют политику двойных стандартов с тем, чтобы привести наши страны к принятию тех позиций, которые они считают демократическими»*. А генсек «Национального демократического объединения» и премьер страны Ахмед Уяхья дополнил: *«Пусть они не ждут, что мы обратим какое-либо внимание на их приказы...»*[198].

По имеющимся экспертным оценкам социальной ситуации в Алжире, большинство населения хорошо помнит ужасы недавней гражданской войны и очень опасается перерастания протестных акций в стране в вооруженное противостояние. По этой причине совокупная протестная активность вышедших сегодня на поверхность оппозиционных сил представляется явно недостаточной для того, чтобы «раскачать ситуацию» до масштабов политического взрыва или, тем более, массовой вооруженной борьбы.

В этих условиях ключевой риск Алжира – возможность снижения лояльности правящему режиму со стороны достаточно глубоко исламизированной армии. Пока, как считают эксперты, этот риск невысок. Но в ситуации возможного кризисного снижения цен на энергоносители, сокращающего военный бюджет, а также роста низовых протестов и усиления влияния исламистов на рядовой и младший-средний командный состав армии сомнительная лояльность ННА сделает потенциал полиции и спецслужб (в основной своей части прочно связанных с правящим режимом А.Бутефлики) недостаточным для удержания в стране политической стабильности.

Этот потенциал может оказаться тем более недостаточным в условиях нарастающей активности «Аль-Каиды в странах Магриба» (АКМ) в соседних Марокко и особенно Мавритании, а также в свете «недружественной» политики внешних центров влияния.

В том, что касается последней, нельзя не отметить резких заявлений президента Франции Н.Саркози о необходимости поступить с диктаторами, нарушающими права человека, так же, как с Каддафи. Эти заявления, как указывает алжирская газета «Аль-Хабар»[199], последовали за отказом Алжира голосовать в Лиге арабских государств за обращение в ООН против Каддафи, а также отказом президента Бутефлики пропустить самолеты НАТО через воздушное пространство Алжира для операций против сил Каддафи на западе Ливии. Причем после этих заявлений Саркози резко активизировались берберские партии, базирующиеся в Париже и выступающие за автономию или даже независимость Кабилии от Алжира.

Одновременно повысилась активность АКМ и родственных ей радикальных исламистских групп в прилегающих к алжирской границе районах Мали. Поскольку в результате событий в Ливии в руки отрядов АКМ в этом регионе попало большое количество тяжелого вооружения и переносные зенитно-ракетные комплек-

сы[200], в начале апреля 2011 года на юг Алжира были переброшены около 7 тыс. жандармов и 5 армейских батальонов с техникой, включая боевые вертолеты. Тем не менее вскоре в Алжире начались крупные теракты.

15 апреля в день, когда президент Бутефлика объявил о предстоящих изменениях в конституции «в целях укрепления демократии в стране» группа исламистов при нападении на блок-пост армии на дороге к востоку от столицы убила 13 военных[201]. А 17 апреля произошли еще два теракта, в результате были убиты 6 солдат и один жандарм, несколько военных были ранены[202].

При этом большинство экспертов убеждено, что в случае поражения режима Каддафи в Ливии активность АКМ и родственных ей радикальных (и очень хорошо вооруженных и обученных) исламских групп неизбежно скачком повысится не только на алжирском юге и юго-востоке, но и в берберских районах, а также в густонаселенных прибрежных регионах страны.

Тунис

Политика «государственной социал-демократии», проводимая с момента обретения Тунисом независимости от Франции в 1956 г. первым президентом Хабибом Бургибой и с 1989 г. продолженная его преемником Зин эль-Абидином Бен Али, вывела страну по уровню развития на одно из ведущих мест в Африке. Оба лидера страны успешно использовали для этого нефтегазовую ренту, а когда ее перестало хватать, правительство Бен Али не менее успешно перевело экономику на эффективное использование доходов от экспорта сельхозпродукции и текстиля, а также от развитой современной инфраструктуры международного туризма (к началу XXI в. туризм обеспечивал 50% национального бюджета).

В результате по ВВП на душу населения Тунис уступает в Африке только «нефтяным» Ливии и Алжиру, много лет обеспечивает уверенный рост ВВП на уровне более 5% в год, на социальные нужды направляется около 20% ВВП. Ниже уровня бедности (3 долл. в день) в стране живут менее 4% населения, причем разрыв в уровне потребления между богатыми и бедными в Тунисе – один из самых низких в мире[203]. На долю «среднего класса», составляющего почти 60% населения, приходится 83% национального потребления ВВП, бедные получают государственные дотации[204].

Уровень образования в стране один из самых высоких не только в Африке, но и в мире. За счет массового международного туризма страна достаточно широко открыта всем мировым веяниям, включая Интернет и стандарты западного «потребительского общества». И именно высокообразованная молодежь с высокими статусными амбициями, не желающая наниматься на низкооплачиваемые рабочие места и составляющая свыше трети зарегистрированных тунисских безработных, стала основной движущей силой начавшихся в конце декабря 2010 г. (и ставших неожиданными и для национальной власти, и для всего мира) ожесточенных протестных акций против режима Бен Али.

Более всего международных наблюдателей удивило то, что организации протестов почти с самого начала не оказывали серьезного сопротивления ни полиция, ни армия. Полиция вмешивалась лишь после того, как протестные акции переходили в острую фазу, тем самым скорее не гася, а «разогревая» протест.

12 января 2011 года акции протеста поддержало Всеобщее тунисское объединение труда, и они захлестнули столицу. Причем они были очень хорошо и профессионально организованы: одни группы молодежи строили на улицах баррикады, препятствуя подходу полиции, другие громили полицейские участки, третьи – виллы и офисы членов правящего клана Бен Али, четвертые грабили магазины. Полиция очевидным образом не справлялась с ситуацией, и 14 января глава Генштаба Тунисской народной армии Рашид Аммар потребовал от президента Бен Али, чтобы тот немедленно покинул Тунис[205]. Таким образом, выяснилось, что под аранжировку массовых протестных выступлений в Тунисе фактически произошел «дворцовый переворот».

Основной причиной отказа крупнейших элитных кланов страны и их союзников в армии и спецслужбах сохранять лояльность президенту Бен Али, как считают эксперты, стала политика президентского «семейного» клана. Если ранее в стране сохранялся относительный клановый баланс, то начиная с президентских выборов 2004 г. клан Бен Али и его супруги Лейлы Трабелси начал последовательно вытеснять из всех сфер прибыльного бизнеса другие влиятельные клановые группы. К 2010 г. клан Бен Али – Трабелси занял фактически все ключевые позиции в национальной экономике. Именно с весны–лета 2010 г. большинство политической и экономической элиты страны начало отчетливо дистанцироваться

от правящего клана. И, видимо, одной из «последних капель, переполнивших чашу», стало то обстоятельство, что сестра президента Хаят Бен Али обеспечила для своей корпорации ЕНВА монопольное право на техобслуживание самолетов и другой боевой техники армии Туниса, тем самым отобрав одну из самых крупных «кормушек» у тунисских военных.

После бегства Бен Али в Саудовскую Аравию «на лечение» обязанности временного президента страны стал исполнять бывший спикер нижней палаты парламента Фуад Мебазаа, в должность временного премьера вступил Мохамед Ганнуши. Однако передача основных рычагов власти этим функционерам правящей партии «Демократическое конституционное объединение» и недавним соратникам Бен Али не устроила ни элиту, ни протестующие «низы». Протесты и погромы (особенно частыми стали нападения на полицейские участки) продолжились и в провинции, и в столице.

В начале февраля в Тунисе распространились слухи о том, что сторонники Бен Али в МВД специально дестабилизируют обстановку в стране, после чего было полностью отправлено в отставку руководство главного управления национальной безопасности МВД и полиции. Обезглавленная полиция совсем перестала справляться с ситуацией, и протесты только ширились.

15 февраля Ф.Мебазаа объявил об отмене в стране комендантского часа, хотя продлил действие режима чрезвычайного положения. Получивший от парламента право издавать указы Ф.Мебазаа первым указом от 19 февраля объявил всеобщую амнистию, после чего из тунисских тюрем вышли на свободу почти 3 тыс. заключенных[206]. Протесты снова начали расти по масштабам и радикальности требований (ликвидация остатков клана Бен Али – Трабелси, борьба с коррупцией, немедленная ликвидация безработицы и бедности и т.д.).

20 февраля в столице прошла массовая демонстрация с требованием отставки временного правительства М.Ганнуши, 25 февраля – еще одна, крупнейшая со времени свержения Бен Али, с такими же требованиями. 26 февраля демонстрация сторонников Бен Али была разогнана полицией, а демонстрация оппозиции переросла в погромы магазинов и полицейских участков (более 20 полицейских были ранены, 5 убиты).

Для того, чтобы снизить накал протеста, власти объявили примерную дату всеобщих выборов (середина июля 2011 г.) и приня-

ли решение об аресте всего имущества Бен Али и его банковских вкладов, а также экспроприации владений 110 родственников и «близких лиц» бывшего президента. Однако 27 февраля М.Ганнуши заявил, что *«неизвестные силы пытаются сорвать в Тунисе успех революции»* и подал в отставку с поста главы правительства. Новым премьером Туниса Мебазаа назначил 84-летнего министра, соратника первого президента страны Х.Бургибы, Беджи Каида ас-Себси.

Весь этот период в стране шла непрерывная «чехарда» с назначениями и отставками министров и глав ключевых ведомств, ослабляющая дееспособность власти. В феврале во все 24 провинции Туниса были назначены новые губернаторы. Военные, в соответствии с режимом чрезвычайного положения, достаточно плотно контролировали ключевые объекты в городах и блок-посты на выезде из них, но в протесты не вмешивались. И лишь в марте протестная волна в Тунисе пошла на спад. При этом, по данным ООН, в столкновениях с полицией в ходе «жасминовой революции» только в декабре–январе были убиты 147 человек, еще около 70 погибли в ходе бунтов в тюрьмах, были ранены 510 человек.

Как сообщают эксперты, весь этот период ведущие экономические и военные кланы Туниса быстро делили «экономическое наследство» семейства Бен Али–Трабелси. А одновременно осторожно, но неуклонно поднимала голову исламская оппозиция.

После прихода к власти Бен Али в 1990–1991 гг. почти полностью разгромил исламское движение «Ан-Нахда» и несколько более мелких группировок («Исламский джихад», «Солдат Аллаха», «Партия исламского освобождения»). Однако совсем уничтожить исламистское подполье он не смог. С декабря 2003 г. по обвинениям в терроризме в стране было задержано около 2 тыс. исламских радикалов. В декабре 2006 – январе 2007 г. в Тунисе и его пригороде Солиман шли вооруженные столкновения армии с боевиками группировки «Солдаты Ассана ибн Фурата» (филиал «Аль-Каиды в странах исламского Магриба», АКМ). При этом еще две крупные тунисские исламистские организации – относительно умеренная «Ан-Нахда» (со штаб-квартирой в Лондоне) и радикальная «Тунисская сражающаяся группа» (еще один союзник «Аль-Каиды») – действовали в Европе.

30 января 2011 г. в Тунис из Лондона вернулся председатель «Ан-Нахды» Рашид Гануши, который заявил, что не собирается

баллотироваться в президенты либо входить в состав правительства, а *«сосредоточится на внедрении демократии в тунисскую политическую жизнь»*[207]. Однако нарастивший влияние генсек «Ан-Нахды» Хамади Джебили тут же объявил, что движение примет участие в будущих выборах в Палату депутатов. А в конце марта Р.Гануши сообщил, что партия подала официальные документы на регистрацию в целях участия в выборах.

Хотя в апреле никаких крупных протестных эксцессов в Тунисе не происходило, некоторые события заметно усилили социально-политическую напряженность в стране. Так, 10 апреля был арестован брат бывшего президента, Слаха Бен Али[208]. 14 апреля против бывшего президента выдвинули официальное обвинение по 18 пунктам, включая убийства и заговор против государства, он был объявлен в международный розыск[209], а 22 апреля стало известно о запрете верующим молиться на улицах, что якобы мешает дорожному движению[210]. Возмущение запретом молиться на улицах высказывалось во многих мечетях.

Дополнительным фактором обострения социально-политической ситуации является резкий рост преступности в стране после свержения правящего клана Бен Али–Трабелси. Это связывают не только с общей «революционной» социальной дестабилизацией, но и с тем, что в ходе революционных эксцессов из тюрем Туниса сбежали или были выпущены более 11 тыс. преступников. Последнее событие такого рода произошло 30 апреля, когда из тюрьмы в городе Кассерин в ходе начавшегося в нескольких камерах пожара сбежали 522 человек, а из тюрьмы города Гафса в ходе начавшейся забастовки персонала тюрьмы сбежали еще 300 человек[211]. Причем местные СМИ утверждают, что такой массовый и организованный побег не случайное совпадение и среди беглецов было немало радикальных исламистов.

Эксперты считают, что влияние исламистов в Тунисе неизбежно повысится. По данным военных аналитиков, на крайнем юге Туниса уже быстро растет активность АКМ, прежде всего в сфере наркотранзита из Нигера и Мали. Эти аналитики не исключают, что волна терактов исламистов, в последнее время участившихся в Алжире, может вскоре начать захлестывать Тунис.

Оценки прямого ущерба от протестных погромов составляют более $5 млрд. В результате разгрома и разграбления предприятий в ходе «жасминовой революции» потеряно не менее 12–15 тыс.

рабочих мест. Хотя большинство стран мира уже в марте разрешило туристическим компаниям продавать туры в Тунис, восстановления туристической индустрии не происходит. А это лишает страну не только еще одной (очень значимой) части рабочих мест, но и крупных доходов от ключевой отрасли экономики[212]. Экспроприированные активы бывшего правящего клана хотя и велики, несопоставимы с ВВП страны и не смогут поддерживать национальный бюджет сколько-нибудь долго.

В связи с этим нельзя исключить, что к выборам, которые назначены на 24 июля 2011 г., страна подойдет в состоянии резкого падения уровня жизни населения, острого разочарования результатами «жасминовой революции» и нарастающего идеологического вакуума. Что вскоре может предопределить политический выбор Туниса между «исламской демократией» и военной диктатурой.

Марокко

Королевство Марокко, получившее независимость от Франции в 1956 г., много лет характеризовалось сравнительно высокой внутриполитической стабильностью. Единственный крупный внешний конфликт – борьба Фронта ПОЛИСАРИО за возвращение аннексированных королевством в 1975 г. территорий бывшей испанской колонии Западной Сахары, – начиная с середины 80-х годов, после строительства на границе Западной Сахары так называемой «Марокканской стены», резко снизил влияние на внутриполитическую жизнь страны.

Основой стабильности Марокко стали достаточно высокие валютные поступления от внешней торговли (Марокко – крупнейший в мире экспортер фосфоритов, в широких масштабах экспортируются текстиль и продукция рыболовства) и туризма, а также социальная политика «полуконституционной» монархии, обеспечивающая сравнительно высокий для Африки уровень жизни и достаточно широкий доступ основной массы населения к медицине и образованию. При этом специалисты подчеркивали, что Марокко – одна из немногих стран, в которых почти полностью ликвидированы предпосылки для этноплеменных конфликтов между доминирующими арабами и берберами (составляющими около 40% населения страны). Кроме того, существенным фактором политической устойчивости страны являются договоры о стра-

тегическом союзничестве с Францией и США (в 2004 г. Марокко получило статус главного союзника США, не входящего в НАТО).

При этом Марокко – страна глубоко исламизированная (ислам – государственная религия, мусульманами считают себя почти 99% населения). По этой причине, как считают многие эксперты, Марокко стало одной из основных территорий базирования «Аль-Каиды в странах исламского Магриба» (АКМ). Отмечается, что в годы войны СССР в Афганистане и позже (с 1979 г. до, по крайней мере, 2003 г.) королевская внешняя политика фактически солидаризовалась с «афганским джихадом», причем *«более 70% мечетей страны не контролировались министерством по делам хабусов и ислама, вели радикально-исламистскую проповедь, а также занимались распространением джихадистской литературы и приемом и распределением финансовых средств, поступающих из-за рубежа для поддержки джихада»*[213].

Эксперты подчеркивают, что АКМ, наращивая свою активность в Магрибе и странах Сахеля, все предыдущие годы практически не проводила никаких крупных акций в самом Марокко и тем самым фактически не доставляла власти королевства никакого политического беспокойства.

Такое беспокойство возникло лишь в конце 2010 г., когда члены АКМ, по данным марокканских спецслужб, стали включаться в манифестации населения против повышения цен на первоочередные продукты питания и когда выяснилось, что влияние исламистов растет в низовом составе армии.

В середине октября 2010 г. глава МВД Марокко Тайеб Шеркауи объявил об аресте группы из 34 человек, занимавшихся наркотрафиком и связанных с АКМ.

5 января 2011 г. Шеркауи объявил об аресте на юге страны террористической группы из 27 человек, которая была связана с АКМ и аналогичными группами в Европе. При этом был захвачен крупный арсенал оружия: 33 автомата Калашникова, 3 пулемета, 4 гранатомета РПГ-7, 82-мм миномет, большое количество боеприпасов, а также топографические карты района марокканско-алжирской границы. 6 января марокканская газета «Экономист» сообщила, что среди арестованных есть *«боевик АКМ, которому было поручено создать тыловую базу на юге страны, а также подготовить план терактов на территории королевства»*, и что четверо участников группы были арестованы близ границы с Алжиром,

куда они намеревались перебраться. А 12 января Т.Шеркауи объявил, что марокканские спецслужбы арестовали пятерых военнослужащих по подозрению в содействии ввозу на территорию страны перечисленного выше оружия.

Эти события особенно встревожили власть королевства в связи с близкими тунисскими и затем египетскими примерами. Однако протестный потенциал в стране определяется не только повышением цен на продовольствие (король Моххамед VI уже пообещал выделить на продовольственные дотации почти $23 млрд.). При населении Марокко около 35 млн. человек в стране каждый год заканчивают университеты около 500 тыс. человек, причем не более 10% из них находят работу в течение года[214]. Эта протестная масса не только социально активна и амбициозна (большинство выпускников считает достойными себя лишь должности госчиновников, высокооплачиваемых и обеспеченных дополнительными социальными благами). Молодежь, во-первых, широко использует возможности Интернета и, во-вторых, в силу особенностей национальной системы высшего образования, в основном глубоко исламизирована.

В связи с этим нужно отметить, что в протестные акции, наряду с пользователями Facebook, сразу включилось весьма влиятельное в Марокко исламское движение «Справедливость и благочестие», которое приветствовало события в Тунисе и Египте, потребовало от власти срочных демократических изменений и заявило: *«Несправедливо, что основные богатства страны принадлежат меньшинству»*.

Протестные акции нарастали. 31 января двоюродный брат короля принц Мулай Хашим, регулярно критикующий с «социал-демократических позиций» королевскую власть и потому получивший прозвище «красный принц», в испанской газете «Эль Паис» заявил, что *«пока Марокко не достигло того уровня социальной и политической напряженности»*, который вызвал крупные эксцессы в Тунисе и Египте, однако не исключил, что *«в будущем королевство может пойти вслед за ними»*.

Протесты продолжались. 14 февраля М.Хашим заявил марокканской прессе, что *«народный гнев не выбрал в качестве цели монархию... Но молодежь, отчаявшаяся из-за отсутствия жизненных перспектив, политических игр без ее участия, произвола спецслужб и разгула коррупции, может найти мотивы для восстания,*

которое может быстро радикализоваться с учетом сложности страны».

20 февраля две партии правительственной коалиции – Социалистический союз народных сил и Народное движение – заявили, что власть должна выработать четкий календарь политических реформ в стране. В этот же день в Марокко прошли многотысячные манифестации с требованиями пересмотра Конституции и ограничения королевской власти, а также проведения масштабных социально-экономических реформ. В ряде городов манифестанты вступали в столкновения с полицией. По официальным данным, погибли 5 человек, были разграблены или сожжены 33 государственных здания, 24 банковских учреждения, 50 магазинов и 66 автомашин[215]. В ходе этой манифестации было объявлено о создании оппозиционного «Движения 20 февраля», намеренного добиваться кардинальных конституционных реформ.

21 февраля король Мохаммед VI заявил о том, что он привержен продолжению структурных реформ и что его высшая цель – *«обеспечение условий для достойной жизни всех марокканцев, и особенно малоимущих, а также реализация всеобъемлющего развития, позволяющего создать продуктивные рабочие места для молодежи»*[216]. Однако в этот же день полиция силой разогнала группу молодежи, устроившую сидячую забастовку в центре Рабата.

После этого по мере того, как власть начала «заливать деньгами» низовой протест, а полиция и спецслужбы ужесточили контроль за организаторами манифестаций, протестная волна пошла на спад. И прибывший в Марокко помощник госсекретаря США по политическим делам Уильям Бернс 27 февраля заявил в Рабате, что Марокко – это успешная *«модель реформ и демократизации»*[217].

Однако большинство экспертов убеждено, что данная американская оценка ситуации в Марокко чрезмерно оптимистичная и преждевременная. Хотя король Мохаммед VI сообщил 9 марта, что приступает к политическим реформам (в частности, было объявлено, что в будущем премьер-министр будет избираться парламентом, а не назначаться королем)[218], вскоре Надия Ясин, дочь лидера очень влиятельной в стране исламистской организации «Справедливость и благочестие» Абдессаляма Ясина, заявила, что объявленные королем реформы *«недостаточны, так как не ставят под сомнение абсолютный характер монархии»*[219].

Тогда же «Движение 20 февраля» сообщило, что намерено продолжить практику массовых протестных выступлений (мирных шествий) до тех пор, пока не будут проведены конституционные реформы. А на этом фоне начали радикализоваться и многочисленные берберские организации, которые резко активизировались сразу после заявления монарха о начале конституционных реформ[220]. Берберы, в частности, заявили, что отвергают существующую «Консультативную комиссию по регионализации», а также заранее не признают будущую новую Конституцию, если в ней берберский язык не будет признан в качестве официального.

20 марта в столице Рабате и крупнейшем городе страны Касабланке прошли крупные протестные акции и столкновения манифестантов с полицией (вновь, как и ранее, организованные через Facebook).

А одновременно в Марокко «всплыла» еще одна проблема, имеющая отчетливые внешнеполитические измерения. В германском бундестаге возник скандал, связанный с обсуждением вопроса о поставках Марокко современных вооружений[221].

Причем в этом скандале сразу обозначились «две стороны медали». Первая заключалась в том, что король якобы может использовать эти вооружения для силового подавления демократической оппозиции. Вторая же касалась давно начатого проекта стран ЕС во главе с Германией создать в Марокко гигантские гелиоэнергетические «поля», которые призваны снабжать солнечной энергией не только страны региона, но и экспортировать электроэнергию в Европу.

В ходе скандала выяснилось, что значительную часть «гелиополей» предполагается строить на территориях Западной Сахары, которые большинство стран ЕС считает незаконно аннексированными Марокко. И германские депутаты тут же предположили, что поставляемое Германией оружие может быть использовано войсками короля Мохаммеда VI для подавления сопротивления западносахарского Фронта ПОЛИСАРИО.

4 апреля еще одна крупная манифестация в Касабланке проходила (и опять сопровождалась столкновениями с полицией) под лозунгами «нет коррупции», «конец социальной несправедливости» и «люди хотят положить конец авторитаризму»[222]. Причем, как сообщают эксперты, среди демонстрантов было очень много исламистов из движения «Справедливость и благочестие», которые

требовали отмены 19-й статьи Конституции, провозглашающей короля религиозным лидером страны.

А 28 апреля в наиболее популярном среди иностранцев кафе «Аграна» в Марракеше произошел теракт с использованием дистанционно управляемой бомбы, в результате которого погибли 16 иностранных туристов и 23 человека были ранены. Причем глава МВД Марокко Т.Черкауи заявил, что теракт, судя по его характеру, совершен боевиками АКМ[223].

Египет

После свержения в 1952 г. короля Фарука I в результате военного переворота власть в Египте всегда контролировали военные. И в этом смысле политический режим в стране был – при некотором «демократическом» антураже – пусть не слишком жесткой, но вполне реальной военной диктатурой.

После длительного периода советской поддержки Египта в рамках противостояния «капиталистического» и «социалистического» блоков произошла – уже при президенте Анваре Садате – переориентация правящей военной элиты на США. Мирный договор Египта с Израилем, результатом которого стала широкая экономическая и военная американская помощь ($1,5 млрд. ежегодно) закрепил этот альянс. Но одновременно привел к резкому (включая вывод страны на много лет из Лиги арабских государств) ухудшению отношений с остальным арабским и исламским миром.

Собственный производительный потенциал Египта, в отличие от большинства стран Ближнего Востока и Магриба, всегда был недостаточен для проведения экономической политики, обеспечивающей сравнительно высокие стандарты жизни. Долина и дельта Нила, а также немногочисленные оазисы, занимающие всего 4% территории страны (остальное – пустыни) – слишком незначительная территория для продовольственного самообеспечения, эффективной урбанизации и промышленного развития. Тем более при наличии традиционного арабского общества с высокими показателями рождаемости и резко снизившейся в «эпоху социализма» смертностью. Отсюда – низкий уровень жизни (по официальным данным, ниже уровня бедности живут 20% населения, по неофициальным – более 30%) и высокая безработица (официально – 10%, неофициальные оценки – более 20%), особенно бо-

лезненно сказывающаяся на молодежи. А также – перенаселенность городов, прежде всего Каира и Александрии (по неофициальным данным, население Каира с пригородами превысило 23 млн. человек).

Главными статьями национального дохода Египта являются плата за обслуживание и транзит судов через Суэцкий канал, международный туризм и не слишком большие объемы экспорта нефти, добываемой в основном на Синае. Импортная нагрузка торгового баланса, прежде всего продовольственная (Египет ежегодно закупает на мировых рынках более половины из 14 млн. тонн потребляемой пшеницы), очень велика и повысилась в условиях кризисного конъюнктурного роста мировых цен, что вызвало в Египте рост стоимости продуктов первой необходимости и дополнительно ухудшило «низовую» социально-экономическую ситуацию[224], которая и без того была совсем не благостной, в том числе из-за очень высокой и почти всеохватывающей общество коррупции.

Многолетнее правление Хосни Мубарака, как и в большинстве восточных обществ, привело к установлению в стране клановой системы распределения власти и собственности, в рамках которой максимальные преференции получал «околовластный» клан правителя. Между тем в крупных городах рос (прежде всего за счет доходов от обслуживания международного туризма) относительно молодой «средний класс».

Этот средний класс был уже хорошо знаком с внешним миром как через туристов, так и через Интернет (Египет – центр магистральных интернет-коммуникаций для всего Ближнего Востока и большой части Африки) и достаточно амбициозен, но практически не имел каналов вертикальной социальной мобильности для того, чтобы «выбиться в люди». И именно этот класс стал основным «запалом» нынешней египетской революции. Именно его массовые выступления мобилизовали и координировали через Facebook.

Второй (и гораздо более реальной) силой египетской революции стали исламские организации, и прежде всего «Братья-мусульмане» (БМ). Именно возле их мечетей в рассылаемых через Facebook сообщениях назначали места сбора манифестантов, именно здесь раздавали плакаты и давали инструкции по проведению протестных акций.

Возникшие в Египте, но подвергнутые в стране репрессиям и официально запрещенные после ряда крупных террористических

эксцессов, включая убийство президента А.Садата, БМ – по-прежнему крупнейшая мировая исламская организация, имеющая свои филиалы и дочерние структуры в 70 странах мира[225].

В Египте БМ как партия вообще не могли официально участвовать в политике и на национальные и местные выборы выставляли своих кандидатов либо от других легальных партий, либо как независимых. Но в социальной жизни, особенно в «глубинке», БМ играли огромную роль, организуя обучение, лечение, благотворительные акции, социальное обслуживание местных жителей, а заодно и их религиозную индоктринацию, и приобретая очень высокую электоральную популярность.

Так, на парламентских выборах 2005 г., впервые проведенных по совету США с некоторыми политическими послаблениями (см. речь Кондолизы Райс в Каирском университете), кандидаты от БМ (в качестве независимых или по спискам легальных партий) завоевали в парламенте почти 20% мест. И именно испуг от этого успеха БМ привел в 2010 г. к возврату правящей элиты к «старому» выборному формату, когда кандидатов от исламской оппозиции административными и полицейскими методами просто не допускали до выборов. В результате и БМ, и другая основная оппозиционная партия (буржуазно-демократический «Новый Вафд», с середины 80-х годов по многим вопросам внутренней политики солидаризующийся с БМ) просто бойкотировали второй тур выборов.

Эксперты указывают, что после запрета и репрессий БМ в Египте фактически разделились на «радикальное» и «умеренное» крылья, или, точнее, на радикальное «ядро» и полулегальную «периферию».

Ядро глубоко законспирировано и занимается главным образом стратегическими вопросами организации как в Египте, так и в других странах мира, включая создание «дочерних», но официально никак не связанных с БМ террористических групп типа «Аль-Гамаа аль-Исламия» и «Исламский джихад».

Периферия ведет активную и последовательную массовую социальную политику, религиозную индоктринацию и вовлечение подготовленных мусульман в организацию. При этом подчеркивается, что именно «полулегальная периферия», которая уже много лет является политическим лицом БМ для всего мира, глубоко пропитана агентурой египетских спецслужб.

Генерал Х.Мубарак, придя к власти, хорошо понимал, что его главной политической опорой может быть только армия. И уделял очень много внимания как военному строительству, так и политической опеке армейской верхушки. Именно при Мубараке армия стала вполне «надклассовой», поскольку в ее командный состав широко входили выходцы из социальных низов. И именно при Мубараке армия окончательно стала своего рода отдельной «кастой» с очень высокими статусными и социальными позициями (высокая зарплата, социальные и иные льготы, гарантии хорошего трудоустройства после выхода на пенсию) и консолидированным корпоративным духом.

Однако Мубарак понимал, что такая армия, сумев консолидироваться на уровне генералитета, вполне способна в одночасье свергнуть его клан. И потому уделял очень много внимания тому, чтобы регулярно «тасовать» командные кадры. А заодно создавал своего рода альтернативу армии – мощную систему спецслужб.

Такая конфигурация «силовиков», казалось, гарантировала устойчивость власти правящего клана. Специалисты уверены, что она могла бы, если захотела, подавить египетскую революцию в зародыше, еще до того, как манифестанты вышли на каирскую площадь Тахрир. Однако это не произошло.

Как и в Тунисе, неумеренные аппетиты правящего клана Мубарака давно начали раздражать другие крупные (в том числе связанные с армией) кланы. Спусковым крючком стало решение президента фактически установить династию, то есть сделать своим политическим наследником сына, Гамаля Мубарака. Именно в этот момент часть генералитета решила «сдать» престарелого диктатора. И именно поэтому 25 января 2011 года было допущено начало египетской революции.

Х.Мубарак уже на первом этапе революции понял, что династию ему создать не позволят. Он объявил, что готов начать масштабные политические реформы, перетасовал правительство (в том числе арестовав нескольких наиболее коррупционно-одиозных министров), выделил крупные суммы бюджетных денег на дотирование продовольственных цен. А далее заявил, что он сам уйдет по окончании законного срока и что его сын Гамаль (который, по утверждениям «Аль-Джазиры», якобы спешно выехал из страны) претендовать на президентский пост не будет. А также назначил 29 января на очень давно пустовавший пост вице-президента гла-

ву Службы общей разведки и своего верного соратника генерала Омара Сулеймана.

При этом Х.Мубарак, видимо, рассчитывал, что О.Сулейман жестко перекроет Интернет как основное средство организации протестов, активизирует свою агентуру в рядах БМ и при помощи репрессивного аппарата тайной полиции быстро подавит протесты. Однако события развернулись иначе.

Сейчас еще неясно, какая именно сила способствовала в конце января серии бунтов в египетских тюрьмах, в результате которых на свободу вырвалось более 15 тысяч уголовников (в Абу-Сабеле – 6 тыс., в Эль-Фаюме – 5 тыс., в Александрии, Асуане, Дамансуре, Вади-Натроне еще несколько тыс.)[226]. Кто-то считает, что бунты организовали агенты БМ, кто-то – что тайная полиция, кто-то – что военные. Эта «криминальная армия» сначала разгромила полицейские участки и захватила оружие. А затем по всей стране начались – на фоне «демократической революции» – массовые погромы, грабежи, мародерство и убийства.

Военные вовсе не хотели развертывания столь крупных эксцессов «на глазах у всего мира», понимая, что это дискредитирует любую – и нынешнюю, и будущую – власть. Они, тем более, не хотели, чтобы «бенефициаром» усмирения мятежа стала тайная полиция, начальника которой они в своем кругу называли «главой ЦРУ на Ближнем Востоке».

Но одновременно они не могли не прислушаться к сигналам из Вашингтона, когда сначала Барак Обама, а затем глава Госдепа Хиллари Клинтон и ее пресс-секретарь Филип Кроули «настойчиво посоветовали» не прибегать к насилию и не отключать Интернет[227]. И не могли не услышать, как западные политики и высокостатусные аналитики настойчиво разъясняли всему миру, что БМ – это не какие-то там исламские радикалы, а благотворительная организация, занятая социальной поддержкой неимущих.

Военные некоторое время выжидали и «сохраняли нейтралитет». Однако очень скоро стало ясно, что полиция и спецслужбы бессильны, а криминальная ситуация по всей стране выходит из-под контроля. И тогда именно армия начала бороться с криминалом в режиме чрезвычайного положения, расстреливая бандитов и мародеров на месте преступлений.

Именно после этого из Вашингтона и Европы прозвучали новые сигналы – «Мубарак должен немедленно уйти в отставку»[228]. И имен-

но после этого – вновь через уже полностью открытый для доступа Интернет и через мечети – начали организовываться еще более масштабные протестные акции с тем же требованием немедленной отставки президента, а также установления политической демократии.

11 февраля президент Хосни Мубарак ушел в отставку, передав всю полноту власти Высшему военному совету во главе с министром обороны и военной промышленности маршалом Мохаммедом Тантауи[229], но не главе нижней палаты парламента, как установлено Конституцией.

13 февраля был распущен парламент, приостановлено действие Конституции, сохранен режим чрезвычайного положения, обещаны срочное рассмотрение поправок к Конституции и проведение свободных выборов через 6 месяцев. 43 бывшим и действующим министрам был запрещен выезд из страны.

Но еще 11 февраля, в день отставки Мубарака, делегация БМ приехала в сектор Газа и провела вместе с руководителями движения ХАМАС «смотр вооруженных палестинских сил»[230]. А 12 февраля, выступая перед манифестантами на каирской площади Тахрир, Тантауи заявил, что *«БМ достойны хотя бы одного портфеля в будущем правительстве Египта»*[231].

Это высказывание Тантауи не случайно. Огромная роль БМ в «египетской революции» не вызывала сомнений. И уже на первом ее этапе в числе требований манифестантов от БМ были освобождение содержащихся в тюрьмах членов организации, разрешение вернуться в страну изгнанным лидерам БМ, а также признание незаконности результатов парламентских выборов, проведенных прошлой осенью.

Эти требования были по крайней мере отчасти выполнены. В Египет вернулись влиятельный проповедник Амри Халед, культовый теоретик и многолетний идеологический лидер БМ Юсеф аль-Карадави, а также ряд других крупных фигур из руководства БМ. А вскоре спикер нижней палаты парламента Фатхи Сурур объявил о «коррекции» результатов выборов 2010 г., то есть фактически признал, что они были фальсифицированы.

После отставки Мубарака лидер египетских БМ Мухаммед Бади стал «звездой СМИ». У него непрерывно брали интервью, интересовались его прогнозами на дальнейшее развитие ситуации в стране. Еще один крупный функционер БМ, Ашраф Абдульгаффар, 15 февраля отправился с визитом в Турцию (ее президент А.Гюль, премьер Р.Т.Эрдоган и глава МИДа А.Давутоглы с само-

го начала активно поддерживали лозунги «египетской революции») и выступил в эфире ведущего государственного телеканала, а также провел переговоры с соратниками из правящей партии Турции. И в этот же день М.Бади объявил о планах создания политической партии, которая пойдет на будущие выборы, а также дал развернутое «идеологическое» интервью ведущим СМИ. Главная идея интервью – необходимость кооперации между арабскими и исламскими странами *«для реализации проектов против колониализма, вестернизации и сионистской гегемонии»*[232].

Представления БМ о необходимых для Египта политических реформах были изложены еще в программном заявлении, выложенном на Интернет-сайте организации 30 октября 2009 г. В нем предлагается принять *«в качестве основополагающей концепции реформ законы, предписанные Аллахом»*. А именно – *«создать мусульманского индивидуума, мусульманскую семью, мусульманское правительство и мусульманское государство... которое также предстоит создать исламским странам, объединяющим всех мусульман»*[233].

22 февраля Высший военный совет объявил состав нового правительства Египта во главе с А.Шафиком, в которое вошли некоторые министры, ранее назначенные Мубараком. Ответом стали новые крупнейшие манифестации 25 и 26 февраля с требованиями суда над бывшим президентом, расформирования служб безопасности, освобождения политзаключенных, отмены чрезвычайного положения и немедленных политических реформ. БМ потребовали отставки только что созданного кабмина, заявив, что манифестации продолжатся до тех пор, пока правительство с дискредитировавшими себя соратниками Мубарака не уйдет. Высший военный совет это требование выполнил: 3 марта было создано новое правительство во главе с И.Шарифом. А 4–6 марта по городам Египта прокатилась серия нападений на здания Службы безопасности (в Каире, Александрии, Мерса-Матрухе и др.) с погромами и изъятием документации. Ряд экспертов не исключает, что это были акции БМ, которые изымали и уничтожали агентурные картотеки на членов организации.

19 марта в Египте прошел референдум по поправкам к Конституции, подготовленным временным конституционным советом «на переходный период».

Предложенные поправки вызвали ряд протестов религиозных общин и светских партий. БМ протестуют против сохранения без

изменений 5-й статьи, запрещающей партийную и политическую деятельность на религиозной основе. Копты и светские партии протестуют в связи с отсутствием в Основном законе приоритета норм международного права, а также признанием шариата в качестве основы национального законодательства. Кроме того, большинство политических сил недовольны сохранением почти всех «сверхполномочий» президента. Однако все считают, что после выборов и восстановления Конституционного суда к этим вопросам Египет обязательно вернется.

28 марта Высший военный совет объявил, что всеобщие парламентские выборы пройдут в сентябре 2011г., а президентские – в октябре или ноябре, и пообещал, что режим чрезвычайного положения до выборов будет отменен. Однако уже 1 апреля на той же каирской площади Тахрир прошла многотысячная манифестация под лозунгом «спасти революцию», организованная новосозданным движением «Молодежная коалиция за революцию». Требования площади – отменить чрезвычайное положение, прекратить незаконные аресты граждан, немедленно судить приближенных Мубарака, не откладывая начать политические и социальные реформы[234].

8 апреля на площади Тахрир вновь собралась манифестация в несколько сотен тысяч человек – крупнейшая с момента отставки Х.Мубарака. Протестующие, среди которых очень значимую роль играла молодежь из БМ, требовали немедленного ареста и суда над бывшим президентом. В этот день в рядах манифестантов впервые появились лозунги, призывающие уйти в отставку Высший военный совет. После наступления комендантского часа (в 2-00) полиция разогнала оставшиеся на площади несколько сот человек выстрелами в воздух, дубинками и электрошокерами, десятки человек были арестованы.

9 апреля Х.Мубарак впервые после отставки появился на публике. Он выступил по телеканалу «Ал-Арабия» и заявил, что всегда честно служил стране, ушел в отставку только потому, что поставил интересы египетского народа выше собственных, что он не имеет собственности и счетов за границей, а объективное расследование покажет, что финансовые средства его сыновей и жены заработаны честным путем[235].

10 апреля Х.Мубарак и его сыновья были вызваны в прокуратуру на допрос по подозрению в причастности к нападениям на

демонстрантов[236]. 13 апреля Генпрокуратура Египта на своей странице в сети Facebook объявила, что Хосни Мубарак и двое его сыновей, Гамаль и Алаа, арестованы на 15 суток[237].

16 апреля Высший административный суд Египта вынес не подлежащее опротестованию решение о роспуске Национально-демократической партии и конфискации в пользу государства всех ее активов, включая денежные средства, а также недвижимое и другое имущество[238]. И в этот же день на Площади Тахрир прошла очередная манифестация с требованиями немедленно начать в стране политические и экономические реформы.

Но для реформ время в Египте далеко не самое подходящее. Прямой и косвенный ущерб от «революции» превысил $9 млрд. и продолжает расти. Туристический бизнес обвалился и восстановится (на фоне продолжающихся массовых эксцессов) не скоро, потеряны сотни тысяч рабочих мест, кредитный рейтинг страны упал. Возврат Египту арестованных на Западе активов клана Мубарака вряд ли произойдет (если вообще произойдет) до осенних выборов законной власти, покрывать дефицит бюджета нечем. Так что к выборам социально-экономическая обстановка в стране, скорее всего, лишь ухудшится.

В этих условиях маломощные партии «среднего класса», бунтовавшие на площади Тахрир (Движение «6 апреля», «Аль-Гадд», «Кефайя»), электорат за собой повести не смогут даже при наличии таких «знаковых» фигур, как бывший глава МАГАТЭ Эль Барадеи и глава ЛАГ Амр Муса. Много лет правившая во главе с Х.Мубараком Национально-демократическая партия распущена. То есть никаких реальных консолидированных политических сил в Египте не осталось и к предстоящим выборам никто их создать явно не сможет. И, значит, у «Братьев-мусульман» (даже если они будут баллотироваться не по партийным спискам, а как независимые кандидаты) появляются более чем реальные шансы на политическую победу вполне демократическим путем.

Это ставит очень острые вопросы и перед египетским обществом, и перед египетскими военными, и перед всем миром.

Не только коптская община (а христиане-копты составляют 9% населения страны и занимают достаточно сильные позиции в экономике Египта), но и значительная часть относительно модернизированного исламского населения совсем не хотят жить исключительно по законам шариата. Тем более этого не хочет достаточ-

но глубоко вестернизированный египетский генералитет.

Но военным ясно, что после нынешней «революции» подавлять БМ так, как их подавляли спецслужбы Мубарака, невозможно. Пытаться установить военную диктатуру не только опасно (ведь в ходе многолетних «ротаций» командный состав армии оказался глубоко пропитан если не членством в нем «Братьев-мусульман», то их идеологией) – это неизбежно ввергнет Египет в глубочайшую политическую и экономическую изоляцию. И тогда нельзя исключать, что египетский генералитет окажется вынужден – хотя бы на время – занять те существенно ослабленные позиции в элите и руководстве страны, которые занимают военные в Турции после выборных побед над кемалистами исламской «Партии справедливости и развития». И большой вопрос заключается в том, смогут ли далее военные такие позиции удержать.

О том, что «процесс уже пошел», в Египте говорит слишком многое.

После того, как 11 апреля глава временной военной власти М.Тантауи приказал освободить 20 мусульман, арестованных перед Новым годом по подозрению во взрыве коптского собора в Александрии, эксцессы против коптов в Египте участились, причем на фоне нарастающей роли БМ в еженедельных протестных «радениях» на каирской площади Тахрир. В наиболее радикально-исламских губерниях на юге Египта эти эксцессы все чаще становятся кровавыми. После нескольких стычек в южном штате Кена, где радикальные салафитские группы при поддержке БМ развернули буквально войну против назначения губернатором штата копта Эмада Михаила, в Кене 22 апреля был введен режим чрезвычайного положения[239].

27 апреля в Каире было объявлено, что при посредничестве Египта между лидерами враждующих палестинских движений ФАТХ и ХАМАС достигнуто соглашение о создании временного переходного правительства, слиянии силовых структур в единый Высший комитет по безопасности, реформировании Организации освобождения Палестины, освобождении всех политзаключенных и выборах через 8 месяцев председателя Палестинской национальной администрации и Палестинского законодательного совета[240].

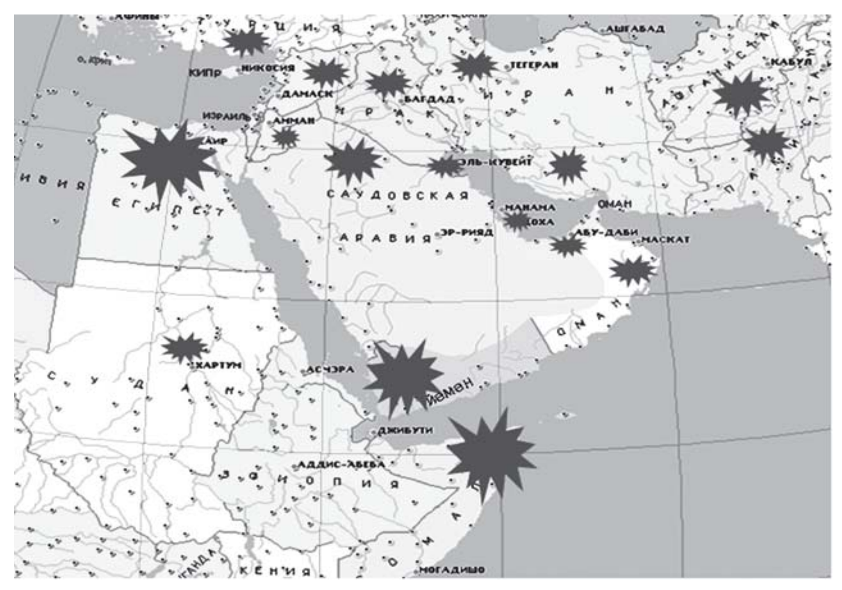
Причем наблюдатели указывают, что решающую роль в данном соглашении сыграли египетские БМ и что стратегическими

целями восстановленного палестинского единства является борьба с Израилем как в ООН, так и на палестинской территории.

Также 27 апреля в египетской провинции Северный Синай в результате вооруженного нападения на газоперекачивающую станцию был взорван газопровод, по которому поставляется газ в Израиль и Иорданию, поставки газа были остановлены на неопределенное время[241].

А 29 апреля БМ объявили, что создают новую политическую партию – «Партию свободы и справедливости», которую возглавит Мохаммед аль-Мурси и которая рассчитывает на предстоящих парламентских выборах получить не менее 50% мест в Национальном собрании. Причем лидеры БМ подчеркивают, что партия будет иметь не теократический, а гражданский характер, но определять ее политический курс станут именно БМ.

Так что и в самом Египте, и в «международном сообществе» стоит вспомнить о том, что в каирском университете Аль-Азхар, много лет фактически негласно «окормляемом» БМ[242], обучались (даже при весьма жестких репрессиях режима Мубарака против БМ) многие радикальные исламисты, включая получивших позже широкую известность исламских террористов из разных стран мира.

Сирия

После обретения независимости и недолгого (1958–1961 гг.) пребывания в составе конфедерации с Египтом Сирия вошла в период военных переворотов. Именно в связи с этими переворотами в 1963 г. в стране был введен режим чрезвычайного положения, который сохранялся до сих пор.

В 1966 г. в результате последнего из упомянутых переворотов власть получил глава «Партии арабского социалистического возрождения» (БААС), Хафез аль-Асад, выходец из крупной и влиятельной сирийской общины алавитов (особого толка шиитского ислама).

Сирия встала на «социалистический путь развития» и обрела статус основного союзника СССР на Ближнем Востоке. И с ним – постоянную и достаточно широкую советскую экономическую и военную помощь. В том числе в борьбе арабских стран против «непотопляемого авианосца США в регионе» – Израиля. В этом качестве Сирия участвовала в «Шестидневной войне» 1967 г. (в результате поражения арабских войск в которой Израиль оккупировал Голанские высоты) и в столь же неуспешной «войне Судного дня» в 1973 г.

В 1976 г. сирийские войска, на фоне нарастающей гражданской войны между этноконфессиональными общинами в Ливане, вошли в эту страну «по просьбе правительства» и оставались там до 1990 г. Поддержка ливанских шиитов и христиан против суннитов в Ливане, а также шиитского Ирана против Ирака в войне между этими странами (1980–1988 гг.) предопределила глубокий конфликт с Сирией всех суннитских монархий Залива. И дополнительно обострила отношения Дамаска с Ираком, с которым у Сирии была острая конкуренция в рамках однотипных правящих режимов партии БААС.

А поскольку алавиты в стране являются конфессиональным меньшинством (подавляющее большинство населения – сунниты, 10% – христиане, шиитов – около 25%, причем алавиты составляют из них только часть), Сирия одной из первых испытала на себе удары радикального суннитского терроризма. После того, как боевики «Братьев-мусульман» в 1979 г. вырезали кадетов в военной школе в Алеппо, а в 1982 г. устроили массовую резню представителей органов власти в г. Хама, военные и спецслужбы Аса-

да практически до основания уничтожили в стране структуры БМ и связанных с ними радикальных суннитских групп[243].

Хотя Сирия является республикой, ее политический режим можно охарактеризовать как «суперпрезидентский» или «полумонархический». Президент обладает широчайшими полномочиями и как генсек правящей партии (БААС таковой является по Конституции и оказывает решающее влияние на формирование правительства), и как Верховный главнокомандующий, и как глава (и «назначатель» других членов) Конституционного суда. При этом президент может избираться на неограниченное число сроков. После смерти в 2000 г. Хафеза Асада его преемником стал сын Башар Асад[244].

Формально в Конституции в качестве основы права в стране указан шариат, но в действительности его нормами руководствуются лишь суды низшей инстанции, рассматривающие разного рода семейные коллизии и «бытовые» правонарушения. А основные судебные инстанции страны работают фактически на основе Кодекса Наполеона, перенятого Сирией у бывшей метрополии, Франции.

В Сирии до сих пор (даже после «умеренно-рыночных» реформ Башара Асада) сохраняется доминирование в экономике, особенно в крупной промышленности, госсектора (до 75% промышленной продукции). Сельское хозяйство и торговля – почти полностью в частных руках, и в них занято до 60% активного населения.

В Сирии обязательное бесплатное шестилетнее образование и существенные госдотации на полное среднее и высшее образование (уровень грамотности населения 86% у мужчин и 74% у женщин), на 2010 г. почти 2 млн. пользователей Интернета, вполне современная медицина и сравнительно высокая (более 70 лет) средняя продолжительность жизни населения[245].

В то же время, поскольку больших ресурсов экспортспособного сырья в стране нет, уровень жизни большинства населения невысокий. В последние годы, особенно в связи с мировым кризисом, в стране растут и без того высокая безработица (около 20%, а среди молодежи до 30%), а также проблемы со снабжением населения продовольствием из-за нехватки во многих регионах (особенно на юге) воды для ведения сельского хозяйства. Дополнительные основания для недовольства населения создают злоупотребления со стороны служб безопасности в условиях режима чрез-

вычайного положения, а также широко распространенная (как в любой восточной клановой системе) чиновничья коррупция.

При этом сильная и хорошо вооруженная армия и мощные спецслужбы пока, по оценкам военных экспертов, являются достаточно надежной опорой власти алавитского правящего клана.

Нынешние «революционные волнения» в Сирии начались 18 марта после того, как в г. Дераа на границе с Иорданией жители вышли на улицы с требованиями освободить арестованных 15 марта нескольких школьников, писавших на стенах антиправительственные лозунги. Эта манифестация была разогнана полицией, однако, как утверждают официальные сирийские источники, в ходе ее разгона со стороны манифестантов прозвучало несколько выстрелов по полицейским, и тогда в Дераа были введены войска. В последующие дни, 19–20 марта, против полиции и войск уже выступил «вооруженный народ», и начались фактически боевые действия с множеством раненых и убитых с обеих сторон. Протестующие сожгли несколько правительственных зданий, включая штаб-квартиру БААС и Дворец правосудия, потребовали отставки правительства, отмены в стране режима ЧП, а также суда над виновными в расстреле манифестаций. 20 марта аналогичные массовые акции протеста (хотя поначалу без «вооруженного народа») начались в столице Дамаске, а также в Алеппо и нескольких других городах[246].

Поскольку в Сирии, в условиях сохраняющегося чрезвычайного положения и активной работы спецслужб по выявлению потенциальных угроз политическому режиму, никакого «вооруженного народа» не могло быть в принципе, сирийские власти сразу заявили, что и появление в Дераа оружия, и провокации с выстрелами в манифестантов – дело рук террористических групп, пришедших из-за рубежа. Либо из Иордании, либо из Ливана (где суннитский клан во главе с Саадом Харири обвиняет Сирию в убийстве бывшего премьера Рафика Харири), либо из Ирака, где полно суннитских радикалов-боевиков, считающих Сирию и режим Асада своими смертельными врагами. Причем последнее наиболее вероятно: по соседству с Дераа в районе иракской Фаллуджи живет другая часть того же самого бедуинского суннитского племени, которое наиболее яростно сопротивлялось войскам коалиции во время оккупации Ирака, а далее воевало с шиитской властью в стране.

После эксцесса в Дераа Башар Асад сразу признал неправомочность столь жесткого применения силы полицией и войсками,

выразил соболезнования семьям погибших и раненых, уволил губернатора провинции Дераа, создал комиссию для расследования эксцессов и наказания виновных. А заодно полиции и жандармам было приказано не открывать по манифестантам огонь на поражение[247].

При этом сирийские спецслужбы подчеркивают, что после победы «лотосовой революции» в Египте в Сирии резко увеличили активность законспирированные ячейки «Братьев-мусульман» и что было пресечено несколько попыток прорыва групп суннитских боевиков и караванов с оружием со стороны Ирака. Поскольку эмигрировавшие из Сирии исламские радикалы получили хорошую подготовку и сильные политические позиции в боевых отрядах исламистов (в том числе в «Аль-Каиде») в разных странах – от Ирака и Боснии до Афганистана – поднимающаяся протестная волна и, главное, ее вооруженный компонент не могли не встревожить правящий режим.

Уже 24 марта Бусейна Шаабан, советник президента Асада, объявила, что в ближайшее время в стране будут проведены крупные политические и экономические реформы[248]. В их числе названы подготовка отмены режима ЧП, освобождение политзаключенных, принятие демократического закона о СМИ и системы мер по борьбе с коррупцией. Кроме того, народу были обещаны существенное повышение зарплат госслужащих, а также программа создания дополнительных рабочих мест. 26 марта, как признак начала исполнения этих обещаний, из тюрем были выпущены 260 политзаключенных, в основном – арестованных по обвинениям в содействии исламским террористам.

При этом даже наиболее агрессивно настроенный в отношении Сирии катарский телеканал «Аль-Джазира», перечисляя массовые манифестации в Дераа, Дамаске и других городах с требованиями расширения политических свобод, борьбы с коррупцией и улучшения качества жизни, признал, что на начальном этапе манифестанты практически нигде не выдвигали лозунгов свержения существующей системы власти или лично Башара Асада[249]. Хотя оппозиционеры, организовавшиеся в новое движение «Революция 15 марта», пытались распространить призывы к маршам протеста и их превращению в общенациональный протестный «День достоинства» через Facebook и другие интернет-сайты, на их призывы почти никто не откликнулся, в то время как на про-

правительственные манифестации с портретами президента Асада вышли десятки тысяч человек. Причем иногда дело доходило до драк между сторонниками и противниками оппозиции, которых приходилось разнимать полиции.

Наблюдатели указывают, что большинство этих проправительственных манифестаций в данных условиях вряд ли можно считать инспирированными баасистами или спецслужбами. И дело не в любви к президенту, как пишут официальные СМИ страны. Просто у сирийцев перед глазами слишком наглядный пример соседнего Ирака, где проведенная при помощи войск США и Великобритании «демократизация» привела к нескончаемой межконфессиональной резне и гражданской войне, сотням тысяч погибших, резкому снижению уровня жизни по сравнению с временами диктатуры Саддама Хусейна. А заодно – к потоку в Сирию иракских беженцев, что очень болезненно сказалось на социально-экономическом положении в стране (по имеющимся оценкам, сейчас в Сирии до 1,4 млн. иракских и до 400 тыс. палестинских беженцев).

22 марта в манифестации оппозиции в Латакии приняли участие, наряду с массой мирных граждан, сотни вооруженных людей, которые громили и жгли административные здания, пожарные машины и школы. И устроили на улицах настоящую охоту за полицейскими и сотрудниками служб безопасности, вполне профессионально используя навыки герильи – городской партизанской войны. Им, в соответствии с приказом президента, отвечали только водометами и слезоточивым газом. В итоге погибли 10 сотрудников службы безопасности и несколько полицейских, в больницах Латакии оказалась почти сотня раненых правоохранителей. А далее манифестации с участием «вооруженного народа» начались и в других городах страны.

Когда расследования показали, что часть жертв якобы полицейского подавления манифестаций убита выстрелами снайперов (в частности, в Алеппо), и когда сирийские ВМС начали задерживать в море суда с грузом оружия, шедшие из Ливана в Латакию, Асад приказал ввести в «бунтующие» города армию.

26 марта через сеть Facebook был распространен, от имени некоей новообразованной группы «Революция в Сирии 2011», призыв к «народному восстанию». Этот призыв, ссылаясь на «источники в оппозиции», растиражировали на весь мир корреспонденты ряда международных СМИ. В этот же день Министерство ин-

формации Сирии лишило аккредитации директора бюро агентства Reuters Халеда Овейса *«за передачу непрофессиональных и искаженных сообщений о ситуации в Сирии»*[250].

29 марта президент Асад объявил об отставке правительства Мухаммеда Наджи аль-Атари, которой требовала оппозиция[251]. В это же день по всей Сирии прошли крупнейшие манифестации в поддержку действующей власти. И в этот же день Госдепартамент США сообщил, что ранее в Сирии были арестованы три гражданина США, и потребовал от Дамаска обеспечить доступ к ним сотрудников американского консульства[252].

30 марта Асад на чрезвычайной сессии парламента в своем (первом с момента начала эксцессов) публичном выступлении конкретизировал и расширил программу политических и экономических реформ, ранее уже в общих принципах озвученную его помощницей Б.Шаабан: создание специальной комиссии по подготовке плана действий в борьбе с коррупцией, повышение зарплаты государственным служащим, распределение субсидий в сфере здравоохранения и создание новых рабочих мест для сирийской молодежи. Асад признал, что *«руководство страны не оправдало многих ожиданий народа»*.

Асад решительно дал понять, что в условиях, когда страна стала *«объектом международного вооруженного заговора»* и когда уже погибло 60 человек из мирных граждан, полиции и жандармов, спешно отменять закон о чрезвычайном положении под давлением вооруженных бунтовщиков недопустимо: *«Реформы — это значит продвигаться вперед, а не бежать или тем более убегать от кого-то... Враги работают, чтобы подорвать безопасность Сирии, но они выбрали не ту страну»*[253]. Одновременно Асад пригласил за стол переговоров для обсуждения политических и экономических реформ шейхов племен Сирии и влиятельных деятелей всех этнических и религиозных общин страны.

В этот же день катера ВМС Сирии перехватили еще одно судно с оружием, которое шло из ливанского порта Триполи в Латакию. Как и ранее, Дамаск заявил о возможной причастности к тайным поставкам оружия в Сирию радикального ливанского суннитского движения «Аль-Мустакбаль» бывшего премьера Ливана Саада Харири[254].

Представитель Госдепартамента США Марк Тонер 30 марта сделал официальное заявление: *«...президент Сирии Башар Асад*

должен выполнить требования народа». И в этот же день республиканец Джон Маккейн и независимый сенатор Джо Либерман в обращении к президенту США Б.Обаме заявили, что попытки Обамы сблизиться, а не дистанцироваться от Сирии не дали никаких результатов и что *«пришло время поддержать народ, выступающий против режима Асада»*[255]. Тогда же информационное агентство САНА сообщило о том, что на иракской границе был перехвачен идущий в Сирию трейлер, груженый оружием и боеприпасами, включая большое количество снайперских винтовок.

31 марта президент Сирии сообщил об учреждении юридического комитета для изучения возможности отмены закона о чрезвычайном положении, а также объявил пятницу 1 апреля рабочим днем[256].

Но 1 апреля во многих городах страны вновь проходили массовые акции протеста. Причем в Хомсе и пригороде Дамаска Думе на этих акциях вновь появился и вступил в перестрелку с полицией «вооруженный народ». В результате погибли 8 человек, десятки были ранены[257]. 2 апреля неизвестные боевики на мотоциклах открыли огонь по колоннам мирных жителей в пригороде Хомса – промышленного города центральной Сирии. В Думе, в 15 км к северу от Дамаска, по данным САНА, погибли несколько человек и десятки получили ранения. Там улицы города обстреливали с крыш домов снайперы.

3 апреля Башар Асад поручил бывшему министру сельского хозяйства Аделю Сафару сформировать новое правительство. В этот же день, а также 5 и 6 апреля в Сирии прошли несколько мирных антивластных и провластных манифестаций.

7 апреля президент Асад объявил о начале предоставления сирийского гражданства курдам северо-восточной провинции Хасеке (до сих пор они в Сирии числились незаконными мигрантами из Турции). Гражданство получат около 300 тысяч человек[258]. Как считают эксперты, это очень важный шаг, призванный резко снизить в стране межэтническую напряженность и риск включения в вооруженную борьбу с властью достаточно мощного «курдского фактора». Особенно с учетом того, что в 2004 г. режим Б.Асада с трудом подавил в этом регионе крупное курдское восстание.

Но 8 апреля после пятничной молитвы мирный ход массовых манифестаций в Дераа и ряде других городов страны (Дума, Хомс,

Тартус) был прерван очередным вмешательством «вооруженного народа». В Дераа разбили статую брата президента Сирии на центральной площади, разгромили офис партии БААС и подожгли местную тюрьму. Полицейские и жандармы, вооруженные только слезоточивым газом (армейские части из города были выведены еще неделю назад), стрельбе с крыш и из окон домов ничего противопоставить не могли. В результате только в Дераа 19 сотрудников правоохранительных органов были убиты и 75 ранены[259] . Всего в протестных эксцессах в стране в этот день погибли 24 человека[260].

12 апреля США в официальном заявлении осудили *«действия правительства Сирии по подавлению мирных демонстраций»*, а также заявили, что *«усиление репрессий со стороны правительства Сирии возмутительно... Президент Асад и кабинет министров должны с уважением относиться к правам сирийских граждан, которые справедливо требуют для себя основополагающих свобод»*[261]. 14 апреля официальный представитель Госдепартамента Марк Тонер заявил, что *«у США имеются доказательства того, что Иран оказывает помощь властям Сирии в подавлении антиправительственных демонстраций»*[262].

Начиная с 15 апреля, ряд мировых СМИ опубликовал выдержки из американских дипломатических документов, обнародованных сайтом WikiLeaks, доказывающие, что Госдепартамент США с 2005 г. финансирует и поддерживает другими способами силы сирийской политической оппозиции, включая базирующийся в Лондоне антиправительственный спутниковый телеканал «BARADA TV»[263] .

15 апреля после пятничной молитвы во всех крупных городах Сирии прошли немногочисленные мирные манифестации, однако тон этих манифестаций стал существенно новым: манифестанты скандировали антиправительственные лозунги и требования свержения власти Б.Асада. Полиция применила слезоточивый газ в единственном случае, когда в Дамаске на подходе к площади Аббасидов вошли в столкновение колонны противников и сторонников власти.

17 апреля власти сообщили, что 15 апреля была задержана машина с грузом автоматов и гранат на границе с Ливаном, а 17 апреля – большая партия оружия на КПП в Эт-Тенефе на границе с Ираком. Причем эксперты указывают, что последняя операция с

поставками оружия из Ирака вряд ли могла быть реализована без ведома и попустительства остающихся в стране американских военных и разведчиков.

В этот же день (65-я годовщина независимости Сирии) в Дераа, Баниясе, Джебле, Алеппо и ряде других городов страны прошли немногочисленные, но агрессивные манифестации. В пригороде Хомса Таблисе вооруженные боевики атаковали полицейских и солдат. Убиты один полицейский и трое боевиков, ранены 16 полицейских и солдат, а также 15 боевиков[264].

С 18 апреля вооруженные боевики начали включаться в мирные манифестации граждан по всей стране. МВД Сирии выпустило заявление о том, что «*Сирия столкнулась с вооруженным мятежом, организованным салафитами... сразу в нескольких провинциях были совершены акты саботажа и нападения на полицейских и военнослужащих. Главными очагами выступлений салафитов стали Банияс и Хомс, где они открыто призвали к джихаду и созданию исламских эмиратов*»[265].

19 апреля Хомс, где манифестанты захватили центральную площадь Баб ас-Саа и установили там палатки, был окружен войсками. Телеканал «Аль-Джазира» сообщил, что силы безопасности, прежде чем приступить к разгону манифестантов на площади, призвали старейшин местных племен убедить толпы людей разойтись по домам. Однако в ответ с минаретов раздался призыв к джихаду, и далее в городе началась стрельба[266].

В этот же день правительство Сирии одобрило проекты указов о прекращении действия Закона о чрезвычайном положении и об упразднении Высшего суда госбезопасности, а также введении нового закона о порядке проведения мирных демонстраций[267].

Несмотря на то, что 21 апреля, после подписания новых законопроектов президентом Б.Асадом, они вступили в силу, в этот день в стране опять вспыхнули масштабные радикальные протесты. Хотя МВД заявило, что несанкционированные манифестации запрещаются «*до восстановления в стране спокойствия*», сеть Facebook оказалась заполнена призывами устроить в Сирии протестную «Великую пятницу», а лидеры движения «Революции 15 марта» и исламисты начали выводить людей на улицы. Причем многие манифестации, следуя призывам Facebook, вышли под «дореволюционными» (то есть антибаасистскими) зелено-бело-черными флагами.

В этот же день Сирию всколыхнули два зверских убийства. В Хомсе были застрелены у себя дома и разрезаны на куски генерал Або эль-Теллави и двое его сыновей-подростков, а затем таким же образом были убиты генерал Ияд Харфуш и трое его детей. СМИ Сирии обвинили в организации зверских убийств радикальных исламистов, а оппозиция заявила, что это провокация власти[268] .

22 апреля протестные манифестации во многих регионах страны сопровождались вооруженными нападениями на государственные учреждения и офисы правящей партии БААС, а также на полицейских, полиция и войска отвечали манифестантам огнем. Среди погибших и раненых в провинциях Хомс, Дамаск и Идлиб – 11 полицейских. Сирийские власти сообщают, что, в частности, в Эзраа орудовала *«вооруженная банда, которая атаковала полицейские машины и армейские патрули бутылками с зажигательной смесью»*[269] . По данным различных источников, в этот день, который уже назвали «кровавой пятницей», в Сирии погибли до 100 человек.

23 апреля похороны погибших в предыдущий день переросли в новые радикально-протестные акции с новыми жертвами. 2 депутата парламента страны от округов Дераа в знак протеста против подавления манифестаций войсками подали в отставку.

В этот же день с заявлениями об осуждении актов насилия в Сирии выступили генсек ООН Пан Ги Мун и президент США Б.Обама. Пан Ги Мун потребовал «*немедленного прекращения насилия в Сирии*», а также «*независимого и открытого расследования всех убийств*»[270]. А Обама пошел гораздо дальше. Он заявил, что «*столь возмутительное применение насилия для подавления протестов должно прекратиться немедленно*», что после отмены закона о чрезвычайном положении власти «*продолжили репрессии*», что «*США неоднократно призывали сирийские власти к проведению реформ, однако те отказывались уважать права собственного народа*» и что «*вместо того, чтобы слушать собственный народ, президент Асад винит сторонних наблюдателей, одновременно пытаясь получить поддержку Ирана для подавления граждан Сирии с помощью той же жестокой тактики, которую использовали его иранские союзники*»[271].

При этом ни Пан Ги Мун, ни Обама не озаботились вопросом о том, откуда в стране с диктаторской властью и режимом чрезвычайного положения взялся в таких количествах «вооруженный народ», к мнению которого они призывают прислушиваться. Суть же риторики Обамы совсем очевидна: в происходящем в Сирии

виноваты только и исключительно диктатор Б.Асад, а также Иран, поддерживающий репрессии Асада против собственного народа.

24 апреля Б.Асад приказал закрыть границу с Иорданией и ввел в города провинции Дераа войска, включая бронетехнику[272]. 26 апреля Госдепартамент США объявил, что проводит эвакуацию из Сирии большинства сотрудников своего посольства и членов их семей. После чего США объявили, что вводят санкции против членов семьи Б.Асада, а также ряда высших чиновников государственной власти Сирии и руководителей «силовых структур»: всем гражданам США запрещается осуществлять с кем бы то ни было из них любые сделки[273] . При этом попытка США и ряда других стран провести 27 апреля через СБ ООН резолюцию о введении санкций против Сирии провалилась: на нее наложили вето одновременно Россия и КНР[274] . И в этот же день в офисы МИД во Франции, Великобритании, Италии, Германии и Испании были вызваны сирийские послы, которым был выражен «решительный протест в связи с эскалацией насилия в Сирии»[275].

В пятницу 29 апреля по-прежнему находящиеся в Сирии под запретом БМ впервые открыто призвали народ к массовым манифестациям против власти под лозунгом «Вы были рождены свободными, так не дайте тирану превратить вас в рабов»[276]. В Дераа, Латакии, Баниясе, Растане и ряде других городов прошли очередные крупные протестные манифестации со столкновениями с полицией и жертвами. 28–29 апреля почти 230 функционеров БААС из Дераа и около 50 из Растана объявили о своем выходе из правящей партии.

И также 29 апреля Совет по правам человека ООН принял резолюцию, осуждающую «применение силы властями Сирии против мирных демонстрантов». За резолюцию проголосовали 26 стран, 9 стран (включая Россию, Китай, Пакистан, Кубу, Эквадор) выступили против, еще 7 стран (включая Иорданию, Катар, Саудовскую Аравию) воздержались или попросту не явились на заседание Совета. Причем представители России и КНР заявили, что принятие этой резолюции – «приглашение к гражданской войне» и очередное доказательство того, что в Совете по правам человека ООН действует политика двойных стандартов[277].

2 мая сирийские войска блокировали (как объявлено, для подавления вооруженного восстания салафитов) г. Банияс. В сун-

нитском квартале Эль-Бейда – основном очаге сопротивления – проводились массовые аресты[278].

Таким образом, острота политической и террористической ситуации в Сирии пока что последовательно нарастает. При этом не только правящий алавитский клан Асада, но и представители всех других конфессиональных и этнических групп, включая христиан и курдов, а также выросший в стране сравнительно крупный и интернационализованный бизнес, понимают, что падение нынешнего политического режима (даже без американских бомбардировок, таких, как в Ираке) вызовет в стране многолетний кровавый хаос, подобный иракскому.

А поскольку глава Пентагона Роберт Гейтс уже много раз повторил, что на Ближнем Востоке остались только три тоталитарных диктаторских режима: в Ливии, Сирии и Иране[279], сирийцы уже осознают, что как при дальнейшем ослаблении существующей власти и нарастании хаоса, так и при попытках клана Асада жестко «заморозить» ситуацию (например, путем введения в стране военного положения) вполне могут последовать и бомбардировки.

Можно предполагать, что крах власти клана Асада в Сирии с высокой вероятностью «взорвет» соседний Ливан и, не исключено, Иорданию, а также неизбежно резко увеличит масштабы гражданской войны, идущей в Ираке. Почти предопределена в этом случае и суннитская исламская радикализация в Турции, в последние годы с немалым трудом выстраивающей «дружественные» связи с Дамаском и Тегераном. Также очевидно, что радикальная суннитская трансформация власти в Сирии (а другой трансформации здесь по определению быть не может) переведет отношения между Дамаском и Тель-Авивом из режима «отсутствия мира» в режим «горячей войны».

Если учесть неопределенность развития ситуации в Египте, Израиль в результате может получить и на севере, и на востоке, и на юге «единый фронт джихада», обеспеченный к тому же мощным египетским и сирийским оружием (в том числе тяжелым, ракетным и, возможно, химическим). Что делает совсем не умозрительной перспективу возникновения на Ближнем Востоке крупного (причем нельзя исключать, что ракетно-ядерного) военного конфликта.

Йемен

Условное политическое единство Йемена до недавних пор существовало лишь в рамках Османской империи. Северный Йемен получил независимость после распада Османской империи в 1918 г. и стал монархией, а в 1962 г. преобразовался в Йеменскую арабскую республику в результате военного переворота, свергшего королевскую власть. Южный Йемен с середины XIX в. был под британским протекторатом, получил независимость от Великобритании в 1967 г., вскоре принял «просоветскую» ориентацию (Народно-демократическая республика Йемен, НДРЙ) и стал одной из важнейших военно-политических баз СССР в регионе.

Отношения между этими двумя «полугосударственными» зонами расселения бедуинских племен были предельно конфликтными до эпохи распада «советского блока». В 1990 г. шейхи племен и лидеры уже существовавших в это время политических партий приняли решение об объединении страны в Йеменскую республику. Однако уже в 1994 г. бывшие лидеры НДРЙ подняли на Юге восстание и объявили о независимости. Восстание было жестоко подавлено северойеменскими войсками.

Йемен – одна из самых бедных стран арабского мира. Почти вся территория занята пустынями, население быстро растет за счет высокой рождаемости: из 23 млн. жителей 44% – моложе 15 лет. Экспортоспособных сырьевых запасов (нефть) немного, налицо острая нехватка пресной воды. Число безработных превышает 35% трудоспособного населения, ниже черты бедности живут более 45% граждан. Огромная трудовая эмиграция (до 2 млн. человек, преимущественно в страны Залива) не является устойчивой и зависит от экономической и политической конъюнктуры.

К этим проблемам добавляются исторические противоречия между Севером и Югом, а также между приверженцами разных исламских вероучительных школ – шиитами зейдитами и суннитами шафиитами. После объединения страны ключевые позиции во всех сферах жизни, включая политику и экономику, заняли северяне-зейдиты, сильно ущемив позиции южан-шафиитов. Кроме того, политическую ситуацию в Йемене осложняют конфликты между крупнейшими племенными объединениями, а также сепаратизм шиитских северных кланов племен Хауси[280].

Нынешний период нарастающих беспорядков начался в Йемене еще в апреле 2009 г. (в дни годовщины подавления Севером

восстания Юга в 1994 г.) и вновь реанимировал лозунги отделения Юга. Поскольку страна буквально «нашпигована» оружием, эти беспорядки сразу перешли в кровавые столкновения с большим количеством убитых и раненых. Уже тогда власть (правящий в стране с 1974 г. зейдитский режим Али Абдуллы Салеха) заявила, что мятеж подняли на саудовские и катарские деньги живущие в Саудовской Аравии бывшие правители НДРЙ Али Насер Мухаммед и Али Салме Аль-Бейт.

Для этих обвинений были основания. Отношения Йемена со странами Залива напряженные с момента свержения в стране монархии. Кроме того, между Саудовской Аравией и Йеменом лишь совсем недавно официально установлена линия границы, но ряд шейхов племен считает ее несправедливой. Наконец, сразу выяснилось, что в южнойеменском Абъяне восстание поднимал лидер непримиримых исламистов Тарик Аль-Фадли (потомок эмиров Абъяна, бывший боевик в Афганистане, тесно связанный с «Аль-Каидой» и получающий финансовую подпитку от саудитов)[281].

Именно в этот период 2009 г. произошла резкая активизация крупнейшей «нерадикальной» оппозиции страны – блока «Лика Муштарака» («Общая встреча») во главе с Йеменской социалистической партией (ЙСП) и движением «Аль-Ислах», созданным в 1990 г. «Братьями-мусульманами». Примечательно, что уже в тот момент в оппозицию включилось немало бывших соратников президента Салеха из правящей партии «Всеобщий народный конгресс».

В декабре 2009 г. в Йемене происходили очередные крупные эксцессы на этот раз на севере, где точечным ударом авиабомбы был убит харизматический лидер восстания шиитов племени Хауси, Абдель Малик Аль-Хути (хауси выступают за воссоздание в регионе зейдитского имамата во главе с потомком пророка Мухаммеда). Ответственность взяла на себя Саудовская Аравия (хотя осведомленные эксперты уверены, что такой удар с наведением на сигнал мобильного телефона могли исполнить только самолеты США), после чего не только преимущественно шиитский Север, но и весь Йемен начал воспринимать саудовских соседей как агрессора, начавшего войну[282].

Уже в этот период США и Саудовская Аравия проявляли единство в оценках необходимости отстранения от власти президента Салеха, но расходились в том, кто должен прийти ему на смену. США делали ставку на бывшего главу Южного Йемена Али Насе-

ра Мухаммеда, живущего в эмиграции, очень зависимого от Вашингтона и, по ряду экспертных оценок, тесно сотрудничающего с ЦРУ. А саудиты – на крупнейшего в Йемене бизнесмена, главу самого большого йеменского племенного объединения «Хашид», а также одного из лидеров исламской партии «Аль-Ислах» и объединенной оппозиции «Лика Муштарака», Ахмара Хамида, который очень тесно связан с саудитами бизнес-проектами.

В октябре 2010 г. в Йемен нанес визит зам госсекретаря США Уильям Бернс. Он, с одной стороны, в официальном заявлении высоко оценил успехи страны в борьбе с международным терроризмом. Что для многих специалистов выглядело двусмысленно, поскольку Йемен уже несколько лет является главной «тыловой базой» и одним их главных поставщиков подготовленных боевиков для «Аль-Каиды на Аравийском полуострове», причем незадолго до визита Бернса А.Салех создал «совет улемов», который возглавил шейх аз-Зиндани – один из наиболее радикальных идеологов мирового джихада.

Но одновременно Бернс дал понять А.Салеху, что США ожидают от него срочного начала переговоров с оппозицией о реформах в избирательной системе, после чего должны пройти *«честные и открытые всеобщие выборы»*. Причем в тот же день Бернс встретился с лидерами «Лика Муштарака» и заявил о поддержке их требований избирательной реформы и досрочных выборов.

Однако еще дальше пошел сопровождавший Бернса в этом визите посол Великобритании в Йемене Тим Торлотт, который заявил, что *«будущее Йемена невозможно без предоставления широкой автономии различным областям страны, что подразумевает возможный и вероятный переход на конфедеративную систему государственного устройства»*[283]. При этом многие эксперты считают, что Торлотт фактически озвучивает дипломатическую позицию ЕС, где полагают, что прекратить внутреннее военное противостояние в Йемене возможно лишь за счет предоставления максимально широкой автономии не только исторически «чуждому» Югу, но и северным территориям, занятым племенами Хауси.

12 января 2011 г. в столицу Йемена Сану нанесла неожиданный (незапланированный) визит госсекретарь США Хиллари Клинтон. Проведя беседу с А.Салехом и пообещав ему американское содействие в создании международного «Фонда помощи Йемену», Клин-

тон затем встретилась с лидерами «Лика Муштарака» и решительно поддержала их *«стремление к демократизации страны»*[284].

Именно в этот момент в мировых СМИ появились сообщения, что А.Салех намерен передать власть «по наследству» своему сыну. И именно с этого момента в Йемене начался нынешний бурный этап протестных выступлений оппозиции и ее вооруженного противостояния с властью.

2 февраля А.Салех заявил, что не собирается в 2013 г. переизбираться на следующий президентский срок, а также передавать власть своему сыну Ахмеду, что сразу резко обострило борьбу между многочисленными потенциальными претендентами на президентский пост как в оппозиции, так и внутри собственного президентского «семейного» клана.

С 3 февраля в Йемене начались крупнейшие оппозиционные выступления и в столице Сане (с требованиями немедленной отставки Салеха), и на Юге и Севере (под антивластными и сепаратистскими лозунгами). С запозданием на 2–3 дня опять-таки по всему Йемену начались массовые альтернативные манифестации в поддержку президента.

7 февраля произошло покушение на лидера партии «Аль-Ислах» Хамида Ахмара (Ахмар не пострадал). 15 февраля лидер шиитов Севера А.М.аль-Хоуси призвал йеменцев «использовать исторический момент для коренных преобразований и свержения власти преступников».

17 февраля представители «совета улемов» и ряд других крупных религиозных авторитетов заявили о необходимости создания «Правительства национального единства», способного прекратить хаос в стране и за полгода обеспечить условия для мирной передачи власти[285]. Одновременно «Лика Муштарака» предложила провести общенациональную согласительную конференцию основных политических сил страны, включая шиитских мятежников и сепаратистов-южан. 20 февраля А.Салех заявил о готовности вступить в переговоры с противниками режима.

Однако масштабы манифестаций шли по нарастающей, росло и число жертв столкновений их участников с полицией. 26 февраля о своем отказе поддерживать президента и переходе на сторону оппозиции объявили два крупнейших племенных объединения – Хашид и Бакиль (большинство шейхов которых негласно поддерживаются Саудовской Аравией), а также ряд более мелких пле-

менных объединений. 2 марта к лидерам «Лика Муштарака» приехал «обсуждать правила цивилизованного ухода Салеха» глава Совета улемов шейх А-М.Зиндани. В результате президенту Салеху была передана от имени объединенной оппозиции «дорожная карта» политических преобразований, центральным вопросом которой был уход президента в отставку до конца года.

Но Салех отверг эти требования и приказал стягивать из Южного Йемена к столице наиболее боеспособные войска[286]. А 10 марта созвал в Сане митинг своих сторонников, где заявил, что предлагает до конца года определить на национальном референдуме форму правления в стране (президентская или парламентская республика). Кроме того, Салех объявил о предоставлении провинциям широкой экономической автономии, что снизит налоговую нагрузку на местный бизнес, то есть выполнил давнее требование «Лика Муштарака».

Однако уже 9 марта мэр северной Саады, Фарис Манаа, заявил, что почти весь состав правящей партии в руководстве провинции (около 200 человек) принял решение о выходе из партии. Причем, по оценкам «Лика Муштарака», Салех к этому моменту сохранил поддержку не более 15% улемов и шейхов племен.

11–13 марта в Сане и промышленном центре юго-запада страны Таизе прошли крупнейшие протестные манифестации, во время которых при столкновениях с полицией несколько человек погибли и несколько сотен были ранены. Евросоюз выступил с резким осуждением действий режима Салеха. Однако американский посол в Сане Дж.Фейрстейн заявил, что США рассматривают протестные выступления как опасные и *«не отвечающие интересам йеменского народа»*, и призвал к *«разрешению кризиса исключительно путем переговоров»*[287].

С этого момента (эксперты утверждают, что по приказаниям шейхов племен) в Сану стали организованно стягиваться десятки тысяч человек невооруженной молодежи, сделавших манифестации круглосуточными и бессрочными. А руководство «Лика Муштарака» направило в посольства США и многих других стран, в том числе стран ЕС, заявление об отказе от любых контактов и переговоров с Салехом, если в них не будет обсуждаться процедура его отказа от власти[288].

19 марта в столице произошел крупный инцидент, в котором «неизвестные снайперы» открыли огонь по протестующим, убив

около 40 человек. И в этот же день Салех ввел в стране режим чрезвычайного положения[289].

С этого момента в Йемене произошел окончательный перелом политической ситуации в пользу оппозиции. В лагерь противников Салеха перешли командующие крупнейшими подразделениями армии, включая сводного брата Салеха Мохсена аль-Ахмара (командующий войсками северного военного округа и Первой бронетанковой дивизией) и командиров гарнизонов в основных южнойеменских городах, и в том числе в «финансовом центре» страны Хадрамауте. Далее о своем переходе на сторону оппозиции заявили несколько ключевых министров, часть высоких функционеров МИДа, включая послов в Ливии, Швейцарии и ООН, а также руководство Торговой палаты. Фактически на стороне президента из наиболее влиятельных фигур властной элиты остались только два его сына и два племянника, которые командуют республиканской гвардией и частями спецназначения[290].

Таким образом, оппозиция получила в стране решающий политический и силовой перевес. Однако на силовые меры идти не решилась, понимая, что они приведут к большой крови и катастрофически дискредитируют предпринявших такие шаги оппозиционных лидеров как перед Западом, так и перед частью шейхов племен.

22 марта йеменские власти закрыли бюро катарского телеканала «Аль-Джазира» в Сане и конфисковали передающую аппаратуру, поскольку телеканал постоянно транслировал призывы оппозиции в различных арабских странах, включая Йемен, к свержению правящих режимов.

С 25 марта в Йемене началась «позиционная пауза», во время которой и Салех, и его оппоненты пытались «перекупить» влиятельных лидеров противоположной стороны обещаниями высоких позиций в будущей власти. В это время по всей территории страны исподволь шел процесс «развития самоуправления», особенно явный в провинциях мятежного Севера. Здесь Саада и Гауф оказались под полным контролем Хауси, фактически перейдя в режим автономии от Саны[291].

Это крайне встревожило и Вашингтон, и Эр-Рияд, которые считают эти мятежные шиитские территории потенциальным «запалом» иранской революции в сопредельных странах. И они резко усилили как поддержку оппозиции, так и давление на Салеха с требованиями немедленно оставить президентский пост.

Как сообщают эксперты, 26 марта в посольстве США в Сане прошла встреча руководства оппозиции с американским послом и представителями Салеха. По ее итогам (причем завершение встречи проходило в присутствии Салеха) была достигнута договоренность о том, что президент в течение недели уходит в отставку, временно передав полномочия своему заму Абду Рабо (правая рука креатуры США, бывшего лидера Южного Йемена Али Насера Мухаммеда), и получает от оппозиции гарантии безопасности семьи и неприкосновенности финансовых авуаров и собственности. До выборов (в конце нынешнего или начале будущего года) страну возглавляет Абду Рабо.

При этом США, которые обучали и финансировали командный состав службы безопасности и сил специального назначения (а также проводили с их помощью «щекотливые» спецоперации) с прицелом на их борьбу с исламистами, и прежде всего с «Аль-Каидой», настояли на том, чтобы все руководство этих спецслужб оставалось на своих постах. Некоторые аналитики считают, что главная причина в том, что эта категория лиц «слишком много знает о тех самых щекотливых спецоперациях» и, будучи обижена, вполне способна устроить скандальный «арабский Викиликс»[292].

В ходе описанной встречи А.Салех обещал, что в течение недели выступит по телевидению с обращением к нации и объявит о своей отставке. Однако, вернувшись во дворец, он вместо объявления об отставке выдвинул сводному брату Мохсену и его частям ультимативное требование капитулировать и сдать оружие, а в случае отказа пригрозил авиационной бомбежкой баз армии и площадей в Сане, заполненных демонстрантами[293].

27 марта боевики «Аль-Каиды» захватили портовый город Джаар на юге Йемена, а также расположенный рядом с городом завод по производству боеприпасов (в основном – патронов к автоматам Калашникова). В ходе разграбления завода на нем произошел взрыв, в результате которого погибли около 150 человек[294].

1 апреля президент Салех обратился в Сане к молодежи, общественным и политическим деятелям, старейшинам племен с призывом создать политическую партию и выработать свои требования, а не оставаться «в плену повестки дня» оппозиционной «Лика Муштарака». Оппозиция ответила массовыми протестами.

4 апреля бывший советник президента США по нацбезопасности Джим Джонс в комментарии CNN по ситуации на Ближнем

Востоке и в Северной Африке заявил, что дальнейшая дестабилизация Йемена *«может привести к тому, что йеменская территория станет базой Аль-Каиды»*.

В этот же день в Таизе произошла крупнейшая стычка между демонстрациями противников и сторонников Салеха, погибли 16 человек, более сотни были ранены. В этот же день The New York Times сообщила, что США уже неделю ведут с президентом Салехом секретные переговоры о его *«уходе от власти и передаче полномочий вице-президенту в интересах последующего проведения выборов и политических реформ»*. 5–7 апреля столкновения сторонников и противников Салеха продолжились с участием полиции и в Таизе, и в Сане[295].

8 апреля президент Салех выступил перед сторонниками на центральной площади Саны с ответом на заявленные 7 апреля предложения Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) немедленно оставить власть в обмен на иммунитет от судебного преследования для себя и семьи. Салех заявил, что готов к переговорам с оппозицией, но отвергает любое посредничество других стран как грубое вмешательство в национальную политику: *«Мы получили нашу власть от власти нашего великого народа, а не от Катара или кого-либо еще...»*[296]. И в этот же день в Таизе в ходе разгона оппозиции верными Салеху частями было убито 4 и ранено около 400 демонстрантов, что вызвало 9 апреля еще более мощные оппозиционные выступления по всей стране[297].

11 апреля канцелярия президента Йемена выпустила заявление, в котором выражается согласие А.Салеха с планом ССАГПЗ: он передает власть вице-президенту, а правительство формируется оппозицией. Однако на сей раз протест выразила оппозиция, которую не устраивает пункт плана о гарантиях Салеху иммунитета от судебного преследования[298].

В последующие десять дней в Йемене шли «бои местного значения» между войсками, верными А.Салеху, и отрядами и отдельными боевиками оппозиции. И одновременно при посредничестве ССАГПЗ и США шли «челночные» переговоры между представителями оппозиции и А.Салеха.

В итоге семь ведущих оппозиционных партий выпустили совместное заявление о том, что согласны на реализацию предложенной ССАГПЗ «дорожной карты», по которой, в обмен на пре-

кращение оппозиционных акций и предоставление А.Салеху и его семье иммунитета от судебного преследования, президент в течение 30 дней передает свои полномочия вице-президенту, генералу Абдераббу Мансуру Хади, и формирует «правительство национального единства» во главе с лидерами оппозиции[299]. Для решения А.Салеху в этом заявлении отводился срок до 22 апреля.

22 апреля президент А.Салех и правящий «Всеобщий народный конгресс» объявили, что принимают эту «дорожную карту»[300]. Но одновременно ряд радикальных оппозиционных партий и объединений сообщили, что никакого судебного иммунитета Салеха и его семьи не признают и что Салех должен непременно предстать перед судом.

И тогда 24 апреля А.Салех в интервью BBC заявил, что не видит в стране человека, которому можно передать власть и который прекратит хаос, а мятежникам передавать власть не намерен. И что поэтому готов уйти только после проведения в Йемене, в соответствии с Конституцией, всенародных демократических выборов, на которые он готов пригласить международных наблюдателей[301]. После чего в Йемене вновь развернулись полномасштабные «боевые действия» между силами А.Салеха и отрядами оппозиции, и вплоть до 30 апреля из страны каждый день поступали сообщения о крупных перестрелках и многочисленных жертвах.

А 1 мая Совет сотрудничества арабских стран Персидского залива (ССАГПЗ) сообщил, что намеченная на этот день церемония подписания в Эр-Рияде соглашения о передаче власти президента Йемена Али Абдаллы Салеха в рамках «дорожной карты» ССАГПЗ отложена в связи с отказом Салеха подписать документ[302].

Но, даже если Салех действительно уйдет с президентского поста, это вовсе не означает близких перспектив разрешения политического кризиса в Йемене. Создать устойчивую власть, устраивающую все конфликтующие в стране кланы, принципиально невозможно: обиженных лидеров будет много, и каждый из них имеет не только большие амбиции, но и сильные группы влиятельных и хорошо вооруженных сторонников. Причем сторонников, умеющих воевать и готовых воевать с кем угодно и где угодно за очень умеренную плату.

Вдобавок Йемен – один из крупнейших мировых рынков нелегальной торговли оружием, причем не только стрелковым, но и тяжелым. Этим бизнесом в стране занимается почти каждый из

лидеров племенных кланов и губернаторов провинций, и смена власти в стране наверняка будет означать крупные конфликты за передел оружейного рынка. Наконец, южный Йемен – это не только основная зона деятельности «Аль-Каиды на Аравийском полуострове», но и важнейшая зона контроля морских коммуникаций через Аденский залив, Баб-Эль Мандебский пролив и Красное море, где проходит около 50% мирового балкерного транзита, около 30% мировых контейнерных перевозок и почти четверть морских танкерных перевозок нефти[303].

Откол мятежных провинций Севера не может не инициировать активизацию шиитского протеста как в Саудовской Аравии, так и в других странах Залива. Особенно если этой активизации протеста поспособствует Иран.

А откол шафиитских провинций Юга неизбежно укрепит там и без того очень сильные позиции «Аль-Каиды» и «родственных» радикальных организаций. Что, с одной стороны, скачком поднимет масштабы «экспорта» из региона боевиков на все мировые «фронты джихада» и, с другой стороны, расширит уже вполне налаженные связи исламских радикалов Йемена с их собратьями на Африканском роге (в Сомали и Эритрее). А значит, вполне вероятно, придаст нынешнему сомалийскому морскому пиратству в этом районе Индийского океана, включая Аравийское море, совершенно новое «террористическое» измерение.

Турция

Турция раньше других стран и по сугубо внутренним причинам, без существенных внешних воздействий, вступила на путь «политической исламизации». Причем эта исламизация, проводимая после почти века секулярного кемализма, ведется далеко не радикально, с оглядкой на сдерживающие факторы влияния военной элиты, модернизационного светского национализма и пантюркизма. И потому нынешние «революционные эксцессы», охватившие большую часть исламского мира, страну практически не затронули.

Дорогу для политической исламизации Турции открыли все более сомнительные перспективы реализации инициированного кемалистами курса на включение страны в Евросоюз. Это одна из важнейших причин, по которой в ситуации военной операции против Ливии Турция достаточно однозначно самоопределилась

(правда, вместе с Германией) против большинства стран-членов НАТО[304].

При этом Турция все более активно включается в процесс поиска компромисса и политического урегулирования в Ливии, в этом смысле отчетливо противопоставляя себя «дохийской» контактной группе по Ливии, в которой главную роль играет Катар[305]. Одновременно Турция довольно жестко противостоит Саудовской Аравии и «пулу» западных стран в их попытках довести до революции «египетского формата» антивластные протестные эксцессы в Сирии[306].

Череда «исламских революций» ставит перед Анкарой острые стратегические вопросы. В условиях почти неизбежного после «исламских революций» суннитского радикального «дранга» «полусветская» Турция практически не имеет шансов на идеологическое лидерство в исламском мире. В то же время новый расклад ориентаций в мировой умме (прежде всего, резкое повышение в ней градуса конфликтности суннитского большинства с шиитским Ираном и полушиитской Сирией) проблематизирует выстраиваемый Анкарой в последние годы союз с Тегераном и Дамаском и вызывает дополнительные сложности в решении «курдской проблемы». (Отметим, что после недавних очередных массовых курдских волнений на востоке страны и в Стамбуле Высший избирательный совет Турции 22 апреля принял решение о допуске курдов к участию в предстоящих в июне 2011 г. парламентских выборах[307].)

Внешнеполитический раздел программы правящей Партии справедливости и развития до 2023 г., которую премьер Реджеп Тейип Эрдоган обнародовал 16 апреля к предстоящим выборам, имеет говорящее название «Государство-лидер»[308]. В качестве внешнеполитических приоритетов ПСР в программе названы и вхождение в ЕС, и особое внимание к проблемам проживающих в Европе турок и родственных народов, помогающее их интеграции в европейское общество, но «*предотвращающее ассимиляцию*», и укрепление сотрудничества с США, и *«удовлетворение законных требований народов Ближнего Востока и Балкан»* средствами дипломатии и переговоров, и развитие позитивной динамики отношений с Россией, и создание нового формата отношений с тюркскими республиками[309].

В том, что касается «западного» и «исламского» векторов в этой внешнеполитической стратегии, возможности их успешной реа-

лизации в новой мировой ситуации вызывают определенные сомнения. В этих условиях нельзя исключать, что одним из основных акцентов во внешнеполитической стратегии Турции может стать возобновление конкуренции с Саудовской Аравией и Пакистаном за «исламское окормление» России и постсоветского тюркского ареала. Что не может не затронуть – причем самым непосредственным и болезненным образом – жизненно важные интересы России.

Иран

Попытки «твиттерных бунтов» в Иране, предпринимаемые уже более года, пока что никаких серьезных политических подвижек в стране не вызвали, хотя протестные выступления оппозиции в стране с момента начала «революций» в Тунисе и Египте приобрели вполне регулярный характер.

Крупные манифестации (власти утверждают, что с вооруженным участием запрещенной «Организации моджахедов иранского народа») с двумя убитыми, в том числе полицейским, и множеством раненых прошли 15 февраля в Тегеране[310]. Очередные попытки организовать через Facebook крупные протестные марши 22 февраля и 4 марта были пресечены полицией.

Власть реагирует на уличные эксцессы с привычной жесткостью, хотя и последовательно сохраняет все основные формальные атрибуты светской демократической государственности.

При этом протестные выступления в странах Залива в последние месяцы сопровождаются нарастающими обвинениями Тегерана во вмешательстве во внутренние дела монархий Залива со стороны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) и США. Так, глава Пентагона Р.Гейтс во время визита в Бахрейн 12 марта еще признавал, что США неизвестны факты такого вмешательства[311]. Но уже 15 апреля госсекретарь США Х.Клинтон заявила, что Иран пытается извлечь выгоду из восстаний в арабских странах и использовать эти волнения в собственных интересах. А 18 апреля ССАГПЗ в официальном заявлении призвал Совет безопасности ООН *«остановить вмешательство Ирана во внутренние дела стран-участниц организации»*[312].

Сравнительно новым процессом (который, как утверждают некоторые эксперты, в последнее время на фоне этих обвинений отчетливо проявляется в Иране) является укрепление союза между «ми-

литаристской» частью элиты – в лице лидеров Корпуса стражей исламской революции – и влиятельными группами духовенства Кума. Утверждается, что и те, и другие категорически не приемлют как попыток расширения демократии в западном духе, так и попыток ортодоксальных аятолл полностью определять внутреннюю и внешнюю политику в духе неукоснительного следования нормам шариата, тормозя технологическую и экономическую модернизацию страны.

В связи с этим нельзя не обратить внимание на то, что ряд депутатов парламента Ирана объявил об инициировании процедуры импичмента президента Махмуда Ахмадинежада. Британская пресса считает, что причина – в нарастающем конфликте между президентом и верховным лидером Ирана аятоллой Али Хаменеи, связанном с недовольством Хаменеи кадровой политикой Ахмадинежада[313]. Однако осведомленные эксперты убеждены, что природа этого конфликта именно в существенно разных представлениях об основных направлениях и перспективах развития страны в различных фракциях «ядра» религиозной верхушки Ирана.

Ирак

Серия «революций» в Тунисе, Египте и так далее мгновенно и скачкообразно обострила политическую и террористическую ситуацию в Ираке. И в «суннитском треугольнике», и в регионах шиитского большинства, и в Иракском Курдистане ширятся крупномасштабные акции протеста с социально-экономическими и политическими требованиями.

На осенние заявления руководства США о принципиальном снижении террористической активности в стране как главном основании для окончательного вывода из Ирака войск коалиции оппозиция ответила волной терактов, по масштабам и последствиям сравнимых с наиболее острым периодом терроризма трех–четырехлетней давности. Одна из самых крупных акций последнего времени – захват 29 марта террористами из местной группы «Аль-Каиды» здания городской администрации в Тикрите, в результате которого погибло 65 и ранено более 100 человек[314].

Одновременно усилились противоречия внутри иракской власти, что уже ставит под сомнение устойчивость правительства страны, созданного совсем недавно и с большим трудом.

7 апреля в Багдад прибыл, после консультаций в Эр-Рияде, глава Пентагона Роберт Гейтс. И поставил перед правительством

Нури аль-Малики вопрос о возможности продления военного присутствия США в Ираке после 2011 г. Гейтс получил аккуратный, но недвусмысленный отказ: иракское руководство заявило, что *«в сложившихся условиях на этот шаг пойти не может»*[315]. 27 апреля премьер Ирака аль-Малики дал на предложение подписать с США дополнительный договор о продлении американского военного присутствия в стране такой же ответ: *«У нас на сегодня действует только одно соглашение с Соединенными Штатами, и никаких новых договоренностей, в частности о продлении американского военного присутствия в Ираке, не планируется»*[316].

Если в Багдаде в перспективе ближайших месяцев не произойдет очередной политический кризис со сменой власти, это решение иракского правительства будет означать вывод войск коалиции в условиях, когда достижение главных объявленных целей многолетней войны «провалено с треском». Что будет воспринято как поражение «неверных» (прежде всего США) и победа ислама всеми без исключения конфессиональными группами мировой мусульманской уммы и всеми опирающимися на нее политическими силами.

Включая соседний Иран.

Афганистан

После недолгих недавних попыток американского руководства коалиции поспособствовать примирению правительства Хамида Карзая с непокорными правителями губерний и полевыми командирами, объявив талибов, в отличие от «Аль-Каиды», умеренными и договороспособными партнерами власти, военные и террористические действия в Афганистане резко активизировались синхронно с арабскими «революциями».

По данным командования НАТО, потери среди мирного населения на юго-востоке Афганистана в феврале–марте 2011 г. увеличились в 4,3 раза по сравнению с аналогичным периодом 2010 г.[317] Причем террористическая активность оппозиции в Афганистане резко усилилась после произошедшей 20 марта провокации в США, где флоридский пастор Терри Джонс и его последователь и соратник Уэйни Сепп провели публичную акцию с сожжением Корана[318].

29 марта боевики-талибы в количестве около 300 человек после короткого боя с полицией захватили уезд Ваигал в провинции Нуристан[319].

2 апреля в одном из ранее наиболее спокойных мест страны – г. Мазари-Шарифе (провинция Балх) – манифестанты напали на миссию ООН, убив 7 сотрудников (причем у двух из них были отрезаны головы) и еще 12 ранив[320]. В этот и последующие дни крупные манифестации протеста «против неверных, глумящихся над святыней ислама», происходили со стрельбой и многочисленными жертвами в Герате, Кабуле, Кандагаре, Джелалабаде и в других городах страны.

В результате, как сообщило РИА Новости, только в Кандагаре число жертв беспорядков превысило 100 человек, в больницы попало множество раненых, в том числе детей.

Тем не менее 15 апреля президент США Б.Обама официально подтвердил планы вывода из Афганистана значительной части военного контингента НАТО уже в июле 2011 г.[321]

Но уже 16 апреля в Афганистане произошел очередной крупный теракт смертника в штабе сил коалиции в Нангархаре на востоке страны[322]. 18 апреля большая группа талибов попыталась взять штурмом с использованием тяжелого и стрелкового оружия здание Министерства обороны Афганистана в Кабуле, где шли переговоры министров обороны Афганистана и Франции с американскими генералами, были убиты 2 и ранены 7 афганских военнослужащих[323].

21 апреля при подрыве на мине бронеавтомобиля погиб один и были ранены 9 французских военных. В этот же день при взрыве в центре Джелалабада погибли три и были ранены 6 преподавателей полицейской академии[324]. 22 апреля боевики сожгли на севере страны колонну бензовозов группы снабжений войск НАТО. 23 апреля талибы подвергли ракетному обстрелу военную базу НАТО на аэродроме Таринкот в провинции Урузган. В этот же день они сбили вертолет НАТО в провинции Каписа, а затем завязали бой с прибывшей на место падения вертолета поисковой группой[325].

25 апреля из тюрьмы в Кандагаре через проделанный снаружи подкоп длиной 320 м сбежали около 540 заключенных, в том числе более ста полевых командиров и боевиков талибов[326]. 27 апреля в аэропорту Кабула афганский военный пилот Ахмад Гюль расстрелял девятерых американских военнослужащих НАТО[327], причем талибы сразу объявили, что Гюль – член их движения, который давно искал возможность подобраться близко к оккупантам и им отомстить.

30 апреля движение «Талибан» объявило, что с 1 мая начинает свое «весеннее наступление» против войск НАТО, национальных служб безопасности и правительственных чиновников. В заявлении талибы советуют простым афганцам избегать мероприятий, проводимых правительством, и не находиться вблизи объектов войск коалиции, чтобы не пострадать в ходе планируемых нападений[328]. А 2 мая, после объявленного убийства бен Ладена, талибы заявили, что жестоко отомстят неверным за эту акцию.

В таких условиях подтверждение планов командования коалиции начать вывод войск из Афганистана большинство экспертов рассматривает как симптом очередного провала американской глобальной политики, завершающегося бегством. Нет сомнения, что такой исход многолетней войны (крупнейшее поражение «Большого шайтана», как называют США исламские радикалы, вослед за предыдущим поражением здесь же советского «Малого шайтана») вызовет в мировом исламе чрезвычайно мощный всплеск «победной» политической активности.

А поскольку в Афганистане эту активность «окормляют» именно талибы и «Аль-Каида», давно наладившие прочные коммуникации с исламскими радикалами в Ферганской долине и китайском Синьцзяне, уже ближайшим летом, когда откроются тропы через горные перевалы, вполне вероятны попытки «перебросить пламя исламских революций» в регионы постсоветских республик Средней Азии и Китая.

Пакистан

Смещение по инициативе США «ради установления демократии» правительства Первеза Мушаррафа, имевшего прочную поддержку в армии и спецслужбах, а также осторожно, но достаточно активно и продуманно боровшегося с радикальной исламской оппозицией и мятежными племенами, дестабилизировало и резко осложнило политическую ситуацию в Пакистане. Слабое (и, как утверждают эксперты, еще более коррумпированное, чем прежнее) правительство Али Зардари в отношении противостояния радикальной исламской угрозе оказалось гораздо менее дееспособно.

В результате у войск коалиции в Афганистане начали все чаще возникать как проблемы со снабжением (нападения боевиков на грузовые караваны на маршрутах доставки из Карачи в Афганис-

тан), так и проблемы с прорывами боевиков из пакистанского Вазиристана в Афганистан.

Одновременно участившиеся удары американских беспилотников по пакистанским базам исламских радикалов настраивают и элиту, и широкие массы населения в Пакистане все более антиамерикански – как потому, что являются грубейшими нарушениями суверенитета страны, так и потому, что значительная часть этих ударов «по ошибке» наносится по мирным гражданам.

Поворотным пунктом в этом обострении отношений между Исламабадом и Вашингтоном стал эксцесс 27 января 2011 г., когда американский гражданин Раймонд Дэвис на улице в Лахоре, увидев возле своей машины двух мотоциклистов-пакистанцев, застрелил их из пистолета, якобы подозревая, что они хотят его ограбить[329].

Когда Дэвиса арестовали, выяснилось, что он, хотя и назвался сотрудником консульского отдела США, въехал в Пакистан по туристической визе. Причем у него при обыске нашли оружие, детальные карты районов и городов Пакистана, фотографии ряда медресе на границе с Афганистаном, в которых велась подготовка боевиков, а также мобильные телефоны, с которых недавно были сделаны звонки абонентам в Южный Вазиристан. Как объявили пакистанские власти, расследование, проведенное полицией и спецслужбами, обнаружило, что Дэвис так называемый «контрактник ЦРУ» и что он и его группа имели более 600 контактов с учащимися медресе в зоне пуштунских племен на границе с Афганистаном, особенно с террористами, принадлежащими к движению Талибан Пакистана.

Правительство Пакистана на требования США немедленно освободить Дэвиса и позволить ему выехать из страны ответило категорическим отказом. Особое массовое возмущение вызвал тот факт, что посольство США попыталось в качестве основания для этих требований «задним числом» оформить Дэвису дипломатический паспорт и что в итоге Дэвис все-таки был выпущен в США.

Это возмущение достигло апогея, когда в марте при очередном налете американских беспилотников на поселок на северо-западе страны погибли более 40 мирных жителей, пришедших на джиргу – собрание старейшин местных племен[330].

Однако «каплей, переполнившей чашу», стало появление в начале апреля доклада Госдепа США Конгрессу, в котором утверждалось, что власти Пакистана не проявляют достаточной актив-

ности в борьбе против талибов и ликвидации на территории страны боевиков «Аль-Каиды». Поскольку в Пакистане после эксцесса с Дэвисом очень многие приобрели уверенность в том, что именно американская агентура занимается «подпиткой» талибов и «Аль-Каиды», после выхода указанного доклада руководство Объединенного разведуправления Пакистана ОРУП (бывшая Межведомственная разведка) заявило о «временном замораживании» своего взаимодействия с ЦРУ[331].

Причем сразу же после этого «разрыва» с американцами пакистанские войска провели успешную операцию против боевиков-талибов в приграничном с Афганистаном районе, уничтожив при воздушной поддержке вертолетов и самолетов 54 террориста и при этом потеряв всего трех военнослужащих[332] . И тем самым как бы показав, что «без сомнительной поддержки США и ЦРУ» война с террором получается гораздо лучше.

11 апреля «мирить» ОРУП с ЦРУ прилетел премьер Великобритании Дэвид Кэмерон в сопровождении глав военного ведомства и MI-6 Д.Ричардса и Дж.Соэрса. Кэмерон заверил, что *«...будет усилена борьба, направленная на срыв активности террористических групп... Это означает, что экстремистская идеология, которая бросает нам вызов, требует укрепления сотрудничества между нашими разведывательными ведомствами»*[333]. Но в это время Леон Панетта уже принимал в штаб-квартире ЦРУ в Лэнгли главу ОРУП Ахмада Шуджа Пашу[334].

Будут ли успешными эти переговоры и насколько они способны восстановить отношения между Вашингтоном и Исламабадом, покажет будущее. Поскольку, как сообщила The New York Times, пакистанские разведчики потребовали от американцев ограничить использование боевых беспилотников, сократить масштабы разведопераций в Пакистане на 25–40%, а также убрать из страны 335 сотрудников ЦРУ[335].

Пока же войска коалиции в Афганистане испытывают все больше трудностей со снабжением и материальной поддержкой, идущей транзитом через Пакистан (не случайно обращение НАТО к России и республикам Средней Азии с просьбой обеспечить альтернативный «северный» транзит для грузов коалиции).

23 апреля США дали Пакистану очередной повод для возмущения – боевые американские беспилотники ракетным ударом уничтожили в Северном Вазиристане 25 человек, в том числе двух

женщин и трех детей[336]. В этот же день террорист-смертник взорвал себя возле машины главы местной милиции по борьбе с Талибаном Малика Хана, погибли сам Хан и четверо его сопровождавших, 5 человек были ранены[337].

25 апреля неизвестные байкеры сожгли заживо в туристическом автобусе на стоянке у гостиницы в г. Стиби в Белуджистане 15 человек, включая женщин и детей. А 26 апреля в Карачи были взорваны еще два автобуса с военнослужащими ВМС Пакистана, погибли три человека, были ранены более тридцати[338].

Одновременно «пакистанская улица» постепенно воодушевляется примером «арабских революций» и все более радикализуется в исламистском и антиамериканском векторе.

Новый и чрезвычайно мощный импульс этому процессу придала операция специальных сил США по уничтожению Усамы бен Ладена, проведенная 1 мая втайне от руководства Пакистана буквально в центре страны, в Абботтабаде недалеко от Карачи. По всему Пакистану после этой операции «вспухают» очень резкие и нарастающие по массовости акции протеста с типичными лозунгами «Смерть Америке» и сожжениями американского флага[339]. Причем, по оценкам ряда экспертов, этот процесс все глубже затрагивает армию.

А это уже сильно беспокоит очень и очень многих в мире. Только в марте–апреле 2011 г. армия Пакистана провела успешные испытания двух типов баллистических ракет малой дальности «Хатф-11» и «Хатф-9», способных нести ядерную боеголовку. А 30 апреля в Исламабаде объявили, что успешно проведено еще одно испытание – крылатой ракеты воздушного базирования «Хатф-8», которая способна нести ядерную боеголовку на дальность до 350 км, огибая неровности рельефа на сверхмалых высотах, недоступных для обнаружения наземными радарами[340].

Перечисленное все более тревожит многих «близких и дальних соседей» Пакистана. Поскольку одновременно с исламской радикализацией армии в стране наращивается система внутривластных конфликтов между административной и судебной властью, армией и спецслужбами, и усиливается, в дополнение к проблемам во всегда мятежной «зоне племен», активность исламских радикалов в Панджабе, а также сепаратистов в Белуджистане и Синде.

Все, кто это наблюдает, понимают, насколько серьезные последствия, далеко выходящие за сугубо региональные рамки, мо-

жет вызвать провоцируемое описанными процессами снижение системной устойчивости пакистанской государственности.

Судан

Судан находится под режимом международных санкций «за геноцид в Дарфуре», который был признан «международным сообществом» почти по такой же модели, как в Ливии, то есть с голоса оппозиции, правозащитников и западных СМИ, без серьезного объективного разбирательства. Это существенно усложнило социально-экономическую ситуацию в стране в условиях мирового повышения цен на продовольствие.

30 января в Хартуме прошла манифестация студентов университетов, требовавших отставки правительства, которую быстро разогнала полиция. Других крупных оппозиционных выступлений в стране на фоне «арабских революций» не происходило. Более того, президент Омар аль-Башир приветствовал «протест египетского народа против прогнившего режима Мубарака» на каирской площади Тахрир, хотя при этом приказал в очередной раз «превентивно» арестовать своего бывшего союзника и председателя парламента, а ныне главного радикально-исламского оппонента Хасана ат-Тураби[341].

Однако острота внутриполитических сепаратистских конфликтов в Судане от этого никуда не исчезла.

Продолжается противостояние в Дарфуре, где в рамках так называемого «дохийского процесса примирения» кланово-племенные вожди нескольких «освободительных армий» борются (в том числе вооруженными методами) за власть и за будущую конфигурацию деления региона на провинции между своими племенами. Накал этой борьбы в последние месяцы резко усилился, поскольку правительство в связи с проблемами в Южном Судане вывело из региона значительную часть войск, а в Дарфур после разграбления складов оружия в Ливии мятежниками Киренаики начали поступать крупные партии вооружений и боеприпасов.

Гуманитарная катастрофа в Дарфуре при этом только усугубляется, поскольку находящаяся в лагерях беженцев под эгидой гуманитарной миссии ООН «ЮНАМИД» огромная масса людей неуклонно деградирует и криминализуется. В том числе занимается взаимными бандитскими налетами и похищениями сотрудников ООН с целью получения выкупа, а также фактически создает в лагерях собственные «администрацию и полицию» криминальных племен-

ных авторитетов, управляющие распределением гуманитарной помощи, которые иногда просто не допускают в эти «временные города беженцев» официальных представителей ООН.

Еще более острая ситуация – в Южном Судане. Там на прошедшем в январе 2011 г. референдуме почти 100% участников проголосовало за независимость, окончательное объявление которой намечено на 9 июля[342]. Однако до этого момента нужно решить несколько важнейших проблем:

– определиться с разделом нескольких «спорных» провинций на стыке Северного и Южного Судана (Абъей, Голубой Нил и Южный Кордофан) и вопросом о гражданстве населения частей разделенного Судана на переходный период;

– договориться о разделе доходов от экспорта добываемой в регионе нефти (в Южном Судане находится более 70% разведанной в стране нефти, около 6 млрд. барр.), а также о разделе госдолга;

– остановить начавшуюся сразу после референдума гражданскую войну между вооруженными формированиями политических сил и племен Юга.

Последнее, видимо, наиболее трудно. Дело в том, что одна из самых нефтеносных территорий региона, Абъей, является давней зоной соперничества между рядом племен, основными из которых являются негроиды динка и арабы миссерия. Причем политические руководители Юга в его столице Джубе уже за год до референдума начали созывать на территорию сотни тысяч динка, живущих и работающих на Севере. А центральная власть в Хартуме ответила строительством в Абъей множества поселков (как правило, вблизи нефтепромыслов) для кочевников-миссерия.

В начале марта за два дня боев между ополчениями миссерия и динка погибло более 70 человек[343] . В эти же дни в южной провинции Джонглеи около 40 солдат южносуданской армии погибли в боях с мятежниками проигравшего выборы в этой провинции генерала Джорджа Атора. И в эти же дни более 70 человек погибли в боях между южносуданской армией и мятежниками в провинции Верхний Нил.

Правительство Южного Судана обвинило в провоцировании всех этих восстаний президента Судана Омара аль-Башира и 12 марта объявило, что приостанавливает переговоры с Хартумом о разделе страны[344].

17 марта Джуба сообщила, что начались крупные боевые столкновения мятежников с регулярной армией в нефтяном районе Майом провинции Единство, а также в провинции Верхний Нил и что при этом убиты 70 боевиков и 35 солдат правительственных войск.

29 марта власти Джубы сообщили, что сразу несколько движений мятежников начали против правительственных войск «минную войну». А 30 марта командующий миссией ООН в Судане генерал Мосеса Оби заявил: миссия имеет доказательства того, что и Хартум, и Джуба поставляют оружие «дружественным» группировкам в Абъей и что обстановка в провинции «*в любой момент может стать критической*»[345].

Однако многие эксперты считают, что эта ситуация уже стала «закритической», причем не только в штате Абъей. Мелкие стычки в Южном Судане между различными племенными группами и «осколками» Народной армии освобождения Судана (SPLA) происходят практически каждый день, крупные боестолкновения – не менее раза в неделю. Так, в бою в штате Эль-Вахда 20 апреля погибли 31 человек, несколько десятков были ранены. А только в течение следующей недели, до 27 апреля, в междуусобных боях в Южном Судане погибли еще более 180 человек[346].

При этом основные акценты конфликта в апреле сместились в Южный Кордофан, где из-за конфликта между племенами Нуба и Миссерия были отложены прошлогодние выборы (они должны начаться 5 мая). Аранжировка выборной кампании – сожженные деревни и десятки жертв, в которых стороны обвиняют не только друг друга, но и «руку Хартума».

На таком вот фоне в Южном Судане возникла еще одна военно-политическая сила – группировка «Суданская армия освобождения народа» (САОН) во главе с одним из героев и ветеранов освободительной войны против Хартума, генералом Петером Яаком. Под политической программой САОН, которую П.Яак обнародовал 11 апреля (программа требует свергнуть президента Южного Судана Салву Киира и создать новое коалиционное правительство с участием всех партий), уже подписались несколько популярных генералов южносуданской армии и влиятельных политиков.

В результате с середины апреля южносуданская армия ведет боевые действия сразу с семью повстанческими группировками

(три из них достаточно крупные и возглавляются влиятельными и популярными генералами), регулярно обвиняя в их создании Хартум[347]. Число жертв этой войны исчисляется, как минимум, несколькими сотнями человек. Причем с каждым днем становится все яснее, что дело не в «зловещей руке Хартума» (который, конечно же, использует в своих целях южносуданские распри), а в том, что нарастают межклановые конфликты внутри «стержневой» для новообразованного государства племенной группы Динка.

Одновременно между Хартумом и Джубой уже идут все более яростные споры о том, сохранится ли после раздела страны старый принцип распределения дохода от нефтеэкспорта 50/50% или же, как требует Южный Судан, он будет получать от него «львиную долю». Одновременно в Джубе заявляют, что планируют привлечь иностранные инвестиции для строительства на Белом Ниле серии гидроузлов для собственного обеспечения электроэнергией, а также для ее экспорта. Но это наверняка резко снизит сток Нила и в Судан, и в находящийся ниже по течению Египет, что катастрофически обострит и без того очень болезненную для Хартума и Каира проблему водного дефицита в этих пустынных странах. Особенно с учетом того, что аналогичные программы крупного гидростроительства на Голубом Ниле в ближайшее время планирует развернуть Эфиопия.

Наконец, еще одна «тектоническая подвижка» в регионе связана с тем, что Китай, который контролирует в Южном Судане почти половину нефтепромыслов и получает отсюда около 6% своего совокупного нефтяного импорта, уже обсуждает вопрос о прокладке альтернативы существующему нефтепроводу в Порт-Судан – трубы через Кению. Поскольку это может стать почти смертельным ударом по экономике Судана, то в Южном Судане и в Кении в случае попытки реализации такого проекта наверняка развернется очередная «нефтяная война», которая не может не затронуть (в силу «племенного родства» заинтересованных групп по обе стороны границ) южных соседей Судана, Уганду и ДРК, и способна спровоцировать здесь новые вооруженные конфликты.

Вполне возможная в ходе перечисленных процессов дестабилизация Судана неизбежно вновь выведет «на поверхность» традиционных радикально-исламских политических и властных оппонентов Омара аль-Башира из «Аль-Каиды», «Братьев-мусульман» и суфийских орденов. Наложившись на племенные войны и

сепаратизм на Юге, Западе (Дарфур) и Востоке страны, а также на вполне вероятную исламскую радикализацию в Египте и Ливии, это не может не вызвать «домино» дестабилизации не только в глубоко исламизированном Чаде, но и в христианской Эфиопии.

В любом случае, описанные процессы в Судане, при их дальнейшем развитии, вполне способны разжечь новые крупные военно-террористические «пожары» в огромном (и перманентно конфликтном) регионе Африки.

Сомали

Сомали уже около 20 лет, после распада в 1991 г., – фактически «несостоявшееся государство», непрерывно раздираемое войнами между крупнейшими племенными кланами и субкланами. Единственная относительно успешная попытка восстановить сомалийскую государственность произошла в 2005–2006 годах, когда религиозные лидеры одного из крупнейших племен – Хавийе – объявили органом власти исламские суды, управляющие обществом по законам шариата. А затем быстро прекратили, с использованием военных формирований судов, бандитский «беспредел» клановых ополчений и фактически объединили все центральные и южные территории страны, кроме отколовшихся самопровозглашенных Сомалиленда и Пунтленда на Севере. И создали единую политическую власть в виде Союза исламских судов[348] .

При этом относительно умеренные лидеры Союза исламских судов, за несколькими исключениями, решительно отказывались от поддержки зарубежных исламских радикалов, включая «Аль-Каиду». Однако они предъявили притязания не только на «отколовшийся» Север, но и на часть территорий соседней Эфиопии, населенную сомалийцами. В результате в декабре 2006 г. эфиопская армия, при поддержке США, вторглась в Сомали, разгромила легковооруженные отряды Союза исламских судов и поставила в Могадишо марионеточное правительство, которое, ввиду отсутствия реального политического авторитета, быстро ввергло страну в прежний хаос клановой «войны всех против всех»[349].

И тогда же в Сомали, на фоне растущей ненависти к христианским эфиопским захватчикам в мусульманской стране, на политическую авансцену вышли такие наиболее радикальные исламские лидеры, как глава организации «Аль-Шабааб» шейх Аден Хаши Айро, которые быстро наладили связи с «Аль-Каидой». Причем

если сначала основное взаимодействие шло с йеменской «Аль-Каидой на Аравийском полуострове» и затем с «Аль-Каидой в странах Магриба», то вскоре «Аль-Шабааб», по данным военных источников, в значительной мере переориентировалась на «Аль-Каиду в Пакистане». И именно в этот период вокруг Африканского рога скачком возросла активность сомалийского морского пиратства[350].

Сейчас центральное правительство Сомали в реальности контролирует лишь отдельные кварталы столицы Могадишо. Юг и юго-запад страны находятся под властью отрядов исламских боевиков из «Аш-Шабааб» и еще одной радикальной группировки, связанной с египетскими «Братьями-мусульманами», но в последнее время практически объединяющейся с «Аш-Шабааб», – «Хизб-уль-Ислами». Против них на стороне правительства сражаются около 8 тысяч солдат-миротворцев миссии «АМИСОМ» Африканского союза (в основном из Уганды и Бурунди), отряды суфийского движения «Ахлу Сунна валь Джамаа», а также немногочисленные группы племенных ополчений[351].

До недавних пор между этими двумя противоборствующими силами сохранялся относительный военный паритет, в рамках которого они то завоевывали, то сдавали очередные районы и города, но ни одна из сил не получала решающего перевеса. В октябре 2010 г. Африканский союз потребовал от ООН принятия решения о морской и воздушной блокаде Сомали, которая должна была прервать контрабандную торговлю «Аль-Шабааб» через порт Кисмайо, а также прекратить поставки исламским боевикам вооружений и боеприпасов[352]. Однако такое решение ООН принято не было. С ноября 2010 г. влияние центрального правительства в Могадишо дополнительно резко снизилось в результате назначения премьер-министром Мохамеда Абдуллахи Мохамеда, имеющего как сомалийское, так и американское гражданство.

А с начала 2011 г., на фоне домино «исламских революций», наметилось ослабление потенциала войск АМИСОМ в Сомали (включая перебои в финансировании и снабжении), при одновременном росте потока вооружений из Йемена для «Аш-Шабааб».

В конце января 2011 г. на саммите Африканского союза в Аддис-Абебе председатель Комиссии АС Жан Пинг констатировал провал миссии переходного правительства Сомали, которое *«не*

смогло установить свой контроль на всей территории страны, равно как не выполнило своих обязательств»[353].

14 февраля духовный лидер «Аш-Шабааб» Шейх Джамаа Абдусалам призвал сомалийцев восстать по примеру Туниса и Египта против правительства страны, поддерживаемого Западом.

20 февраля в столице Могадишо прошли несколько боев между отрядами «Аш-Шабааб» и войсками АМИСОМ. Миротворцы объявили о гибели более 20 человек – мирных жителей, двух своих солдат, а также шести боевиков-исламистов из Пакистана, Йемена, Сирии, Кении, Индии[354].

28 февраля «Аш-Шабааб» пригрозило нанести удар по Кении, обвинив ее в подготовке солдат для правительства Сомали в Могадишо.

В марте в результате боев в центральных регионах Сомали «Аш-Шабааб» существенно расширила зону своего контроля в стране.

А 3 апреля 2011 г. в столице Кении Найроби было торжественно объявлено о возникновении на территории Сомали еще одного нового государства – Азания[355]. Государство создается в южных провинциях Сомали, на границе с Кенией, и призвано стать для Кении своего рода «буфером» от непосредственных контактов с сомалийскими исламскими радикалами. Президентом Азании объявлен бывший министр обороны Сомали Мохаммед Абди Ганди, который тут же провозгласил своей целью борьбу с «Аль-Шабааб».

При этом можно предположить, что создание Азании – это интерес не только Кении (что очевидно из процедуры появления нового государства), но и Китая, который намерен обезопасить от давления исламских боевиков с севера свои кенийские инвестиционные проекты. И прежде всего – планируемый нефтепровод к кенийскому побережью из Южного Судана.

Однако экспертам уже известно, что «Аш-Шабааб» оказывает все более жесткое давление на подчиняющиеся клановым племенным лидерам группы сомалийских морских пиратов, требуя (в обмен на их снабжение развединформацией о проходящих судах, оружием и снаряжением) «долю» от доходов пиратского промысла. Причем это давление в апреле усилилось в связи с неуспехами попыток власти в Могадишо и ее силовой международной опоры АМИСОМ сократить сферу территориального контроля «Аш-Шабааб» в стране.

И это, скорее всего, означает, что вскоре «сомалийская пиратская проблема» гораздо более остро и серьезно затронет не только Китай, Индию, Японию и Южную Корею, которые обеспечивают свои основные потребности в импортной нефти за счет танкерного транзита через северо-западную часть Индийского океана, но и всю систему мировой морской торговли.

Иордания

Иорданское хашимитское королевство занимает особое место в ряду монархий Ближнего Востока.

Другие монархи Залива относятся к этой, наиболее древней в регионе хашимитской династии (короли Иордании ведут род от деда пророка Мухаммеда), с определенной, иногда далеко не дружественной ревностью. Особенно после того, как во время войны международной коалиции с Ираком в 1991 г. Иордания, вопреки общей позиции других монархий Залива, неявно поддержала Багдад.

Иордания, в отличие от большинства других монархий Залива, бедна природными ресурсами (за исключением фосфатов) и потому не способна обеспечивать высокое благосостояние населения за счет сырьевой ренты. С учетом большого количества иммигрантов около 25% населения живет ниже черты бедности, и около 30% населения фактически являются безработными.

Иордания испытывает в своей внутренней и внешней политике максимальный в регионе груз проблем, связанных с палестино-израильскими отношениями (после израильско-арабских войн палестинские арабы и их потомки оказались в стране крупнейшей этнической группой, составляя около 60% из примерно 6 млн. населения)[356].

Наконец, в Иорданию в ходе войны коалиции в Ираке с 2003 г. переселилось до 300 тыс. иракских беженцев, а в ходе израильско-ливанской войны 2006 г. – еще десятки тысяч беженцев из Ливана.

Устойчивость власти в Иордании, которая уже в конце 60-х – начале 70-х годов XX в. пережила фактические попытки переворота со стороны палестинцев, поддерживается, прежде всего, «полуабсолютистским» характером конституционной монархии. Король, по Конституции, верховный главнокомандующий, он же назначает Совет Министров, губернаторов провинций и всех су-

дей, а также состав Верхней палаты Национальной Ассамблеи и подписывает все принимаемые законы (его вето возможно преодолеть только голосами двух третей обеих палат парламента).

Вторая опора власти короля – коренные иорданские бедуинские кланы, представители которых занимают в стране большинство административных и государственных должностей (и получают, в сравнении с «пришлыми» палестинцами, определенные политические и экономические преференции) и которых никак не устраивает переход власти в стране к «демократии палестинского большинства». Наконец, третья опора власти в Иордании – армия и спецслужбы, «костяк» которых составляют бедуины-иорданцы, а также эмигрировавшие из России в Османскую империю еще во второй половине XIX в. черкесы и чеченцы.

Первые протестные выступления в различных районах Иордании произошли в середине января 2011 г. синхронно со стартом других «арабских революций». Протесты начались в провинции (и поначалу в них участвовало в основном племенное иорданское меньшинство), но затем быстро распространились на столицу Амман и другие города (Зарку, Ирбид, Маан, Аджлун).

Сперва основные требования протестующих были экономические (под влиянием мирового кризиса сократились переводы от иорданцев, работающих за границей, снизился приток иностранных туристов и инвестиций), но правительство, проводящее экономические реформы «монетаристского» характера, не сочло нужным поддержать привычными ранее ценовыми субсидиями упавший жизненный уровень населения. Манифестанты высказывали возмущение ростом цен на продовольствие и топливо, а также безработицей и требовали отставки премьера Самира ар-Рифаи[357].

К концу января манифестации стали и более массовыми, и более радикальными по требованиям. Протестующие несли лозунги «Предать суду коррумпированных чиновников», «Рифаи – пошел прочь»[358]. Хотя правительство объявило о выделении $550 млн. в качестве субсидий на топливо и базовые продукты питания для населения, а также подняло зарплату госслужащих, манифестации не прекращались.

1 февраля король Абдалла II отправил в отставку правительство, назначил новым премьером бывшего главу службы безопасности Маарүфа аль-Бахита и предложил посты министров представителям оппозиции, включая своих основных политических

противников из исламского блока ФИД. Однако оппозиционеры войти в правительство отказались, заявив, что готовы на это только после проведения королем политических реформ и общенациональных выборов.

Вскоре король получил резкое коллективное письмо 36 глав бедуинских племен и кланов, в котором подвергались критике проводимые правительством экономические реформы, а также супруга Абдаллы II, королева Рания Ясин. Недовольство вызывало и ее палестинское происхождение[359], и экономическая и политическая активность, противоречащая традиционным ценностям населения страны. Авторы этого письма недвусмысленно предупреждали, что игнорирование их требований может толкнуть страну на тунисский или египетский сценарий развития событий[360].

В ходе последующих манифестаций в Иордании начались крупные стычки между противниками и сторонниками власти, причем с каждым очередным пятничным «Днем гнева» требования протестующих приобретали все более острый политический характер и в целом фактически перенимали основные лозунги исламистов. 25 февраля оппозиция уже настаивала на проведении внеочередных выборов и изменении Конституции в направлении ограничения королевской власти, а начиная с 4 марта одним из основных требований манифестантов стало «реформирование режима» с его превращением в полноценную конституционную монархию.

24 марта оппозиция разбила в центре Аммана на площади Гамаля Абдель Насера палаточный лагерь, объявила о создании нового политического «Движения 24 марта» и потребовала отставки премьера М.аль-Бахита, обуздания коррупции, прекращения политических репрессий и проведения широких политических реформ. Однако через несколько часов на этот лагерь напали сторонники короля и началась драка, в ходе которой 1 человек погиб и более 100 были ранены[361].

25 марта полиция снесла палаточный лагерь оппозиционеров, а премьер М.аль-Бахита в обращении к нации по телевидению возложил ответственность за беспорядки и жертвы на исламистов: *«То, что произошло сегодня, это начало хаоса, и я предупреждаю о последствиях... Я спрашиваю вас, куда вы ведете Иорданию?»*[362]

Но в апреле протесты и столкновения протестующих со сторонниками действующей власти продолжились. Так, 15 апреля в

городах Зарка и Русейла произошли столкновения между несколькими сотнями протестующих исламистов-салафитов и сторонниками королевской власти, которые пришлось разнимать силам правопорядка[363]. Начальник королевской полиции Иордании Хусейн аль-Маджали заявил, что салафиты первыми атаковали ряды полицейских, пустив в ход кинжалы и стальные прутья, в результате 83 полицейских ранены, четверо – находятся в тяжелом состоянии[364].

И с этого же момента иорданские суннитские радикалы начали активно подключаться к наращиванию протестной напряженности в Сирии. Как утверждают военные эксперты, прежде всего, поставками в Сирию вооруженных боевиков. Однако не только этим. Усилилась антисирийская (точнее антибашаровская) пропаганда в иорданских мечетях. И, кроме того, выросла острота обвинений иорданскими исламистами власти Б.Асада и БААС «в ущемлении законных интересов иорданского народа». Возможно, именно под давлением таких «идущих снизу» требований исламистов представитель иорданского водоохранного ведомства Саад абу-Хаммур заявил о необходимости пересмотра в пользу Иордании старого соглашения с Сирией о разделе вод реки Ярмук[365].

Еще в 1945 г. прадед короля Абдаллы II разрешил египетским «Братьям-мусульманам» (БМ) создать в тогдашней Трансиордании филиал организации. В 50-х – 70-х годах XX в. дед нынешнего монарха король Хусейн успешно сотрудничал с БМ в противодействии политическому давлению националистов и светских партий, и никаких серьезных конфликтов между БМ и властью не было.

Но уже в конце 70-х – начале 80-х гг., на фоне «исламской революции» в Иране и выстраивания королем отношений сотрудничества с Израилем и Западом, отношения между БМ и монархией начали обостряться.

В 1989 г. на относительно свободных парламентских выборах БМ, используя радикально-антизападные и антиизраильские лозунги, получили 22 из 80 мест в нижней палате парламента, что не могло не встревожить монархию. Она отреагировала изменением выборного законодательства, существенно ограничившего возможности БМ.

В 1992 г. БМ создали и официально зарегистрировали партийный блок «Фронт исламского действия» (ФИД), в который было

вовлечено большинство иорданских партий и организаций с «национально-исламскими» программами и который быстро стал главной оппозиционной силой в стране. ФИД развернул в Иордании крупные благотворительные и исламские образовательные программы («фирменная» политика БМ) и стал получать все более широкую поддержку населения, прежде всего иорданских палестинцев.

В программе, которую ФИД обнародовал в 2005 г., на фоне успехов БМ на выборах в Египте и Палестинской автономии, заявлены требования превращения шариата в основу законодательства страны, изменения закона о выборах[366], а также обеспечения ответственности исполнительной власти перед законодательной властью (в том числе роспуска верхней палаты Национального собрания, члены которой назначаются королем, и формирования на основе всеобщих справедливых выборов «правительства большинства»).

Король Абдалла II ответил существенным расширением полномочий служб безопасности и новым законом, требующим разрешения министерства по делам религии на ведение проповедей и обучение Корану в мечетях.

Парламентские выборы в ноябре 2010 г. ФИД просто бойкотировал, но в январе 2011 г. включился в поддержку и организацию антивластных протестов, а к февралю почти повсеместно фактически возглавил протестные манифестации и вручил их участникам свои программные лозунги.

Таким образом, в Иордании сейчас сложилась ситуация неустойчивого балансирования между двумя основными силами: палестинским большинством, которое в своей основной массе поддерживает требования ФИД (то есть БМ), и иорданским коренным меньшинством, которое требует от короля более жесткого «сдерживания» палестинцев.

Армия и спецслужбы пока что твердо стоят на стороне коренного населения и сильной королевской власти. Однако король Абдалла II в сложившейся ситуации не может решительно привести в действие репрессивный аппарат, понимая, что это чревато полномасштабной гражданской войной, в которой именно палестинцы, скорее всего, получат широкую международную (и не только арабскую) поддержку. Но одновременно король не может пойти на уступки исламистам, поскольку это будет означать утрату под-

держки шейхов племен и военной иорданской элиты, то есть скорую (и вряд ли бескровную) потерю власти.

Однако нынешнее наступление иорданских исламистов на власть самое решительное и бескомпромиссное за много лет. И в условиях, когда весь «цивилизованный Запад» очень внимательно следит за переменами, происходящими в зоне «арабских революций», и требует от арабского мира «демократических реформ», нельзя исключать, что король будет вынужден начать такие реформы. То есть последовательно сдавать реальную власть исламистам.

А это не только крайне обострит внутриполитическую ситуацию в Иордании. Одно из самых резких обвинений в адрес короля, которое выдвигает ФИД, – это признание Израиля и «соглашательская» политика в отношениях с этим «государством, не имеющим права на существование». И потому можно с большой вероятностью предполагать, что укрепление исламистов в Иордании почти автоматически приведет ее в состояние сначала «холодной», а затем и «горячей» войны с Израилем.

Если же исламисты победят в Египте, то нет сомнений, что эта война будет вестись египетскими, палестинскими (ХАМАС) и иорданскими (ФИД) БМ активно и согласованно. Что не может не раздуть военный пожар на всем Ближнем Востоке.

Саудовская Аравия

Королевство Саудовская Аравия (КСА) – абсолютная теократическая монархия, управляемая разросшимся за столетия до нескольких тысяч человек королевским семейством, а также назначаемыми королем должностными лицами из элиты племен и салафитского духовенства, на основе чрезвычайно строго следования законам шариата.

После открытия в стране и дальнейшей разведки крупнейших на планете запасов нефти (по последним оценкам, сейчас они составляют около 260 млрд. барр.) никаких экономических проблем в КСА не было и нет. Основные политические проблемы власти в КСА, как и в любой абсолютной монархии, до недавних пор представляла сложная система союзов и конфликтов внутри монаршей семьи.

Однако исключительное положение коренных саудовских арабов, способных безбедно жить на полном государственном обеспечении (бесплатное образование, крупные государственные дотации), привело к тому, что всю реальную «черную работу» в стране делают ино-

странные мигранты (из Индии, Бангладеш, Пакистана, Египта и т.д.). Численность мигрантов составляет примерно 7 млн. из 28 млн. населения страны, и на них ни права, ни преференции полноценных граждан КСА не распространяются. А еще одну серьезную политическую проблему для правящей династии представляет шиитское меньшинство, сосредоточенное в основном в наиболее богатой нефтью Восточной провинции и практически полностью исключенное из салафитской системы государственной власти на всех ее уровнях.

Первые протестные акции в КСА произошли 29 января в Джидде, где несколько сот человек требовали от власти спешно заняться восстановлением городской инфраструктуры и жилья, разрушенных наводнением. Полиция незамедлительно разогнала протестующих и арестовала около 50 манифестантов[367].

«Второй протестный звонок» прозвучал в начале февраля, когда группа религиозных активистов объявила в Интернете о создании в КСА новой политической организации – «Партии исламской уммы», призвала к политическим реформам в стране «на основе исламских ценностей» и обратилась к королю Абдалле с просьбой признать их организацию. В течение нескольких дней все лидеры-учредители новой партии были арестованы спецслужбами[368].

Однако, поскольку среди арестованных было немало известных исламских деятелей и интеллектуалов, это вызвало расширение протестов, на которые почти сразу наложились и экономические требования арабских «низов» и иностранных рабочих-неграждан, и политические требования обеспечить доступ к власти со стороны шиитских организаций Восточной провинции.

23 февраля король Абдалла, вернувшийся в КСА после нескольких месяцев лечения за границей, объявил о начале реализации пакета финансовых мер стоимостью $36 млрд., призванного снять социально-экономическую напряженность в стране[369]. В числе этих мер – повышение зарплат госслужащим на 15%, льготы и субсидии молодым безработным и саудовским студентам, обучающимся за рубежом, а также программа помощи молодым семьям по обеспечению доступным жильем. Кроме того, впервые в истории королевства было объявлено, что безработным будут выплачиваться обязательные пособия.

Однако протестные акции продолжились, причем оппозиция объявила через Интернет, что на пятницу 11 марта в стране назначен «День гнева». Ответом власти стало приведение подразделений ар-

мии и национальной гвардии в боевую готовность, запрет с 5 марта любых митингов и манифестаций, как противоречащих шариату, и предоставление полиции особых полномочий для их пресечения.

Отметим, что власти и духовенство КСА, которые всегда и организационно, и финансово спонсировали радикальные исламские силы в «светских» исламских странах[370], в первый момент активно включились в поддержку «жасминовых» и прочих арабских революций. Так было и на этот раз, но до тех пор, пока речь шла о дестабилизации и перспективах свержения светских немонархических режимов в Тунисе, Ливии, Сирии, Алжире. В этот начальный период финансируемый КСА спутниковый телеканал «Ал-Арабия», базирующийся в ОАЭ, по активности информационной войны с властью указанных стран лишь немногим уступал катарской «Аль-Джазире».

Однако когда всерьез запахло революциями в королевстве Марокко и исламских монархиях Залива, саудовская власть этим серьезно обеспокоилась. И даже, по сообщениям ряда источников, попыталась начать переговоры о покупке у Марка Цукерберга – причем с очень большой переплатой – основного «провоцирующего» интернет-ресурса этих революций, компании Facebook[371].

3 марта на востоке КСА (города Катиф и Аввамия) прошли протестные акции шиитов, которые требовали освободить из тюрем своих родственников, обеспечить создание в провинции новых рабочих мест, а также дать шиитам равные права с суннитами. 5 марта эти акции расширились и захватили еще один город – Хуфуф. В ходе протестных акций полиция арестовала 26 шиитских активистов, в Восточную провинцию была начата переброска дополнительных сил безопасности численностью 10 тыс. человек.

Тем не менее манифестации в Восточной провинции продолжились. 10–11 марта для разгона протестной акции шиитов в Катифе полиция применила стрельбу в воздух и светошумовые гранаты, несколько манифестантов были ранены, многие арестованы. 16 марта в городах Восточной провинции прошли очередные выступления шиитов, а 20 марта несколько десятков человек вышли на акцию протеста рядом со зданием МВД в Эр-Рияде с требованием освобождения политзаключенных . Часть манифестантов была тут же арестована.

После ввода в середине марта войск КСА и ОАЭ в Бахрейн для подавления шиитских протестов накал манифестаций в Восточ-

ной провинции резко возрос. Далее шиитский протест начал резонировать с протестами иностранцев, малоимущих и «интеллектуалов-реформаторов» в других провинциях (в частности в Хидджазе, на северо-западе страны), чем власть КСА обеспокоилась уже очень сильно.

18 марта Король Абдалла в телеобращении к нации высказал благодарность своим подданным *«за лояльность и национальное единство»* на фоне массовых волнений в других арабских странах. А далее заявил, что в стране будет создано 60 тыс. новых рабочих мест, существенно повышен уровень дотаций социального обеспечения и стипендий, госслужащие получат «в подарок» двухмесячную зарплату, а также будут выделены крупные госсредства на развитие строительства жилья и поддержку здравоохранения. Помимо этого, Абдалла, реагируя на обвинения власти королевства в пропитавшей ее коррупции (которые звучат в том числе и со стороны некоторых членов монаршей семьи), объявил об учреждении специальной «антикоррупционной комиссии», которую возглавит чиновник с полномочиями министра[372].

В начале апреля на специальном саммите Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), прошедшем по инициативе КСА, «основным виновником» заговора с целью подрыва стабильности и национальной безопасности в странах Залива был объявлен Иран[373] .

Тем не менее в стране не только продолжились протестные акции (в основном в Восточной провинции). В Интернете начали шириться публикации не только с критикой королевской семьи как основного «держателя» светской власти, но и с критикой попыток монархии влиять на духовную власть в стране или не прислушиваться к ее рекомендациям (в том числе к обвинениям в участии саудитов в политических международных акциях, направленных против единоверцев в других странах).

В результате в конце апреля в Саудовской Аравии были арестованы не менее 20 человек, включая двух известных блоггеров. А в последний день апреля король Абдалла обнародовал декрет о резком ужесточении цензуры СМИ. Журналистам под угрозой огромных (до 133 тыс. долл.) штрафов запрещено публиковать любые материалы, противоречащие шариату или «представляющие угрозу национальной безопасности»[374].

Поскольку единственной инстанцией в стране, определяющей, что именно «представляет угрозу национальной безопасности», является король с его ближайшим окружением, данный декрет Абдаллы, вкупе с обвинениями Ирана в «заговоре» (то есть обоснованием необходимости особого политического режима «для борьбы с заговором»), фактически открывает путь для тотального контроля СМИ и практически любых репрессий.

Престарелый король Абдалла понимает, что основной опорой его власти является, наряду с очень мощной и хорошо вооруженной армией (и, главное, сравнимой по численности с армией национальной гвардией), лояльность радикального салафитского (ваххабитского) духовенства. Указанные жесты в адрес Ирана (который, конечно же, не остается в стороне от протестных событий в странах Залива), а также блокирование возможности появления любых протестных проявлений в СМИ, призваны обеспечить поддержку духовенства и основных социальных масс, которые оно контролирует через мечети. Причем поддержку, в первую очередь, не против шиитов (для этого вполне достаточно полиции, армии и спецслужб), а против «прозападной» части саудовской элиты (в том числе оппонентов внутри собственной королевской семьи, включая кузена короля принца Талала бин Абдул-Азиза), которая в ходе протестных событий последних месяцев все громче заявляет о необходимости проведения политических реформ в направлении трансформации власти к конституционной монархии.

Кувейт

По Конституции, принятой в 1962 г., Кувейт – конституционная монархия во главе с эмиром. Однако реально монарху принадлежит почти вся полнота власти. Единственный «немонархический» орган – однопалатное Национальное собрание – формируется совместно правительством (орган монархии – 15 членов) и выборами (50 членов) на 4-летний срок. Но эмир имеет приоритетное право законодательной инициативы, утверждает все законопроекты и может в любой момент распустить парламент.

Малочисленная (около 2,8 млн. человек) страна является обладателем одних из крупнейших в мире запасов нефти (примерно 100 млрд. барр.) и одним из крупнейших нефтеэкспортеров. За годы, прошедшие со времен первой иракской войны, Кувейт практически полностью экономически и инфраструктурно оправился

от последствий войны с Ираком 1991 г., и в настоящее время серьезных экономических проблем у страны нет.

Основная политическая проблема Кувейта – гражданство. По Конституции гражданами страны являются арабы, которые смогли документально доказать свое «кувейтское происхождение», то есть проживание на территории страны до 1920 г. Таковых среди населения чуть более 40%.

Остальное население – как местные арабы, так и выходцы из других арабских стран, Пакистана, Индии, Ирана и пр. – относится к категории неграждан «бидун» и, соответственно, вообще лишено каких-либо гражданских прав. Среди этой части населения, в основном представленной бедуинами-кочевниками, огромное количество временно приезжающих в страну иностранных рабочих, которые вообще не имеют доступа даже к малой части социально-экономических благ от поступающей в страну экспортно-сырьевой ренты, и за минимальную плату делают разного рода «черную работу». Причем проблема бидун осложняется еще и тем, что значительную часть иностранных рабочих составляют шииты.

Бидун выходили на протестные акции против такого положения дел уже не раз. Очень крупные беспорядки бидун в Кувейте проходили, в частности, в 1999 г., когда в них оказались вовлечены почти 300 тыс. египетских рабочих[375]. И в феврале 2011 г. массовые волнения в стране также начались с протестных акций бидун.

18 февраля в Эль-Джахре (провинция на северо-западе Кувейта) на манифестации с требованиями гражданства, доступа к рабочим местам в госсекторе, а также к бесплатному здравоохранению и образованию вышли более тысячи бидун (причем организация манифестаций проходила, как и в других странах нынешних «исламских революций», через Интернет). Протестующие не подчинились требованиям полиции разойтись, в столкновениях с полицейскими пострадали около 30 человек, около 140 человек были арестованы[376].

На следующий день крупные манифестации бидун прошли в Салибии, пригороде столицы Эль-Кувейта. Силы безопасности и полиция, заранее стянутые к месту манифестаций, применили слезоточивый газ и водометы. В ходе беспорядков были ранены 7 человек[377].

22 февраля эмир Сабах ас-Сабах, понимая, что к волнениям бидун начинает примыкать молодежь из вполне законных граждан страны, предпринял беспрецедентные шаги по «заливке про-

теста деньгами»[378]. В честь юбилея своего правления эмир объявил, что дарит каждому из своих подданных, включая грудных детей, «Amiri grant» – разовую выплату примерно $3500, а также право бесплатно получать еду с начала февраля 2011 г. до конца марта 2012 г. Кроме того, студентам резко увеличены стипендии – холостым вдвое, до $700, а женатым до $1200. Военным, полицейским и пожарным зарплаты и социальные пособия подняли в среднем вдвое, и такие же надбавки обещаны остальным госслужащим. И, наконец, эмир объявил, что всем гражданам страны будут обеспечены бесплатные электроэнергия, вода и телефонная связь.

Этот подарок, который только за один месяц стоил казне эмирата около $10 млрд., частично погасил масштаб протестов, почти полностью исключив из них воодушевленных щедростью монарха граждан. Но по той же причине в манифестациях неграждан-бидун появились еще более жесткие политические требования. 8 марта манифестация молодежи-бидун вышла на улицы столицы, требуя политических реформ (прежде всего, поправок в Конституцию, касающихся гражданства и избирательной системы), а также отставки премьера (племянника эмира, шейха Насера аль-Мухаммеда ас-Сабаха)[379]. Следующая манифестация с такими же требованиями прошла в столице Эль-Кувейте 11 марта, причем обе манифестации были разогнаны полицией с применением слезоточивого газа и водометов[380].

Далее, несмотря на призывы продолжить протесты, постоянно звучащие в интернет-сетях, оппозиционная волна в эмирате пошла на спад. И, учитывая, что «нефтедолларовые профициты» платежного баланса Кувейта пока что только растут, можно предполагать, что «заливать протесты деньгами» и разгонять бидун силами полиции эмир сможет еще долго.

Однако уже в середине марта избранные депутаты Национального собрания предъявили эмиру петицию – запрос на вызов для объяснений министров экономики, иностранных дел и информации (все члены монаршей семьи) по поводу подозрений в коррупции, а также профессиональной некомпетентности. В политической традиции эмирата такого рода петиция является признаком проявления высшего недоверия к исполнительной власти.

В результате 31 марта правительство Кувейта, чтобы избежать допросов министров депутатами, подало в отставку, которую эмир незамедлительно принял[381].

Но уже с начала апреля в Интернете появились статьи, в которых эмир Сабах ас-Сабах и его семья фактически обвиняются в отходе от исламских ценностей и шариата, а также в сговоре с непримиримыми врагами ислама – США и Израилем. Причем эта тема в апреле неоднократно воспроизводилась (в качестве «мнения» тех или иных политических и религиозных фигур) телеканалом «Аль-Джазира», все офисы которого в Кувейте были закрыты распоряжением эмира еще в середине декабря 2010 г.

Катар

Эмират Катар по Конституции 2003 г. – абсолютная теократическая монархия. Власть эмира ограничена только нормами шариата. Нынешний монарх, эмир Хамад бен Халифа аль-Тани, правит с 1995 г., когда он сверг своего отца в результате дворцового переворота.

Арабы составляют только 40% из 1,6 млн. человек населения эмирата. Кроме них, в стране – в основном в качестве временных рабочих и специалистов – проживает по 18% выходцев из Индии и Пакистана, 10% – из Ирана, и еще 14% – из других стран. Почти 80% населения – мусульмане, около 8% – христиане. Одна из наиболее острых проблем страны – гендерная. Поскольку иммигрантам разрешается привозить с собой семьи, только если они приглашаемые специалисты, в Катаре мужчин почти втрое больше, чем женщин.

Экспорт нефти и особенно газа сделали Катар второй страной в мире по уровню ВВП на душу населения. Причем внутренняя политика эмирата в оплате работников-иммигрантов, в отличие от большинства соседних монархий Залива, достаточно мягкая и не приводит к их массовым протестным выступлениям.

Серьезные угрозы правящему режиму в Катаре, как и в других абсолютных монархиях, исходят, в первую очередь, изнутри собственной семьи и ближайшего властно-элитного окружения.

Первые «звонки» в этой сфере, как сообщают эксперты, прозвучали уже в начале февраля 2011 г., когда некоторые влиятельные шейхи катарских племен, члены собственной семьи эмира Хамада бен Халифа, а также статусные исламские деятели соседней Саудовской Аравии высказали недовольство информационной политикой спутникового телеканала «Аль-Джазира», финансируемого эмиром и контролируемого его двоюродным братом

Хамадом бен Тамером. Они указывали, что телеканал транслирует дезинформацию, подрывающую стабильность дружественных Катару арабских стран и авторитет эмирата в арабском мире[382]. Одновременно (далеко не в первый раз) прозвучали обвинения эмира в том, что в Катаре много лет концентрируются и ведут активную деятельность против своих правительств лидеры оппозиции из множества исламских стран мира, включая союзные с Катаром соседние арабские страны.

3 марта арабские интернет-издания сообщили, что эмиру Катара удалось предотвратить попытку государственного переворота, организованного группой высших офицеров армии и личной гвардии эмира во главе с начальником генштаба ВС страны генерал-майором Хамадом бен Али аль-Аттыя, причем в состав заговорщиков входили несколько членов семьи эмира. 30 человек заговорщиков были арестованы, в командовании армии и национальной гвардии проведены чистки[383].

Сразу после этого ряд арабских СМИ и интернет-сайтов распространили, за 66 подписями, заявление влиятельных шейхов племен Катара и ряда членов семьи эмира, в котором он обвинялся в связях с Израилем и США с целью дестабилизации обстановки в арабских странах и подрыва арабского единства, а также коррупции, в которой замешан не только эмир, но и члены его семьи, социальных притеснениях подданных страны и произволе. Одновременно в заявлении говорится, что супруга эмира шейха Муза бинт Насер аль-Мусаннад уличается в злоупотреблениях: в использовании местных СМИ в корыстных целях, монополизации власти и использовании государственных рычагов для запугивания населения.

Далее в арабских (в том числе палестинских) СМИ и на Интернет-сайтах последовали новые разоблачения. Их авторы утверждали, что некоторые группы египетских оппозиционеров, участвовавших в кампании по свержению Х.Мубарака, проходили подготовку в столице Катара Дохе под руководством американских и израильских инструкторов[384].

Последние разоблачения, не исключено, имеют под собой определенные основания, хотя во многом рассчитаны на специфику исламской аудитории. Безусловно, широкие американские связи у эмира имеются. Однако, видимо, и для «Аль-Джазиры», и для ближайшего окружения эмира гораздо большее значение имеют совсем другие «политические привязки».

Хорошо известно, что костяк журналистского состава телеканала, созданного в 1996 г., составили бывшие журналисты BBC, перешедшие на «Аль-Джазиру» с закрытого в том же году в той же Дохе британского телеканала BBC Arabic Service TV[385]. «Аль-Джазира» с самого начала регулярно предоставляла эфирное время тем самым зарубежным эмигрантам-оппозиционерам, которых приютил Катар и которые через этот телеканал фактически вели политическую агитацию против своих правительств. Причем очень скоро одной из главных «говорящих голов» «Аль-Джазиры» (ее штатным телепроповедником) стал ведущий авторитет и духовный лидер «Братьев-мусульман» Юсеф аль-Карадави, к которому в Лондоне всегда относились с уважением и симпатией.

Кроме того, эксперты утверждают, что эмир Хамад бен Халифа и его ближайшее семейное окружение имеют ключевые финансовые интересы и связи именно в Лондоне. И что основой очень активной политики Катара в арабском и исламском мире (в частности, в Африке, в Йемене, в Центральной Азии), нередко существенно расходящейся с политикой других арабских стран, и прежде всего Саудовской Аравии, является не только огромное семейное состояние, собранное из доходов от экспорта газа и нефти, но и эта система британских связей.

Таким образом, очередную (далеко не первую) попытку дворцового переворота эмир Катара благополучно предотвратил. Однако политика Хамада бен Халифа вызывает нарастающее раздражение и неприятие не только у значимых кругов катарской элиты, но и у очень существенной части мусульманского мира, включая крупных и влиятельных исламских авторитетов. И потому можно ожидать, что в ходе нынешних «исламских революций» Катар будет оказываться в арабском и исламском мире во все более глубокой политической изоляции, которая для эмирата, с учетом его очень небольшого населения и огромной доли в нем иностранных иммигрантов, политически далеко не безопасна.

Бахрейн

Королевство Бахрейн – конституционная монархия на острове в Персидском заливе, в реальности носящая «полуабсолютистский» характер. Избирается лишь нижняя палата парламента, правительство и верхнюю палату парламента (Консультативный совет) назначает король (в настоящее время –

Хамад ибн Иса аль-Халифа), создание политических партий запрещено.

В истории Бахрейна были вхождение и в состав Арабского халифата, и в состав Ирана, и в федерацию княжеств Залива. С 1881 г. страна почти век была доминионом (фактически колонией) Великобритании (с 1946 г. в столице Бахрейна Манаме размещалась британская администрация для региона Залива) и получила независимость только в 1971 г.

С момента обретения Бахрейном независимости США начинают активно вытеснять из страны Великобританию, и с начала 90-х годов XX в. Бахрейн является ключевой точкой обеспечения военно-политических интересов США в регионе Залива. Здесь базируются 5-й флот США, крупнейшая в регионе станция радарного контроля за воздушным и морским пространством (ориентированная, в первую очередь, на Иран), а также ряд тыловых баз снабжения и развертывания (включая военные аэродромы) для американских вооруженных сил. Соответственно, именно США в основном вооружили и обучили вполне современные и сильные армию и полицию королевства.

Нефтегазовая рента, роль крупного регионального финансово-логистического центра (Манама – одна из трех зон свободной торговли в Заливе), а также международный туризм обеспечивают Бахрейну достаточно высокие доходы для социально-экономического развития. В стране развитое среднее и высшее образование (среднее образование бесплатное) и медицинское обслуживание, один из наиболее высоких в регионе уровень доступа населения к Интернету.

Основной внутриполитической проблемой королевства является специфика населения. Из чуть более 700 тыс. человек, проживающих в Бахрейне, около половины – рабочие-иммигранты, в основном из Ирана. Кроме того, при правящей суннитской династии не менее 70% коренного исламского населения страны составляют шииты, которые фактически жестко отодвинуты от рычагов административной и политической власти. Их доля в органах власти в среднем составляет не более 15%, состав Королевского суда, национальной гвардии, служб национальной безопасности и разведки формируется только из суннитов (принцип «Sunni only»); шииты составляют только 3% численного состава МВД и армии Бахрейна[386]. Кроме того, шиитскую общину Бахрей-

на очень возмущает то, что при приеме на работу и власти, и местные предприниматели отдают предпочтение суннитам-иммигрантам перед «коренными» шиитами.

При этом население Бахрейна, как и в большинстве стран региона, очень молодое (средний возраст чуть больше 28 лет) и социально активное, а в стране высокий уровень безработицы (официально – около 15%, неофициально – около 25%, причем особенно высока безработица именно среди молодежи).

Политическая напряженность в Бахрейне росла с лета 2010 г., когда перед очередными выборами в нижнюю палату парламента суннитское руководство королевства заявило, что в стране разоблачен «шиитский заговор», и тем самым лишило шиитов права голосовать. Тем не менее до середины февраля 2011 г. ничто в стране серьезных политических эксцессов не предвещало. В середине января президент США Б.Обама даже назвал Бахрейн страной, которая «успешно проводит демократические реформы».

Начавшиеся с 14 февраля 2011 г. протестные выступления в Бахрейне сначала почти не затрагивали основ королевской власти. Требования манифестантов включали смену правительства (в первую очередь, занимающего пост премьера уже 40 лет дяди короля Халифа бен Сальмана Аль Халифа), а также освобождения политзаключенных, предоставления больших прав шиитскому большинству, усиления борьбы с коррупцией и проведения внеочередных парламентских выборов[387]. Однако в этот день при разгоне митингующих полицией погиб демонстрант.

Король решил, как и другие монархи региона, «залить протест деньгами» и объявил, что каждая семья в стране «в знак монаршего расположения к народу Бахрейна» получит по 1000 динаров (почти $2700), а также пообещал расширить права местных СМИ[388].

Но 15 февраля манифестанты увеличили масштаб протестов, заняв центральную Жемчужную площадь Манамы и разбив там палаточный городок. В ночь на 17 февраля армия и полиция вытеснили манифестантов с площади с использованием тяжелой техники и боевого оружия, причем в столкновениях с войсками погибли 5 человек, несколько десятков были ранены[389]. В этот же день в Манаму на экстренный саммит съехались главы МИД монархий Залива, которые заявили о поддержке Бахрейна, а также (явно

намекая на Иран) о недопустимости иностранного вмешательства во внутренние дела королевства.

18 февраля манифестанты вновь собрались на площади – уже с гораздо более жесткими политическими лозунгами немедленной отставки премьера и изменения Конституции. Силы безопасности снова применили против протестующих оружие, были ранены более 60 человек.

19 февраля король приказал вывести войска из центрального района Манамы и поручил наследному принцу Сальману аль-Халифа начать переговоры с оппозицией[390]. Однако протестующие заявили, что пойдут на переговоры только после отставки премьера, и снова заняли Жемчужную площадь, устанавливая на ней палатки.

23 февраля в Манаме прошла крупнейшая манифестация оппозиции (до 200 тыс. человек, почти треть населения страны). Король объявил амнистию и разрешил вернуться на родину лидеру левого исламского движения «Аль-Хак» («Право») Хасану Мшейме, а также приказал освободить из тюрем 50 политзаключенных, в т. ч. 23 шиитских оппозиционных активиста. Но протестующие заявили, что это полумера, так как в тюрьмах остается еще около 600 человек.

24 февраля Бахрейн посетил председатель Комитета начальников штабов ВС США адмирал Майкл Маллен, который заявил, что королевство остается одним из ключевых союзников Вашингтона в регионе[391].

25 февраля король отправил в отставку четырех министров, но своего дядю-премьера оставил в должности, что вызвало новое возмущение манифестантов.

Тем не менее главные оппозиционные силы во главе с шиитским «Исламским обществом национального согласия» объявили о готовности начать диалог с властями, однако в письме наследному принцу С.Халифа сообщили, что намерены добиваться отставки действующего кабинета министров и созыва конституционной ассамблеи для разработки нового основного закона страны. После чего в Бахрейне – впервые с начала протестов – произошли столкновения между шиитами и суннитами, студентами университета[392]. Руководители шиитской оппозиции немедленно осудили эти проявления насилия и призвали к согласию между двумя религиозными общинами.

Но 5 марта глава МВД Бахрейна сообщил, что министерство планирует привлечь на работу в своих структурах дополнительно 20 тыс. человек. После чего три радикальные шиитские группировки во главе с движением «Аль-Хак» создали коалицию, объявившую своей целью свержение монархии и установление в стране «демократического республиканского строя»[393].

12 марта в Бахрейн приехал глава Пентагона Р.Гейтс. Он провел переговоры с королем Х.аль-Халифа, выразил поддержку усилиям бахрейнского руководства, направленным на достижение национального согласия, и призвал оппозицию к диалогу с властью[394]. При этом министр обороны США признал, что американцы не имеют доказательств того, что *«Иран причастен к вспышке какой-либо из народных революций или организации демонстраций»* в арабском мире[395].

А 13 марта полиция вновь снесла платочный городок оппозиционеров на Жемчужной площади в Манаме. Причем уже в этот момент по мосту, соединяющему Бахрейн с материковой территорией, двигались войска и бронетехника ОАЭ (500 человек), Саудовской Аравии (1000 человек) и Катара (по разным данным, до батальона), которые были посланы соседями Бахрейна, членами «Совета содружества арабских государств Персидского залива» (ССАГПЗ) по просьбе короля Х.аль-Халифа *«для обеспечения порядка и безопасности в соответствии с уставом ССАГПЗ»*[396].

15 марта в Манаме в ходе столкновений сил безопасности с демонстрантами погибли 6 и получили ранения до 200 человек, после чего король Х.аль-Халифа ввел в стране чрезвычайное положение сроком на три месяца и приказал провести аресты активистов оппозиционных движений. При этом BBC цитирует госсекретаря США Хиллари Клинтон, которая сказала, что Бахрейн и его союзники из стран Персидского залива, согласившиеся отправить военных для обеспечения порядка, *«пошли по неправильному пути»*[397]. Оппозиция же назвала ввод в страну иностранных войск интервенцией и отказалась признавать ЧП, и 18 марта в Манаме снова прошли ее манифестации.

После этого войска США на острове были приведены в боевую готовность, а основные позиции на магистралях и ключевых объектах инфраструктуры и промышленности заняли войска ССАГПЗ.

20 марта в Манаме был отменен комендантский час, а правительство заявило согласие «на возобновление национального ди-

алога». Оппозиция, хотя и сняла некоторые свои предварительные условия для начала переговоров с властью, требует вывести силы безопасности из центра Манамы, а также убрать из страны иностранные войска и прекратить государственную враждебную пропаганду против шиитов.

При этом США заявили, что не считают ввод войск ССАГПЗ в Бахрейн «вторжением», хотя при этом выразили «обеспокоенность в связи с насилием» и «необходимость максимальной сдержанности». А король Бахрейна 21 марта заявил, что бунт в стране произошел в результате международного заговора, который внешние (неназванные) силы готовили 20 лет[398]. Министр иностранных дел Ирана А.А.Салехи заявил в этой связи о недопустимости *«иностранного военного вторжения и жестокого подавления мирных народных выступлений»* в Бахрейне, а также обратился к Генсеку ООН Пан Ги Муну с просьбой незамедлительно рассмотреть критическое развитие ситуации в этой стране[399].

25 марта, несмотря на запрет, в Бахрейне прошли новые акции протеста, которые были жестоко подавлены силами безопасности и военными ССАГПЗ. Как сообщил в интервью BBC бахрейнский правозащитник Набиль Раджаб, войска вели по манифестантам пулеметный огонь с вертолетов и танков, причем оппозиция не могла направить раненых в больницы, захваченные военными[400]. В результате в начале апреля Госдепартамент США *«осудил аресты сторонников оппозиции в Бахрейне и дискриминацию шиитского населения»*[401].

Однако протестное политическое противостояние в королевстве продолжается. И 18 апреля МИД Бахрейна сообщил, что войска стран ССАГПЗ останутся на территории страны до тех пор, пока не будет устранена угроза монархическому режиму, исходящая от Ирана. Одновременно сообщается, что в военном трибунале Манамы начаты первые процессы против семерых деятелей оппозиции, обвиняемых в убийствах «и других тяжких преступлениях»[402].

В ходе кризиса в Бахрейне в мировых СМИ много раз задавался вопрос: почему «мировое сообщество», включая США, столь бурно отреагировало на действия М.Каддафи, который начал подавление военного мятежа в собственной стране, и столь снисходительно (или даже благожелательно) отнеслось к расстрелам собственными и иностранными войсками оппозиции в Бахрейне? В этих же публикациях давался ответ: дело в том, что Бахрейн является «клю-

чом» к Ормузскому проливу, через который на внешние рынки с месторождений в Заливе поставляется 20% мировой нефти.

Кроме того, особую важность Бахрейн представляет именно для США и именно с военной точки зрения (не случайно в разгар протестных событий сюда по очереди приезжали Маклейн и Гейтс). С территории Бахрейна в Персидском заливе и Индийском океане действуют военные корабли базы 5-го флота США – главного военно-морского ресурса Америки в регионе, – на расширение которой только за два последние года направлено почти $600 млн. Отсюда же проводится авиационное и радиолокационное слежение за территорией Ирана, Ирака, Пакистана, Афганистана, а также значительная часть подготовки спецопераций США в регионе Залива.

И потому, «мягко осуждая» короля и его администрацию за «чрезмерное применение силы» против манифестантов и рекомендуя активизировать «демократические реформы», «мировое сообщество» ни о скандальных расстрелах оппозиционеров, ни о вопиющих нарушениях прав конфессионального большинства в Бахрейне старается громко не говорить. И, более того, предпочитает «закрыть тему», солидаризировавшись с крайне сомнительным и неубедительным объяснением эксцессов в стране «иранским заговором», которое высказали король Бахрейна и ССАГПЗ.

Однако в том, что тему удастся закрыть, есть определенные сомнения.

22 апреля британская «Индепендент» обнародовала результаты расследования правозащитной медицинской организацией Physicians for Human Rights разгона полицией и военными акций протеста в Бахрейне. В расследовании сообщается, что полицейские захватывали на улицах машины скорой помощи, выбрасывали из них врачей и переодевались в их форму, чтобы подобраться к протестующим. Врачей похищали прямо во время оперирования раненых, а раненых манифестантов в больницах солдаты «миротворческого контингента ССАГПЗ» пытали и грозили изнасилованием и убийством, требуя признаться в том, что на демонстрации они имели при себе оружие и собирались отправиться в Иран для обучения военному делу. При этом репрессии в особенности затронули врачей-шиитов, более 30 врачей находятся под арестом и не могут связаться с родственниками[403].

Очевидно, что эти разоблачения не только придадут новый импульс протестам в Бахрейне, но и уже никак не могут позволить

США ограничиться дежурными призывами к эмиру Бахрейна и монархиям Залива «активизировать демократические реформы»...

Объединенные Арабские Эмираты

ОАЭ – федерация семи абсолютных монархий-эмиратов Абу-Даби, Дубая, Фуджейры, Шарджи, Рас эль-Хаймы, Аджмана и Умм эль-Кайвайна. Ранг эмиратов в федерации определяется их «экономическим весом» и, прежде всего, запасами нефти. Соответственно, президентом ОАЭ является эмир крупнейшего эмирата Абу-Даби (город Абу-Даби – столица ОАЭ), а премьером ОАЭ – эмир Дубая.

В начале XIX в. под давлением военных экспедиций британской Ост-Индской компании эмиры и шейхи бедуинских племен, населявших княжества в этом регионе, оказались под политическим влиянием Лондона и в 1820 г. подписали с Англией «Генеральный договор» о британском протекторате над своей территорией, названной «Договорный Оман».

В 1964 г. Лига арабских государств потребовала предоставить всем странам региона независимость, и в 1971–72 гг. семь эмиратов создали федерацию ОАЭ.

В первый период существования ОАЭ основой их экономики был экспорт нефти. Однако далее инвестирование нефтяных доходов в другие отрасли привело к диверсификации хозяйства ОАЭ, и в настоящее время нефть обеспечивает менее 10% ВВП, а основные статьи доходов федерации – международная торговля (включая товарный реэкспорт через порты), финансовые услуги (Дубай – один из крупнейших финансовых центров Востока), а также многочисленные свободные экономические зоны и развитая инфраструктура международного туризма.

Население ОАЭ сейчас составляет около 4,8 млн. человек, из которых коренных жителей всего 11%, а остальные – рабочие-иммигранты из арабских стран (Йемен, Египет, Марокко, Оман), а также Пакистана, Индии, Бангладеш и других стран юго-восточной Азии. Гражданами ОАЭ являются всего около 15% населения Эмиратов, почти все они мусульмане (85% сунниты, 15% шииты). Около 55% иммигрантов – также мусульмане, но иноконфессиональные общины среди них очень значительны (25% – индуисты, 10% – христиане, 5% – буддисты).

Тем не менее, несмотря на практически бесправное положение большинства населения (неграждан) в стране, сравнительно высокий уровень оплаты труда и сносные условия жизни в очень богатых Эмиратах обеспечивают здесь относительную социальную стабильность. Последние крупные беспорядки в ОАЭ были в марте 2008 г., когда около 1500 рабочих-иммигрантов устроили в Шардже погромы, требуя повышения зарплат[404].

Однако сейчас всех монархов Эмиратов очень тревожат протестные эксцессы в соседних Бахрейне и особенно приграничных северо-западных районах Омана (см. ниже). Не случайно ОАЭ были одной из первых стран Залива, которая предложила направить войска для подавления протестов в Бахрейне. Кроме того, военные эксперты указывают, что эмиссары ОАЭ уже зондировали почву в окружении оманского султана Кабуса по поводу того, не понадобится ли аналогичная внешняя военная помощь для подавления протестов в Омане.

И в Абу-Даби к такому варианту развития событий, судя по всему, готовятся. По ряду сообщений, некоторые международные рекрутинговые корпорации уже начали нанимать в Пакистане военных для службы в армии Эмиратов[405]. Не исключено, что к этой же процедуре вскоре могут прибегнуть и другие монархии Залива. Ведь Дубай – важнейший региональный финансовый центр, через который проводится большинство торговых расчетов арабского мира и в котором аккумулируется значительная часть «петродолларовых» активов региона.

Не могут остаться в стороне от любых проявлений внутриполитической напряженности в ОАЭ и США, которые содержат и расширяют в Эмиратах одну из крупнейших в регионе авиабаз. Да и для многих стран Европы и Азии нефтяной импорт из Залива, над которым «нависают» ОАЭ, – важнейшее условие энергообеспечения национальных экономик.

Оман

Еще в первой половине XIX в. Оман был крупнейшей в регионе пиратской империей, которая контролировала острова Персидского залива, побережья Ирана и Аравийского полуострова, а также побережье Восточной Африки на юг до Мозамбика. Но затем и азиатская, и африканская части Омана, разделенные сыновьями султана на султанат Маскат и имамат Оман, приняли британский протекторат.

После Второй мировой войны Оманом, отделенным от африканской части бывшей пиратской империи, правил султан Саид бен Таймур. В 1970 г. его сверг в результате дворцового переворота сын Кабус бен Саид, который и является султаном Омана до сих пор.

Оман – формально конституционная, но в реальности абсолютная теократическая монархия. Причем султан одновременно является высшим духовным лидером (имамом) особой государственной религии, ибдаизма, – конфессии в пределах ислама, отличающейся и от суннизма, и от шиизма и характеризующейся очень жесткой нетерпимостью к иноверцам.

Благодаря месторождениям нефти и сравнительно малочисленному (около 3 млн. человек вместе с иммигрантами) населению подушевой ВВП в Омане достаточно высокий – более $24 тыс.

Основное коренное население (80%) – арабы, которые разделяются на «чистокровных» потомков племен, когда-то пришедших в страну из Йемена, и «смешанных», пришедших в регион позже из других мест Аравийского полуострова. Кроме того, в силу исторической специфики страны значительная часть населения имеет негроидные антропологические черты или является выраженными мулатами.

Государственная политика султаната и сравнительно высокие сырьевые доходы позволяют большинству коренного населения не работать, довольствуясь государственным пособием, или работать на необременительной государственной службе. Соответственно, с одной стороны, почти две трети трудового населения страны – иммигранты из Пакистана, Индии, Бангладеш, Шри-Ланки и т.д., а с другой стороны, в стране достаточно высокая (среди молодежи – до 25–30%) безработица.

До недавнего времени Оман считался одной из самых спокойных и консервативных стран региона. Первые беспорядки в 2011 г. здесь начались 26–27 февраля в южной провинции Дофар вблизи границы с Йеменом. Скрытый сепаратизм здесь существовал давно (в начале 70-х годов XX века в Дофаре были крупные сепаратистские выступления, которые султану помогали подавить британские войска), однако сейчас он «вспомнился» снова – видимо, в порядке реакции на одновременные сепаратистские эксцессы в соседней йеменской провинции Саада. Примечательно, что манифестанты в Дофаре сразу включили в свои требования не только борьбу с безработицей и

коррупцией, но и проведение в султанате «конституционных» политических реформ.

Султан, хорошо понимающий опасное значение для своей власти сохраняющегося «племенного родства» населения Йемена и «коренных» арабов Омана, сразу отреагировал на протесты. Он запретил въезд в страну иностранным журналистам (впрочем, этот запрет вскоре был отменен) и направил против манифестантов полицию и войска с бронетехникой. В результате были убиты несколько манифестантов, а протесты распространились на северные провинции, включая важнейший морской порт и главный промышленный центр страны Сохар, а также оазис Эль-Бурейми на границе с ОАЭ. В Сохаре манифестанты, в основном безработные, подожгли полицейский участок и мэрию, в стычках с полицией были убиты два человека[406].

Кабус срочно произвел перестановки в правительстве (были назначены 6 новых министров), а также объявил о программе создания в стране 50 тыс. новых рабочих мест (из них 10 тыс. – в полиции, 15 тыс. – в частном секторе), повышении пособий по безработице и учреждении мониторинга цен на основные продукты питания в торговой сети. Однако беспорядки продолжились, и 1 марта СМИ сообщили о том, что в Сохаре 6 человек погибли и более 20 ранены[407].

Несмотря на то, что далее султан пообещал каждому безработному пособие в размере $390 в месяц, беспорядки и на севере, и на юге страны нарастали. 13 марта султан Кабус издал указ об учреждении комитета для работы над поправками к Конституции страны.

14 марта ССАГПЗ принял решение о выделении Оману на финансирование социальных проектов и борьбу с безработицей дотации в $10 млрд. сроком на 10 лет[408]. Сразу после этого султан Кабус заявил о начале в стране пенсионной реформы.

Однако все эти экономические меры не помогли, и манифестации продолжались, сохраняя политические требования.

28 марта в Сохаре вновь началась крупная манифестация на центральной площади, которую протестующие назвали «Майдан аль-Ислах» («Площадь Реформ»). 29 марта эту манифестацию жестко разогнали войска, были раненые, несколько организаторов оказались в тюрьме. Генпрокуратура Омана заявила, что в отношении них начато расследование[409].

В апреле акции протеста продолжились. Очередная крупная манифестация была разогнана 2 апреля в том же Сохаре, хотя уже 3 апреля султан приказал освободить 57 арестованных накануне манифестантов. И 18 апреля султан Кабус объявил, что власть выделит 1 млрд. риалов (около $2,6 млрд.) на повышение уровня жизни граждан, в частности на выплату им субсидий и погашение жилищных кредитов[410].

Но в конце апреля протестные акции в Омане продолжались, и осведомленные эксперты высказывают сомнения в том, что проводимые «финансовые социальные вливания» вообще смогут погасить протесты в стране. А поскольку Оман, как и Бахрейн и ОАЭ, является одной из важнейших «зон контроля» на ключевой мировой «нефтяной артерии», ведущей из Персидского залива, эксперты не исключают, что, в случае продолжения или, тем более, нарастания протестов в стране, ССАГПЗ и здесь будет пытаться действовать «по бахрейнскому варианту», вводя войска.

«Информационная база» для такой операции уже готовится и ССАГПЗ, и «мировым сообществом», регулярно повторяющими, что политическую стабильность в монархиях Залива «раскачивает» Иран.

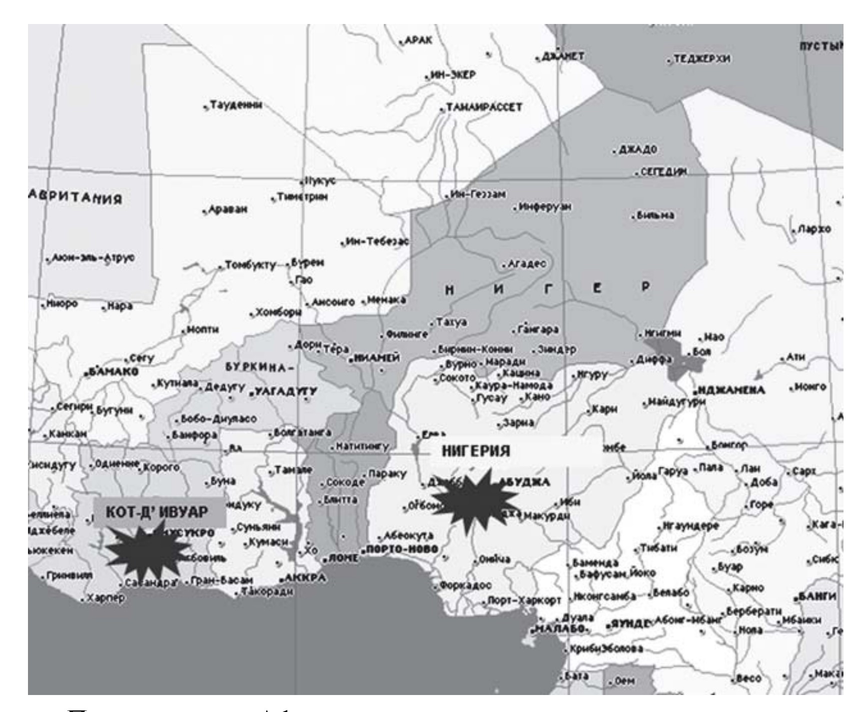
Глава 2. Другие

Нигерия

«Революционные» события на Среднем Востоке и в Магрибе нельзя, как это обычно сейчас происходит, рассматривать изолированно от других регионов мира.

Апрельские эксцессы в Нигерии в этом смысле еще более ярко и выпукло демонстрируют те же основные процессы и тенденции.

Нигерия, получившая независимость в 1960 г., никуда не делась от исторического наследия в виде расселения на очень ограниченной территории более чем 250 племен (Йоруба, Хауса, Фулани, Игбо, Камбери, Борим, Джакан, Идома, Боучи и пр.), а также конфессионального «расслоения» страны на мусульман, христиан и анимистов.

После раздела Африки между колониальными державами на Берлинской Конференции 1885 г. основная часть территории Нигерии оказалась под британским контролем. Причем в первоначально освоенных прибрежных районах страны англичане в значительной мере привили местным племенам (прежде всего, Игбо и Йоруба) англиканское христианство. А удаленные от побережья северные территории, где доминирующими племенами были Хауса и Фулани, которые еще с XV в. создавали здесь сильные города-государства, остались верны воспринятому в раннем Средневековье исламу. Сейчас из примерно 150 млн. чел. населения страны около 50% – мусульмане, около 40% – христиане и около 10% – анимисты местных культов и другие конфессии.

Такая специфика глубоко трайбализированного и конфессионально расколотого общества с самого начала независимого существования страны давала единственную возможность обеспечения ее хотя бы относительной политической устойчивости – жесткую централизованную власть. Не случайно почти все правители независимой Нигерии были либо офицерами, пришедшими к власти в результате военного

переворота, либо отставными военными, которые баллотировались на президентский пост, уже будучи «гражданскими лицами». А основная политическая борьба (включая формирование политических партий) всегда шла по племенным (йоруба–игбо–хауса) и конфессиональным (христиане–мусульмане) линиям раздела.

Это предопределяло в стране перманентную политическую и социально-конфессиональную конфликтность как на уровне власти, так и на уровне общества, которая всегда была наиболее острой в территориально размытой «центральной» зоне контакта христианского юга и юго-запада йоруба и игбо – и мусульманского севера и северо-востока хауса и фулани. При этом на исламском севере еще в 2000 г. была фактически принята отдельная правовая система, основанная на шариате.

Добыча в стране и экспорт «большой нефти» (ее доказанные запасы в Нигерии составляют более 30 млрд. барр., добыча самая масштабная в Африке – около 2,2 млн. барр. в сутки) приносит правящему конфессионально-племенному клану очень большие доходы, что дополнительно обостряет борьбу за власть. (Сейчас Нигерия – один из ключевых источников импорта нефти в страны Европы и поставщик более 9% импортной нефти в США).

Но при этом более 70% населения живет ниже уровня бедности, в стране крайне высоки уровни коррупции и преступности, стремительно растет роль Нигерии как производителя и транзитера (из Латинской Америки и Азии) наркотиков. Нефтедобыча в дельте Нигера и на шельфе часто прерывается взрывами трубопроводов и нападениями на наземные промыслы и нефтяные платформы террористических групп различных племенных оппозиционных объединений вроде «Движения за освобождение дельты реки Нигер». К этим эксцессам в последнее время добавились нападения на суда в Гвинейском заливе банд морских пиратов.

И все это дополняется регулярно происходящими межплеменными и межконфессиональными кровавыми стычками.

Так, в июле 2006 г. протестные выступления на исламском севере в г.Майдгури, связанные с появлением в датских СМИ карикатур на пророка Мухаммеда, вылились в поджоги христианских церквей и многочисленные нападения на христиан, которых прямо на улицах избивали до смерти и сжигали заживо (включая священника и детей)[411].

В ноябре 2008 г., после завершения парламентских выборов, в г. Джос штата Плато в ходе столкновений между сторонника-

ми победивших христиан и проигравших мусульман погибло почти 400 человек, были сожжены сотни домов, много церквей и мечетей, более 7 тыс. человек стали беженцами, спасаясь от расправы бушующих толп[412].

В январе 2010 г. в том же г. Джос в результате столкновений между христианами и мусульманами (которые пытались построить в преимущественно христианском квартале мечеть) были убиты 26 человек и более 300 ранены, сожжено много домов и автомобилей[413]. В марте 2010 г. здесь же происходили очередные, еще более крупные столкновения между общинами, в ходе которых погибло около 500 человек.

В декабре 2010 г., в период католического рождества, радикальная исламистская группировка «Последователи учения пророка Мухаммада и борцы джихада» провела в деревне вблизи того же Джоса серию терактов, в результате которой погибли 86 и были ранены 189 человек[414].

В январе 2011 г. 13 человек погибли в результате нападения на христианскую деревню в центральной части Нигерии[415] , причем местная полиция связала этот теракт с действиями еще одной нигерийской радикальной исламистской группировки, «Боко Карам» (в переводе – «Образование запрещено»), объявляющей себя союзником «Аль-Каиды».

Нынешнее обострение ситуации в Нигерии началось в 2010 г., когда в январе Федеральный суд страны в связи с затяжной болезнью президента-мусульманина Умара Яр-Адуа, находящегося на лечении в Саудовской Аравии, передал полномочия вице-президенту христианину Гудлаку Джонатану, а после смерти Яр-Адуа в мае утвердил Джонатана на посту президента до очередных выборов в начале 2011 г.

На президентских выборах, которые проходили 16 апреля 2011 г., основная борьба шла между Гудлаком Джонатаном и кандидатом от исламского севера, бывшим военным диктатором страны, генералом Мухаммаду Бухари. Объявленные предварительные результаты выборов (57% голосов за Джонатана и 31% за Бухари) вызвали заявление Бухари об отказе признать свое поражение и мощную волну протестов со стороны мусульман, которые, несмотря на утверждения международных наблюдателей из множества стран мира о честности и открытости выборов, убеждены, что численное доминирование мусульман в населении страны является бесспорным доказательством

выборных фальсификаций[416].

В результате по всей Нигерии, но прежде всего на исламском Севере, начались массовые межобщинные и межплеменные стычки и погромы. По поступающим данным Международного красного креста, на 20 апреля речь шла уже о сотнях погибших, тысячах раненых и многих десятках тысяч беженцев в другие регионы страны и соседние страны[417].

Поскольку «пожар» межконфессионального и межплеменного конфликта в стране только разгорается, обоснованные прогнозы его разрешения пока не пытается делать никто. Впрочем, уже появляются мрачные предсказания распада Нигерии, в соответствии с зонами расселения крупнейших племенных союзов, на исламский Северо-Восток, христианский Юго-Запад и анимистский Юго-Восток.

Прецедент в истории страны уже имеется, и сравнительно недавний. Это откол юго-востока с проживающими там христианами и анимистами Игбо от остальной Нигерии с созданием «независимого государства Биафра» и гражданская война 1967–1970 гг., унесшая, по разным оценкам, от 0,8 до 2 млн. жизней.

Однако даже если этот – наиболее опасный – сценарий не реализуется, все понимают, что «цена вопроса» о президенте Нигерии сейчас очень высока. Высока хотя бы потому, что эта крупнейшая по населению страна Африки является фактическим лидером основных международных организаций региона – Экономического сообщества стран Западной Африки ЭКОВАС и военно-политического союза региона (Межафриканских вооруженных сил) ЭКОМОГ.

Сейчас, во время войны западной коалиции против Ливии, значение Нигерии дополнительно возросло в силу снижения политической роли созданного Каддафи Африканского союза. И потому от того, кто именно возглавит Нигерию и какую будет проводить политику, в очень высокой степени зависит снижение или укрепление политической, военной, социальной стабильности на огромной части африканского континента.

Кот-д'Ивуар

Кот-д'Ивуар (ранее – Берег Слоновой Кости) – президентская республика в Западной Африке, специфика которой во многом повторяет специфику Нигерии. Бывшая французская коло-

ния, получившая независимость в 1960 г., населена множеством племен-народностей и этноплеменных групп, к тому же разделенных конфессиональными барьерами.

Наиболее крупные из этноплеменных групп – Аньи-ашанти (племена Бауле, Аньи и Абро), Кру (племена Бете и Гере), Манде (племена Малинке и Диула), а также Сенуфу, Дан и Гуру. Около 40% жителей страны – мусульмане (преобладают манде и сенуфу, проживающие на севере и северо-западе), 25% – христиане (живут в основном на юге), остальные – анимисты. Более 30% из примерно 18 млн. населения страны – иностранцы, в большинстве приехавшие из Мали и Буркина-Фасо наниматься на сельскохозяйственные работы.

Страна сравнительно бедная (ВВП на душу населения менее $1000 в год), до недавних пор основные доходы получала от производства на экспорт какао, кофе, хлопка, бананов, красного дерева, а также рыбных (тунцовых) консервов. Большинство позиций в экономике занимают иностранные, в основном французские, капиталы, они же контролируют оптовую и внешнюю торговлю. После обнаружения в 90-х гг. XX в. значительных месторождений нефти и газа (в основном на шельфе) все более существенную роль в экономике начинает играть ТЭК. Разработку месторождений, а также переработку нефти ведут западные корпорации «Шелл», «Тоталь», «Мобил», «Тексако» и др., в последнее время к ним пытается присоединиться российский «ЛУКойл».

С момента провозглашения независимости и до 1993 г. бессменным президентом страны был лидер ведущей Демократической партии Кот-д’Ивуара Феликс Уфуэ-Буаньи. В 1990 г. на первых альтернативных выборах лидер Ивуарийского народного фронта Лоран Гбагбо проиграл Уфуэ-Буаньи. Тогда же была принята поправка в Конституцию о введении в стране поста премьер-министра, на который был назначен Алассан Уаттара, а также закон, по которому в случае смерти Уфуэ-Буаньи место президента занимает его соратник и соплеменник Анри Бедье. После смерти Уфуэ-Буаньи в 1993 г. и Гбагбо, и Уаттара выступили против передачи власти Бедье, однако Франция сразу признала Бедье законным президентом.

На очередных президентских выборах 1995 г. Уаттара был вычеркнут из числа кандидатов, поскольку по Конституции баллотироваться мог только коренной гражданин страны, живший в

Кот-д'Ивуаре последние 5 лет, и Бедье снова стал президентом. А Уаттара создал собственную центристскую партию «Объединение республиканцев» и затем оппозиционный блок «Республиканский фронт», который стал основным политическим конкурентом Демпартии Кот-д'Ивуара.

Нынешний кризис и очередной этап гражданской войны в Кот-д'Ивуаре связан с новым раундом давней политической борьбы бывших соратников Лорана Гбагбо (Ивуарийский народный фронт) и Алассана Уаттара (Объединение республиканцев).

Гбагбо – выходец из семьи коренных ивуарийцев народности бете, выпускник католической семинарии, историк, получивший степень доктора в Сорбонне. Претендовал на пост президента страны еще в 1990 г. и получил этот пост по результатам выборов 2000 г.[418]

В сентябре 2002 г. во время визита Гбагбо в Италию военные в Кот-д'Ивуаре (на тот момент преимущественно мусульмане малинке, сенуфу, лоби) подняли мятеж, вскоре превратившийся в полномасштабную гражданскую войну между Севером и Югом.

Франция в это время была полностью на стороне Гбагбо. В августе 2003 г. Париж объявил о раскрытии заговора с целью переворота и убийства Гбагбо и по этому обвинению были арестованы во Франции 18 заговорщиков[419]. Но в ноябре 2004 г., когда войска Гбагбо начали поход против мятежников Севера, они по ошибке разбомбили базу французских миротворцев. В ответ по приказу президента Франции Жака Ширака французские самолеты полностью уничтожили военную авиацию Гбагбо[420].

Гражданская война в стране завершилась лишь в марте 2007 г., после назначения лидера мятежников Гильома Соро премьером Кот-д'Ивуара. Однако к этому моменту мятежники контролировали более половины территории страны (и фактически сохраняли этот контроль, без формального объявления независимости, вплоть до нынешнего «президентского кризиса»).

Гбагбо же после уничтожения своих самолетов французами, и особенно после того, как они отказались помочь ему разгромить мятеж, резко охладел к Парижу и даже, как утверждают эксперты, начал дискриминировать в стране французский бизнес.

Алассан Уаттара – из семьи, приехавшей в Кот-д'Ивуар из Буркина-Фасо. Учился в США (университет Пенсильвании), в 1984–1988 гг. возглавлял Африканский департамент МВФ, в 1988–1990 гг. Центральный банк государств Западной Африки,

затем вновь пришел в МВФ на должность заместителя директора-распорядителя. Стал политическим лидером мусульман Севера страны. Пользуется очевидной и активной поддержкой США.

В первом туре президентских выборов 2010 г. Гбагбо набрал 38% голосов, Уаттара – 33%. После второго тура выборов, прошедшего 28 ноября, ЦИК страны не успел к сроку – к 2 декабря – подсчитать голоса, но объявил победителем Уаттара (54,1% голосов против 45,9% за Гбагбо). Однако через день Конституционный совет страны аннулировал результаты выборов в семи преимущественно мусульманских округах Севера как подтасованные и объявил победителем Гбагбо (51,45% голосов против 48,55% за Уаттара)[421].

В результате оба претендента объявили себя президентами и приняли присягу, причем вооруженные силы страны объявили о своей верности Гбагбо. Однако США и Франция, для которых Гбагбо был по определению неприемлем, сразу (несмотря на решение Конституционного совета) признали Уаттара законным президентом Кот-д'Ивуара. А вслед за ними и ЕС, и экономическое сообщество стран Западной Африки ЭКОВАС, и ООН также объявили Уаттара президентом, а от Гбагбо потребовали оставить власть[422].

И в стране начался новый раунд (закончившейся лишь в 2007 г.) гражданской войны, в котором на стороне Гбагбо оказалась ивуарийская армия (преимущественно христиане и анимисты из племен Юга), а на стороне Уаттара – вооруженные формирования мусульманских племен Севера.

Франция, которая много лет держит в Кот-д'Ивуаре свой миротворческий контингент, и миротворцы ООН сразу продемонстрировали однозначную поддержку Уаттара. И его вооруженные формирования начали успешное наступление на войска Гбагбо, занимая город за городом. При этом, по данным Международного красного креста, к началу апреля 2011 г. было убито около тысячи человек, около 1 млн. человек покинули свои дома и бежали в другие районы страны, более 100 тыс. человек бежали в соседнюю Либерию[423].

30 марта 2011 года боевики Уаттара захватили столицу страны Ямусукро. А 31 марта СБ ООН принял резолюцию №1975, которая вводила санкции против Гбагбо, запрещала ему, его семье и ближайшему окружению выезд из страны, а также призывала Гбагбо немедленно оставить власть. На фоне знаменитой резолюции №1973 против Каддафи это событие мало кто заметил. Хотя эта

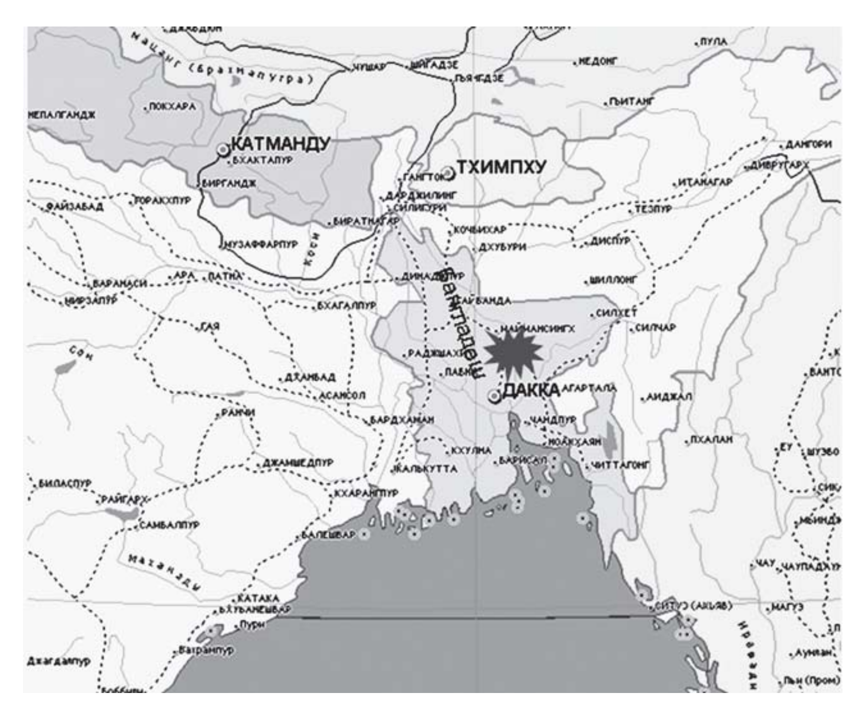
резолюция, как и предыдущая ливийская, фактически отрезала главе Кот-д'Ивуара любые пути к отступлению или компромиссу и вынуждала его сражаться до последнего.

С этого момента силы Франции и ООН включились в войну против Гбагбо «на полную мощность». 1 апреля 2011 года французские войска (миротворческая миссия «Ликорн») высадились в Абиджане, а миротворцы ООН захватили абиджанский аэропорт. 4 апреля вертолеты ООН и ВВС Франции бомбили дворец и резиденцию Гбагбо в Абиджане – крупнейшем городе, порту и экономической столице страны, – а также базы ивуарийской армии. После чего Гбагбо в телефонном интервью заявил: *«До этого мы вели войну против мятежников, но не против Франции. В понедельник же Париж в открытую выступил против нас. Французские силы нанесли удары по резиденции, по дворцу. Было разрушено здание телеканала РТИ... Французы перебрасывали отряды мятежников, их технику, раздавали им боеприпасы. Это было прямое участие Франции в конфликте»*[424].

Еще неделю бои в Абиджане и окрестностях шли с переменным успехом, несмотря на поддержку сил Уаттара миротворцами, бронетехникой и авиацией Франции и ООН. Но 11 апреля французский спецназ проник по тоннелю из посольства Франции в бункер под дворцом, захватил там Гбагбо и передал его в руки Уаттара[425]. Тем не менее 1 мая отдельные отряды войск Гбагбо еще отказывались сдаваться и вели бои в Абиджане и некоторых других районах страны.

Нет сомнений, что Гбагбо, как и любой другой правитель в этом регионе, был (при определенном выборно-демократическом антураже) достаточно свирепым диктатором. И Уаттара, если намерен хоть как-то сохранить государственную целостность и политический порядок в Кот-д'Ивуаре, будет вынужден править примерно такими же методами, подавляя силой сопротивление «нелояльных» племенных и конфессиональных групп.

Причем не исключено, что Уаттара (поскольку ему пришлось вместо регулярной армии опереться на силовой ресурс не приученных к дисциплине и «вкусивших крови» исламских боевиков) вскоре окажется перед выбором: либо начать демонстрировать еще более показательную свирепость, чем предшественник, либо быть очень быстро свергнутым наиболее радикальными силами из своей исламской «электорально-политической базы».

Бангладеш

Бангладеш – одна из самых густонаселенных (население около 160 млн. чел), бедных (подушевой годовой доход около $500) и «исламских» стран мира (90% граждан – мусульмане, почти все сунниты). Кроме того, ввиду плохого здравоохранения и высокой рождаемости, около 60% населения – молодежь в возрасте до 25 лет. Причем молодежь, в связи с непрекращающейся политической борьбой в стране, по преимуществу очень социально и политически активна.

После долгого и кровавого периода войны за независимость от Пакистана Бангладеш стала светской парламентской республикой. Однако при этом в ней много лет борются за власть (и попеременно к ней приходят) две основные политические силы: светская партия «Лига Агами» с ее антиклерикальными и левыми союзниками – и «Националистическая партия Бангладеш», которая блокируется с официально зарегистрированными исламскими партиями «Джамаат-Исламия Бангладеш», «Ислами Ойкья Джот» и др.

На последних всеобщих выборах в декабре 2008 г. убедительную победу одержала «Лига Агами» во главе с дочерью одного из «отцов» независимости страны, Шейх Хасиной.

Наряду с этим, в стране действуют радикально-террористические исламские группировки (в частности, «Джаграта муслим джаната Бангладеш» и «Джамаатул-муджахедин Бангладеш»), которые запрещены и находятся вне закона с 2005 года.

Специфика глубоко исламизированного большинства населения страны привела к тому, что в формально светской стране большинство социальных низов в действительности живет по нормам шариата. И Верховному суду приходится регулярно вмешиваться в практику законоисполнения на местном уровне с тем, чтобы предотвращать наиболее грубые нарушения норм писаного закона (в частности, в отношении прав женщин).

Бангладеш не в состоянии себя прокормить собственными силами и является одним из крупнейших мировых импортеров продовольствия (прежде всего, риса). И потому произошедшее за последний год резкое повышение мировых цен на продовольствие не могло не сказаться на уровне жизни основных масс населения. Кроме того, до недавних пор очень много граждан Бангладеш работало в арабских странах Ближнего Востока и Магриба, включая Ливию, Египет, Тунис, Кувейт, Саудовскую Аравию и т.д. Сейчас в ходе происходящих в этом регионе «революционных эксцессов» многие из них либо прекратили присылать деньги на родину, либо возвращаются домой в нищету. И это предопределяет обострение социально-экономической ситуации в стране.

Первые протестные эксцессы нынешней зимы в Бангладеш начались 11 января после катастрофического обвала фондовой биржи и остановки торгов. В столице Дакке недовольные инвесторы начали погромы на улицах, требуя от правительства возместить свои потери, к ним присоединились большие группы молодежи. Тысячные толпы протестующих полиция разгоняла слезоточивым газом и водометами, были пострадавшие[426].

31 января в предместье Дакки произошли крупные манифестации местных фермеров, протестующих против изъятия их земель под строительство нового аэропорта в обмен на денежные компенсации. При разгоне беспорядков полицией слезоточивым газом и резиновыми пулями один человек погиб и более 50 были ранены[427].

В феврале в различных провинциях страны происходило несколько крупных манифестаций, участники которых возмущались ростом цен на продовольствие. А в марте по всей стране начались протестные акции, связанные с обсуждением в парламенте нового закона о равноправии женщин, причем их организаторами были представители исламских партий.

3 апреля манифестация исламистов против закона о равноправии женщин в городе Джессур на юго-западе страны переросла в крупные столкновения с полицией, в ходе которых один из протестующих погиб, около 25 человек, в том числе полицейские и журналисты, были ранены[428]. Основное возмущение протестующих вызвали статьи закона, согласно которым все дети в Бангладеш, вне зависимости от пола, имеют право на равные доли наследства своих родителей. Манифестанты заявили, что такой закон противоречит нормам ислама.

По сообщениям экспертов, руководство Бангладеш опасается, что нынешняя волна исламских протестов может, на фоне ухудшения социально-экономической ситуации, в очередной раз (что уже неоднократно бывало в стране) вылиться в массовые и кровавые уличные стычки между исламистами и сторонниками светской власти.

А далее – перейти в затяжной и острый политический кризис.

Глава 3. В каких деталях «кроется дьявол»: общее, особенное и мегапроектные перспективы

Для всего огромного региона нынешних «исламских революций» характерны достаточно сильные и устойчивые этнорелигиозные, родоплеменные, клановые или территориально-общинные идентификации как на уровне элит, так и на уровне широких народных масс.

В этих обстоятельствах справедливость чаще всего понимается не как демократия в классическом западном смысле слова, а как высокий властный, экономический и социальный статус собственной идентификационной общности. Всем идентифика-

ционным общностям, которые «не у власти», этот статус представляется недостаточным.

Соответственно, в каждой из стран-кандидатов на очередную «исламскую революцию» – налицо и наготове протестный потенциал всех кланов и других идентификационных общностей, которые в данный момент не представлены или недостаточно представлены во власти. При этом армия и спецслужбы, как правило (за исключением наемных чужеземных «гвардий» некоторых правителей), – «плоть от плоти» соперничающих кланов. И потому почти всегда раздираемы теми же самыми идентификационными противоречиями.

Характерной особенностью практически всего исламского мира является большая плотность неформальных личных коммуникаций после проповеди в мечети, а также на базаре, на улице, на службе (в России это называется «сарафанное радио»), благодаря которой любой слух, представляющийся сколько-нибудь достоверным, мгновенно становится всеобщим достоянием и нередко обретает статус истины.

В качестве «первоисточника» информации для сарафанного радио в исламском мире всегда выступали суждения «мудрых» – мулл в мечетях, старейшин, ученых (потому в «исламских революциях» никогда не обходится без лидеров из образованной интеллигенции). В нынешнюю эпоху к этим «первоисточникам» добавились радио и телевидение, а также (в основном для молодого поколения) Интернет. И возникла триада – «авторитетные СМИ и Интернет, плюс мечеть, плюс сарафанное радио» – которая в любой момент готова почти мгновенно организовать исламскую улицу на протестное действие.

При этом в большинстве исламских стран социокультурная специфика высокой рождаемости при последовательном снижении детской смертности и повышении уровня образования привела к очень высокой доле в населении образованной молодежи.

Эта молодежь, с одной стороны, амбициозна и мечтает занять в социально-государственной системе те высокостатусные места, которые пока прочно заняты старшим поколением, и чаще всего – из других кланово-идентификационных общностей. И эта молодежь, с другой стороны, достаточно глубоко пропитана «информационной вседозволенностью» Интернета (как противовеса жестким рамкам ограничений ригористичной исламской культуры и властных поли-

цейских режимов), а также воспринятыми через СМИ и Интернет высокими «западными» потребительскими запросами. Вдобавок эта молодежь, в значительной своей части, грезит воспринятыми через те же СМИ и Интернет наивными идеологизированными ассоциациями процветания и богатства (то есть реализации своих потребительских запросов) с демократией западного образца.

Именно все перечисленное, как мы видим из изложенного в предыдущих главах, было вовлечено в работу «мировым сообществом», и прежде всего США и рядом европейских стран, в ходе нынешней волны «исламских революций».

Как вовлекали?

Мобилизовали«исламскую улицу» – через Интернет, но также и через мечети – на «демократические преобразования в направлении процветания», а по факту на мятеж и погромы (как в Тунисе, Алжире, Египте, Иордании и т.д.)...

Блокировали (через угрозу обнародования компрометирующих материалов, включая секретные банковские «коррупционные» счета и порочащие связи, или же просто прямым подкупом командного состава) жесткое подавление мятежа армией и спецслужбами властного клана (как в тех же Египте, Алжире, Тунисе)...

Организовали мировую кампанию дезинформации о происходящих в стране событиях при одновременной информационной блокаде СМИ правящего клана и таким образом создали о правящем режиме «черное» мировое общественное мнение, а затем провели через Совет Безопасности ООН резолюции, уничтожающие международную легитимность правящего клана (как в Ливии и Кот-д'Ивуаре)...

Признали лидеров организованного против власти мятежа единственными законными представителями «борющегося за демократию народа» (как в тех же Ливии, Нигерии, Кот-д'Ивуаре)...

Поддержали «информационной войной» и пропагандой оппозиционные кланы против кланов властных (как в Ливии, Сирии и многих других странах). А далее, не исключено, расширили поддержку оппозиции до предоставления развединформации, обучения кадров, поставок оружия и прямого участия в войне на стороне оппозиции (как в Ливии и Кот-д'Ивуаре)...

В итоге, помогли свержению «ненавистного диктаторского режима» и якобы установлению в стране (конечно же, сначала условной и несовершенной) демократии...

В силу сказанного выше, эта «демократия» всегда будет очень специфической и базирующейся на представлениях о ней новой пришедшей к власти идентификационной общности во главе с ее клановыми лидерами. Причем наиболее свирепой такая «демократия» окажется в странах, где между основными конкурирующими идентификационными общностями имеется приблизительный демографический и силовой баланс (как в Ливии, Иордании, Йемене, Нигерии, Кот-д'Ивуаре). В таких странах многолетняя резня, хаос и деградация гарантируются «демократическими преобразованиями» описанного типа почти на 100%.

При этом нужно еще раз напомнить, что в большинстве таких стран единственной достаточно организованной силой, которая способна прийти на смену резне и хаосу, хоть в какой-то мере их обуздать и обеспечить низовым массам минимально сносное существование, является жесткий ислам.

А такой ислам придет во власть со своими неизменными лозунгами «Ислам – это решение», «Прочь от соблазнов западного дьявола» и «Выход – в воссоздании правильного мироустроения: Халифата».

В связи с этим напомним также, кого Запад (прежде всего США и Великобритания) поддержал в решимости сколь угодно жестко пресекать оппозиционные «революционные протесты». Он поддержал подавление таких протестов именно и исключительно в самых жестких исламских нефтяных монархиях Персидского залива. Наиболее ярко и наглядно это произошло в Бахрейне. Напомним, что за месяц до свирепого подавления протестов армией и за два месяца до ввода в страну саудовских и эмиратских войск президент США Б.Обама назвал Бахрейн «образцом проведения демократических реформ»...

В заключение, после внимательного рассмотрения основных деталей «революций» начала 2011 года, следует вернуться к гипотезам и моделям происходящего, изложенным в главе 12 первой части книги.

При любом исходе подавляющего большинства «исламских революций» – будь то управляемый или неуправляемый хаос межплеменных и межконфессиональных войн или же относительный порядок жизни по доведенным до средневековой суровости нормам шариата в новосозданных исламских эмиратах и султанатах – наиболее вероятным результатом станет погружение громадных регионов мира и человеческих масс в неразвитие.

В связи с этим считаем необходимым подчеркнуть следующее.

Перечисленные выше «детали» событий в странах нынешних «революций» предоставляют очень много весомых доводов в пользу гипотезы о том, что **генеральный проект, в рамках которого инициированы эти «революции», – «демонтаж Модерна». Или, другими словами, «глобализация неразвития».** И именно под реализацию этого проекта, скорее всего, согласились активно участвовать в организации указанных «революций» (причем уже сейчас видно, что явно в ущерб европейским интересам) транснационализированные элиты Европы.

Далее, многие из приведенных данных свидетельствуют в пользу гипотезы о том, что в указанный «генеральный проект» вложены, как в «матрешку», еще два сугубо американских (точнее англосаксонских) крупных проекта.

Первый, вполне стратегический рассчитан на то, что запущенная волна «революций» надолго взорвет исламское «южное подбрюшье» Евразии. И тем самым приостановит (или даже отбросит далеко назад) ключевых сегодняшних и завтрашних конкурентов США в гонке за мировое лидерство – Китай, Евросоюз, Индию, Россию.

Очевидно, что исламская радикализация и дестабилизация в Афганистане, Пакистане и Бангладеш не может не отозваться исламской дестабилизацией в китайском Синьцзяне и новым всплеском сепаратизма в Тибете. Это особенно вероятно в том случае, если с началом вывода войск НАТО из Афганистана «освободившиеся» боевики из республик Средней Азии, сегодня воюющие в рядах талибов, начнут атаки на Ферганскую долину.

Не менее очевидно, что эксцессы исламской радикализации в Пакистане и Бангладеш не могут не затронуть Индию с ее гигантским «внутренним» исламским населением и сепаратистскими и террористическими тенденциями в Пенджабе, Джамму и Кашмире, Западной Бенгалии.

Тем более очевидно, что волна внутренней исламской радикализации и потоки беженцев из стран Магриба (в которых, как уже заявляют представители правоохранительных органов ЕС, очень существенна доля сугубо криминальных элементов) всерьез и надолго дестабилизируют и социально-экономическую, и политическую ситуацию в Европе. И прежде всего, в основных «странах-локомотивах» ЕС – Франции и Германии, с их и без того очень круп-

ной и политически активной исламской диаспорой. Первый признак этого процесса – фактическая приостановка (конечно же, оговаривается, что временная) действия Шенгенских соглашений об отказе от паспортного контроля на внутренних границах ЕС.

В том, что касается России, последствия происходящих «революций» также очевидны и, более того, форсируются (причем трудно верить, что случайно).

Так, военные эксперты сообщают, что лидеры радикального халифатистского «Исламского движения Узбекистана» (ИДУ) уже заявили о решимости в самое ближайшее время, по мере вывода войск коалиции из Афганистана, активизировать свои действия в Ферганской долине.

Кроме того, в конце апреля 2011 г. в прессе появились «предварительные выводы» международной комиссии во главе со спецпредставителем Парламентской ассамблеи ОБСЕ по Центральной Азии Киммо Кильюненом о расследовании крупнейших эксцессов в Ферганской долине в мае 2010 г.[429] Комиссия возлагает основную вину за эти эксцессы на временное правительство Киргизии Розы Отунбаевой.

Это неизбежно спровоцирует властную дестабилизацию в Киргизии (которая и без того находится в глубоком кризисе), а также «взрывную» эскалацию политической напряженности в Узбекистане и в узбекско-киргизских отношениях. То есть откроет широкие возможности для обещанных боевиками ИДУ «активных действий» в регионе.

А поскольку Россия связана со странами региона обязывающими соглашениями в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), в случае перехода конфликта в Ферганской долине в военно-террористический регистр (и тем более в случае его расширения на сопредельные Таджикистан и Казахстан), военное вмешательство Москвы окажется практически неизбежным.

Нельзя исключать, что эти события будут неслучайным образом «синхронизированы» с активизацией радикального террористического ислама в республиках Северного Кавказа и Поволжья (военные аналитики считают такую «синхронизацию» высоковероятной).

Кроме того, стоит напомнить, что еще в начале апреля 2010 г. (во время «революции в Бишкеке» по свержению президента Кур-

манбека Бакиева и до ферганских эксцессов) исламисты из ИДУ предрекали неизбежность гражданской войны в стране и вмешательства России в конфликт в силу обязательств ОДКБ. И обещали, что если Россия действительно вмешается, она получит в Ферганской долине «второй Афганистан».

Так что не случайно президент России Дмитрий Медведев еще 14 апреля 2010 г. призвал Бакиева уйти в отставку, *«чтобы не допустить превращения страны во второй Афганистан»*[430].

Наконец, по нашей гипотезе, второй проект США, вложенный в обсуждаемую «проектную матрешку», видимо, имеет целью «экономическое торможение» глобальных конкурентов США.

Так, еще один вполне очевидный результат происходящих ныне «революций» – остановка нарастающей в последние годы экономической экспансии Китая, Индии, стран Европы, России на неосвоенные (прежде всего, сырьевые) ресурсы стран Африки.

«Цунами революций» вполне очевидным образом резко повышает конъюнктурные риски капиталовложений не только в собственно «революционном» мегарегионе, но и во всех странах мира, косвенно затронутых кризисными эксцессами. И, соответственно, инициирует новый приток «свободных» мировых денег в государственные облигации и биржевые активы США, которые в условиях кризисов привычно считаются минимально рисковой «тихой гаванью» капиталов. Что, соответственно, позволит США и далее финансировать притоком этих чужих денег гигантские внешнеторговый и бюджетный дефициты глубоко кризисной национальной экономики.

Наконец, из динамики нынешнего энергоресурсного баланса ведущих стран мира видно, кто наиболее нуждается в импорте нефти и газа, причем преимущественно из тех регионов Магриба и Большого Ближнего Востока, где происходят «революции». Это большинство стран ЕС (включая Германию, Италию, отчасти Францию), а также Китай, Индия, Япония. США и Великобритания зависимы от импорта энергоносителей из этих «революционных» регионов несравненно слабее.

Соответственно, хаос «исламских революций» наиболее болезненно сказался на устойчивости «энергетического базиса» развития экономики и на расходах на импорт энергоносителей именно в уже названных союзах и странах – глобальных конкурентах США: в ЕС, Китае и Индии, но не в Америке. Об этом можно су-

дить хотя бы по тому, что с самого начала этих «революций» цена барреля нефти на Нью-Йоркской бирже оказывается в среднем на 12–15 долларов ниже, чем на Лондонской бирже.

Причем нужно отметить, что поставки нефти на мировой рынок в результате этих «революций» упали очень незначительно (остановка экспорта Ливией – это менее 2% мирового нефтяного рынка), а резкий скачок нефтяных (и следом за ними газовых) цен – в основном результат спекулятивного бума и «наценок за политический риск». Понятно, что возможные эксцессы в ключевых поставщиках нефти на мировые рынки – монархиях Залива, Ираке, Иране – создадут для основных мировых нефтяных импортеров гораздо более тяжелые энергетические, валютные и общеэкономические проблемы. А развитие ситуации в «революционном» мегарегионе от такого сценария пока что вовсе не гарантирует.

Кроме того, весь мир крайне интересует вопрос о том, чем завершатся нынешние и будущие «революционные эксцессы» в плане конфигурации мирового рынка энергоносителей. А именно – кто, куда, под чьим контролем и в чью пользу будет экспортировать нефть и газ из «послереволюционных» стран. Уже сейчас в мире все громче звучат голоса, утверждающие, что эти вопросы вскоре неизбежно станут предметом острых политических, а далее, вполне возможно, и военных конфликтов.

Не исключено, что США, Великобритания и Франция, которые в инициировании «исламских революций» принимают наиболее активное, многостороннее и деятельное участие, рассчитывают при решении указанного вопроса об энергоносителях на «благосклонность» тех исламских элит, которым они помогают прийти к власти, и которые они вправе считать своими хотя бы условными «союзниками».

Однако при этом, во-первых, не следует предполагать, что имеющиеся у упомянутых исламских элит глобальные политические амбиции («от исламских эмиратов к всемирному халифату»), к тому же явно «подогретые» происходящими «революциями», вдруг в одночасье исчезнут.

Во-вторых, необходимо учитывать, что у указанных исламских элит для реализации этих амбиций имеются далеко не только террористические средства. Эти средства сегодня уже включают очень мощную и продуманную систему исламской пропаганды – через

мечети, хорошо организованную печатную и электронную прессу и Интернет.

Мы уже видим, как в этой пропаганде все более отчетливо обнажается экзистенциальная и в целом мировоззренческая (причем очень значимая далеко не только для верующих) поляризация позиций. Ислам предъявляет себя глобальным лидером священной войны за СОХРАНЕНИЕ НОРМ (которое ведущие исламские проповедники вполне сознательно расширяют далеко за пределы ригористически понимаемых норм шариата) – против решительного постмодернистского ОТРИЦАНИЯ ВСЕХ И ВСЯЧЕСКИХ НОРМ, которое несет миру Запад под флагом «демократизации».

Причем нынешние события в «зоне исламских революций», включая фальшивые оправдания эскалации военного вмешательства в Ливии, массив явной лжи и последующих неуклюжих опровержений и оправданий администрации США в связи с убийством Усамы бен Ладена, и т.д., – дают для такой исламской пропаганды очень богатый и убедительный материал.

В-третьих, если говорить об амбициях радикального ислама, не стоит забывать совсем исторически «свежий» опыт тех же США, которые сначала создавали талибов и бен Ладена с его «Аль-Каидой» в качестве «дьявола для грязной работы» против СССР. А затем в совокупности истратили на борьбу с этим «дьяволом», по разным оценкам, до 2,3 трлн. долл. Не говоря об огромном количестве человеческих жертв.

И в связи с этим нельзя не напомнить признание одного из создателей этого самого «дьявола для грязной работы», бывшего главы операций ЦРУ в Афганистане Чарльза Когана, которое он сделал в интервью «Нью-Йорк Таймс» в 1995 г. после первых крупных терактов исламистов в США: *«Мы хотели нанести как можно больший ущерб Советам... когда мы проводили эти операции, никому не приходила в голову гипотеза, что моджахеды придут в Америку»*[431].

Примечания

[1] Bush G.W. Commencement Address at the University of South Carolina. 09.05.2003. URL: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=407#axzz1LD2PmQLn
[2] Remarks by President George W. Bush at the 20th Anniversary of the National Endowment for Democracy. 06.11.2003. URL: http://www.ned.org/george-w-bush/remarks-by-president-george-w-bush-at-the-20th-anniversary
[3] Ibid.
[4] Ibid.
[5] URL: http://www.globalsecurity.org/military/library/news/2004/01/mil-040124-usia01.htm
[6] Цит. по: Волович А.А. О планах демократизации Ближнего Востока. URL: http://www.iimes.ru/rus/stat/2004/19-08-04.htm
[7] Там же.
[8] Achcar G. Fantasy of a Region that Doesnt Exist: Greater Middle East, the US plan // Le Monde Diplomatique. 04.04.2004.
[9] Самохоткин А. Лига несостоявшихся реформ. Межарабский саммит в Тунисе отложен на неопределенный срок // Время новостей. 29.03.2004.
[10] Бабаева С. Американский идеализм как способ спасти мир // Известия. 18.05.2004.
[11] Там же.
[12] Цит. по: Волович А.А. Указ. соч.
[13] URL: http://www.accessnorthgeorgia.com/detail.php?n=167045
[14] Бабаева С. Остров споров // Известия. 10.06.2004.
[15] Цит. по: Волович А.А. Указ. соч.
[16] Лукьянов Ф. Демократия для бен Ладена // Московские новости. 11.06.2004.
[17] Храбрый О. Чисто американская мечта // Эксперт. 14.06.2004.
[18] Загорецкий М. Революция пирамид // Коммерсантъ. 07.04.2005.
[19] URL: http://www.news.bbc.co.uk/2/hi/4109902.stm
[20] Bush G.W. Speech at the National Endowment for Democracy. Washington, DC, 06.10.2005. URL: http://www.presidentialrhetoric.com/speeches/10.06.05.html
[21] Горшков И. «Братья мусульмане» теснят Мубарака // Независимая газета. 21.11.2005.
[22] Плахотников Г. Борьба за власть // Коммерсантъ. 28.11.2005.
[23] Цит по: Исламистский проект межрелигиозного братства // НГ-религии. 07.12.2005.
[24] Горшков И. У «Братьев мусульман» беспрецедентный успех // Независимая газета. 09.12.2005.
[25] Зыгарь М. «Братья-мусульмане» прорвались в парламент // Коммерсантъ. 09.12.2005.
[26] Schmitt E., Shanker T. Washington recasts terror war as «struggle» // The New York Times. 27.07.2005.
[27] Ibid.
[28] Ibid.
[29] Блинов А. В США появятся силы быстрого реагирования // Независимая газета. 28.09.2005.
[30] Там же.
[31] URL: http://www.cnews.ru/news/top/index.shtml?2005/09/09/186287
[32] Цит. по: Зыгарь М. Америка наносит ответный пиар // Коммерсантъ. 27.09.2005.
[33] Там же.
[34] Глассман Д. Брифинг по вопросам общественной дипломатии США и войне идей. 28.10.2008. URL: http://www.liberty.ru/groups/russian-world/Brifing-po-voprosam-obschestvennoj-diplomatii-SSHA-i-vojne-idej

[35] URL: http://www.severnyflot.ru/news.php?extend.1062 (со ссылкой на Голос Америки, США, 14.02.2008).
[36] Глассман Д. Указ. соч.
[37] Giglio M. The State Department's School for Revolutionary Bloggers // The Daily Beast. 01.02.2011.
[38] Clinton H.R. Remarks on Internet Freedom. 21.01.2010. URL: http://www.state.gov/secretary/rm/2010/01/135519.htm
[39] Цит. по: Малышева Ю. Обама попал под цензуру // Взгляд. 17.11.2009. URL: http://www.vz.ru/politics/2009/11/17/349546.html
[40] США назвали ситуацию с Google нарушением прав человека // Взгляд. 22.01.2010. URL: http://www.vz.ru/news/2010/1/22/368958.html
[41] РИА Новости. 23.01.2010. URL: http://www.rian.ru/world/20100123/205912412.html
[42] Clinton H.R. Internet Rights and Wrongs: Choices & Challenges in a Networked World. 15.02.2011. URL: http://www.state.gov/secretary/rm/2011/02/156619.htm
[43] ИТАР-ТАСС. 26.04.2011.
[44] Цит. по: Ивановский А. Время «сетевых революций». В США разрабатывается информационное оружие нового поколения // Столетие. 16.03.2011.
[45] Там же.
[46] Бжезинский З. Еще один шанс. М., 2007. С.25–26.
[47] Там же. С.52.
[48] Там же. С.85.
[49] Там же. С.77.
[50] Там же. С.80–81.
[51] Там же. С.118.
[52] Там же. С.126.
[53] Там же. С.118.
[54] Там же. С.133.
[55] Там же. С.39.
[56] Там же. С.42.
[57] Там же. С.43.
[58] Там же. С.44.
[59] Там же. С.45.
[60] Там же. С.138.
[61] Там же. С.138–139.
[62] Там же. С.149.
[63] URL: http://www.polit.ru/news/2005/08/15/bol.html
[64] Гришина М. Египетская стража для Газы // Время новостей. 25.08.2005.
[65] Бжезинский З. Указ. соч. С.184.
[66] Там же. С.190.
[67] Там же. С.203.
[68] Там же. С.204.
[69] Там же. С.208.
[70] Там же. С.210–211.
[71] Там же. С.215.
[72] Братья-мусульмане не будут выдвигать кандидата в президенты Египта // РИА Новости. 12.03.2011.
[73] Хосни Мубарак покинул свой пост, обвинив в кровопролитии «Братьев-мусульман» // ИТАР-ТАСС (со ссылкой на Reuters). 05.02.2011.
[74] Росбалт. 01.02.2011.

[75] Плещунов Ф. Ислам или бен Ладен: что выберут мусульмане? URL: http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/03-05-11c.htm
[76] Р.Рида издавал журнал «Аль-Манар» («Маяк») – рупор салафитского движения. Первый номер журнала вышел в свет в 1898 году. Журнал издавался ежемесячно и Рида оставался издателем до своей смерти в 1935 году.
[77] Цит. по: Зеленев Е.И. Османизм и его роль в общественно-политической жизни Сирии. Л., 1990. С.56.
[78] Blunt W. My diaries, being a personal narrative of events 1888–1914. L., 1907. Vol.II. P.91.
[79] Sabry M. La Genese de lŕespirit national egyptien (1863–1882). Paris, 1942. P.142.
[80] Цит. по: Исламский экстремизм и фундаментализм как угроза национальной безопасности России: Научный отчет. М., 1995.
[81] Цит. по: Ислам в современной политике стран Востока. М., 1986. С.86.
[82] Соглашение по Суэцкому каналу 1954 года давало право британским войскам пересекать египетскую границу в том случае, если интересы Великобритании на Ближнем Востоке оказывались под угрозой и, фактически, санкционировало присутствие британских войск в районе Суэцкого канала.
[83] 6 октября 1981 года Садат был убит членами террористических групп «Исламский джихад» («Аль-Джихад аль-Ислами») и «Исламская группа» («Аль-Гамаа аль-Исламийа»), отколовшихся от «Братьев-мусульман». В 1995 году «Исламская группа» попыталась убить Хосни Мубарака. В 1996 году та же группа взяла на себя ответственность за убийство в центре Каира 18 греческих туристов, которых приняли за израильтян. В 1997 году «Исламская группа» убила 58 иностранных туристов и 12 египтян («бойня в Луксоре»).
[84] Цит. по: Гушер А., Левицкий Л. Кровавое наследство человечества // Российская Федерация сегодня. 2001. №20.
[85] The United States and Italy Designate Twenty-Five New Financiers of Terror // Department of the Treasury Office of Public Affairs. 29.08.2002.
[86] Время новостей. 13.05.2004; Коммерсантъ. 23.04.2004.
[87] Middle East Media Research Institute. Bulletin №447. 06.12.2002, translating the fatwa issued on 02.12.2002. URL: http://www.memri.org/report/en/0/0/0/0/0/0/774.htm
[88] BBC. 08.07.2004.
[89] Vidino L. The Muslim Brotherhood's Conquest of Europe // Middle East Quarterly. January 2005.
[90] Washington's Secret History with the Muslim Brotherhood // The New York Review of Books. 05.02.2011.
[91] Аш-Шарк аль-Авсат. 11.12.2005. URL: http://i-r-p.ru/page/stream-document/index-2182.html
[92] Цит. по: Берг И.С. Немецкие эксперты о вероятности прихода к власти в Египте «Братьев-мусульман» и его последствиях. URL: http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/22-02-11.htm
[93] Stephens B. Understanding the Muslim Brotherhood // The Wall Street Journal. 16.02.2011.
[94] El-Errian E. What the Muslim Brothers Want // The New York Times. 09.02.2011.
[95] Stephens B. Understanding the Muslim Brotherhood // The Wall Street Journal. 15.02.2011.
[96] Цит. по: Ислам в современной политике стран Востока. М., 1986. С.193.
[97] Rostow W. Walt, Hatch Richard. An American Policy in Asia. N.Y., 1955.
[98] Kissinger H. Nuclear Weapons and Foreign Policy. N.Y., 1957.
[99] The New York Times. 23.04.1989.
[100] Жискар д'Эстен Валери. Власть и жизнь. М., 1990. Т.1. С.78–79.
[101] Интервью Бхутто лондонскому еженедельнику Observer. 01.12.1974.

[102] Interview with Dr. Zbignev Brzezinski, for CNN's Coldwar Series // The National Security Archive. 13.06.1997.
[103] Розанова М. Кавказская пленница. Таковой, увязнув в Чечне, постепенно становится Россия // Независимая газета. 11.05.2001.
[104] Precht Henry. The Iranian Revolution 25 Years Later: An Oral History with Henry Precht / / The Middle East Journal. Vol.58. №1 (Winter 2004). P.14, 18,21.
[105] Ibid. P.21.
[106] Carter J. Keeping Faith: Memoirs of a President. N.Y.: Bantam Books, 1982. P.444–446, 449.
[107] Секретная записка президента от Мишеля Понятовски. Париж. 29.12.1978 // Жискар д'Эстен В. Власть и жизнь. Т.1. Приложение. С.302–319.
[108] Там же. С.303–304.
[109] The Washington Post. 15.12.1978.
[110] Carter J. Op. cit. P.445.
[111] Жискар д'Эстен В. Указ. соч. М.,1993. Т.2.
[112] Iran: The Crescent of Crisis // Time magazine. 15.01.1979. P.6–11.
[113] Precht H. Op. cit. P.30–31.
[114] Gates R.M. From the Shadows: The Ultimate Insider's Story of Five Presidents and How They Won the Cold War. 1996. P.145.
[115] Jauvert V. Les révélations d'un ancien conseiller de Carter. «Oui, la CIA est entrée en Afghanistan avant les Russes...» // Le Nouvel Observateur . 15 – 21.01.1998.
[116] Yousaf M., Adkin M. The Bear Trap: The Defeat of a Superpower. Leo Cooper, 1992.
[117] Ibid.
[118] Interview with Dr. Zbignev Brzezinski. // The National Security Archive. 13.06.1997.
[119] Рашид А. Талибан. Ислам, нефть и новая Большая игра в Центральной Азии. Библион, 2003. С.183.
[120] Цит. по: McCoy A. Drug Fallout: the CIA's Forty Year Complicity in the Narcotics Trade. The Progressive. 01.08.1997.
[121] The Associates Press. 23.08.1998.
[122] Jauvert V. Op. cit.
[123] The Washington Post. 24.01.1980.
[124] Brzezinski Z. Power and Principle: Memoirs of the National Security Adviser, 1977–1981. N.Y.: Farrar, Straus & Giroux, 1983. P.568–569.
[125] Юсуф М. Разговор с автором // Швейцер П. Победа. Минск, 1995. С.297–298.
[126] Швейцер П. Указ. соч. С.322–323.
[127] Рашид А. Талибан. Ислам, нефть и новая Большая игра в Центральной Азии. Библион, 2003. С.178–179.
[128] Excerpts from Iraqi Document on Meeting with U.S. Envoy (25.07.1990). The New York Times International. 23.09.1990.
[129] Miller J. Mideast Tensions; King Hussein on Kuwait and Dashed Hope // The New York Times, October 16, 1990.
[130] Girardon J. Ghannouchi: «Pour quoi je suis islamiste» // L'Express. 29.04.1993. P.90–91.
[131] Muttitt G. Fuel on Fire: Oil and Politics in Occupied Iraq. Bodley Head, 2011; Independent. 19.04.2011.
[132] См., в том числе, интервью Мохаммеда эль-Сенусси (Metronews.ru. 18.04.2011).
[133] Le Monde. 19.04.2011.
[134] The White House Office of the Press Secretary. Remarks by the President on Egypt. 11.02.2011.
URL: http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/02/11/remarks-president-egypt

[135] Bush G.W. Speech at the National Endowment for Democracy. Washington, DC, 06.10.2005.
[136] The Fox News. 10.02.2011. URL: http://nation.foxnews.com/culture/2011/02/10/obamas-intel-chief-muslim-brotherhood-non-violent-secular-group
[137] Wilson S. Obama administration prepares for possibility of new post-revolt Islamist regimes // The Washington Post. 04.03.2011.
[138] Интервью Роберта Гейтса телеканалу «Россия». 26.03.2011.
[139] Soros G. Why Obama has to get Egypt right // The Washington Post. 03.02.2011.
[140] NPR Staff. 06.02.2011. URL: http://wap.npr.org/news/Politics/133538942
[141] Rice C. The future of a democratic Egypt // The Washington Post. 16.02.2011.
[142] URL: http://www.presstv.ir/detail/176776.html
[143] URL: http://www.islamnews.ru/news-34181.html
[144] Meadows D. et.al. The Limits to Growth. N.-Y.: Universe Books, 1972; Э. Ласло и др. Цели для человечества. 1977. (http://www.russ-yug.ru/article/650/)
[145] Vincent J. Op. cit.
[146] Gates R.M. Op. cit. P.145.
[147] The Dynamic of Tribes in Libia. URL: http:/www.stratfor.com/node/21463/archive
[148] URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_colier/3220/%D0%98%D0%94%D0%A0%D0%98%D0%A1
[149] MIGnews. 26.03.2011.
[150] The Global Competitiveness Report 2008–2009, by World Economic Forum.
[151] URL: http://www.warandpeace.ru/ru/reports/view/56716/
[152] URL: http://www.ctc.usma.edu/harmony/pdf/CTCForeignFighter.19.Dec07.pdf
[153] URL: http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/18-03-11a.htm
[154] WSJ. 18.03.2011.
[155] URL: http://www.pda.mk.ru/politics/article/2011/03/09/571151-ubit-tirana.html
[156] The Dynamic of Tribes in Libia. URL: http:/www.stratfor.com/node/21463/archive
[157] Президент Чада Идрис Деби в интервью еженедельнику «Jeune Afrique» 22 марта сообщил, что исламисты АКМ воспользовались грабежом военных складов в зоне восстания в Ливии и взяли много оружия, в том числе ракеты «земля-воздух», и переправили ракеты в свои тайники в Тенере, в центральной части Сахары. Источники в системах безопасности Мали и Нигера подтверждают, что магрибская «Аль-Каида» разжилась тяжелым ливийским оружием (URL: http://www.rosbalt.ru/230311).
[158] Бывший помощник министра финансов США в администрации Р.Рейгана Пол Крейг Робертс (URL: http://www.presstv.ir/detail/176776.html).
[159] 31 марта сайт NPR сообщил, что группа офицеров ЦРУ США находится в Ливии, обучая повстанцев, а также наводя авиацию коалиции на цели правительства Каддафи (URL: http://www.npr.org/2011/03/31/135005728/cia-operatives-gathering-intelligence-in-libya?sc=tw&cc=share). В ответ на вопросы журналистов о правомочности таких действий глава Пентагона Р.Гейтс заявил, что наземных войск США в Ливии нет, а за ЦРУ он не отвечает (URL: http://www.netvestnik.com/news-.html). Позже Гейтс заявил, что, по мнению Вашингтона, резолюция СБ ООН допускает поставки оружия повстанцам в Ливии: *«Эмбарго в резолюции №1973 относится только к Каддафи и правительству»* (URL: http://www.newsru.com/world/01apr2011/liviya.html).
[160] CNN. 24.02.2011.
[161] URL: http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html, 05.04.2011
[162] URL: http://www.newsru.com/world/01apr2011/gorstka.html; Die Welt. 03.04.2011. – Один из лидеров ливийских повстанцев, Абдель-Хаким аль-Хасиди, заявил

итальянским СМИ, что он лично набрал «около 25» джихадистов в районе Дерна для борьбы против США в Ираке; а теперь «они на переднем крае в Аджабии» (Asia Times online. 30.03.2011).

[163] Независимая газета. 04.04.2011.

[164] 7 апреля на слушаниях в Конгрессе США в Конгрессе глава Африканского командования ВС США генерал Картер Хэм признал, что военная ситуация в Ливии «тупиковая» (ИТАР-ТАСС. 08.04.2011).

[165] Lenta.ru. (13.04.2011.)

[166] AFP. 12.04.2011; Le Monde. 18.04.2011.

[167] La Repubblica. 31.03.1011; Reuters. 01.04.2011.

[168] Asia Times online. 30.03.2011.

[169] URL: http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html (05.04.2011.)

[170] URL: http://www.dailymail.co.uk (01.04.2011.)

[171] La Repubblica. 14.04.2011.

[172] AFP. 15.04.2011.

[173] The Times. 15.04.2011.

[174] BBCnews. 05.04.2011.

[175] Boston Globe. 14.04.2011.

[176] ИТАР-ТАСС. 18.04.2011.

[177] Там же. 20–22.04.2011.

[178] The Washington Post. 21.04.2011.

[179] The Associated Press. 22.04.2011.

[180] Reuters. 22.04.2011.

[181] AFP. 22.04.2011.

[182] Reuters. 25.04.2011; RBCdaily, 25.04.2011.

[183] Цит. по: Newsru.com (25.04.2011).

[184] Reuters. 30.04.2011.

[185] The Wall Street Journal. 03.05.2011.

[186] Reuters. 02.05.2011.

[187] Euronews. 22.04.2011.

[188] Как заявил BBCnews 2 мая 2011 года глава Еврокомиссии Жазе Мануэль Баррозу, на границах, разделяющих страны ЕС, возможно возвращение паспортного контроля. В ЕС рассматривается уточнение статьи 32 Шенгенских соглашений, предусматривающее возможность временного закрытия границ государства в том случае, если его руководство видит угрозу общественной безопасности за пределами страны.

[189] URL: http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/04-03-11b.htm

[190] Так, немецкая «Die Welt» приводит высказывания офицеров НАТО о том, что в Ливии *«члены Аль-Каиды уже слились с бойцами сопротивления»* (Die Welt. 03.04.2011). А агентство «Reuters» 5 апреля 2011 года сообщает, что в караванах грузовиков с оружием, которые идут через южную границу Ливии на базы боевиков Аль-Каиды в Чаде и Мали, вполне могут оказаться похищенные повстанцами с армейских складов зенитные ракетные комплексы «Стрела-2» и «Игла-С», которые Каддафи закупал в России.

[191] URL: http://www.newafrica.ru/digest/0702/070226_al.htm

[192] URL: http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/08-02-11a.htm

[193] URL: http://www.russian.rfi.fr/v-mire/20110122-posle-tunisa-alzhir

[194] URL: http://www.pda.nr2.ru/11/02/13/all/

[195] URL: http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1301517840

[196] URL: http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/11-03-11.htm

[197] URL: http://www.rian.ru/world/20110213/334077091.html

[198] URL: http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/11-03-11.htm
[199] Цит. по: URL: http://claywo.livejournal.com/187134.html, 07.04.2011
[200] AFP. 02.04.2011.
[201] AFP. 15.04.2011.
[202] Associated Press. 17.04.2011.
[203] Филатов С. Тунисский бунт. Бессмысленный и беспощадный. 21.01.2011 // Русский обозреватель. URL: http://www.rus-obr.ru/idea/9335
[204] The Global Competitiveness Report 2008–2009, by World Economic Forum.
[205] Coker M. Tunisia Names Caretaker Government, Credits Army // The New York Times. 16.01.2011.
[206] AFP. 20.02.2011.
[207] The Associated Press. 31.01.2011.
[208] URL: http://www.news.mail.ru/politics/5682418/
[209] BBCnews. 14.04.2011.
[210] AFP. 22.04.2011.
[211] The Associated Press. 30.04.2011.
[212] URL: http://www.meast.ru/article/
[213] Марокканский политолог Саид Лахаль (Цит. по Куделев В. Ситуация в Марокко. 08.02.2011. URL: http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html).
[214] UNCTAD Handbook of Statistics 2009.
[215] Los Angeles Times. 22.02.2011.
[216] AFP. 21.02.2011.
[217] CNN. 27.02.2011.
[218] AFP. 09.03.2011.
[219] The Associated Press. 13.03.2011.
[220] AFP. 16.03.2011.
[221] URL: http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/14-04-11.htm
[222] AFP. 04.04.2011.
[223] AFP. 29.04.2011.
[224] URL: http://www.agronews.ru/newsshow.php?NId=64299
[225] URL: http://www.weandworld.ru/world/503-bratiya-musulmane.html
[226] ARD (немецкая телерадиокомпания). 03.02.2011.
[227] CNN. 03.02.2011.
[228] ABC. 24.01.2010.
[229] CNN. 11.02.2010.
[230] MiGnews. 12.02.2010.
[231] AP. 12.02.2010.
[232] BBCnews. 15.02.2010.
[233] URL: http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html
[234] BBCnews. 01.04.2011.
[235] Al-Arabiya. 09.04.2011.
[236] AFP. 10.04.2011.
[237] BBCnews. 13.04.2011.
[238] AFP. 16.04.2011.
[239] URL: http://www.profinews.com.ua/get.php/3826/na-yuge-egipta-obyavleno-chrezvyichaynoe-polozhenie
[240] ИТАР-ТАСС. 27.04.2011.
[241] Reuters. 27.04.2011.
[242] URL: http://www.inoforum.ru/inostrannaya_pressa/pridut_li_k_vlasti_bratya-

musulmane1/; http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/13-02-11.htm
[243] URL: http://ru.science.wikia.com/
[244] Современная Сирия: история, политика, экономика. М.: Институт востоковедения РАН, 2011.
[245] The Global Competitiveness Report 2009.
[246] AFP. 21.03.2011.
[247] САНА. 22.03.2011.
[248] Le Figaro. 25.03.2011.
[249] Al-Jazeera. 24.03.2011.
[250] AFP. 26.03.2011.
[251] BBCnews. 29.03.2011.
[252] ИТАР-ТАСС. 30.03.2011.
[253] AFP. 29.03.2011.
[254] САНА. 30.03.2011.
[255] CNN. 30.03.2011.
[256] САНА. 31.03.2011.
[257] AFP. 02.04.2011.
[258] URL: http://www.kurdishcenter.ru/
[259] САНА. 09.04.2011.
[260] AFR. 09.04.2011.
[261] ИТАР-ТАСС. 12.04.2011.
[262] Там же. 14.04.2011.
[263] The Washington Post. 18.04.2011.
[264] ИТАР-ТАСС. 17.04.2011.
[265] САНА. 18.04.2011.
[266] Al-Jazeera. 19.04.2011.
[267] САНА. 19.04.2011.
[268] MIGnews. 22.04.2011.
[269] САНА. 22.04.2011.
[270] CNN. 23.04.2011.
[271] BBCnews. 23.04.2011.
[272] AFP. 25.04.2011.
[273] CNN. 28.04.2011.
[274] ИТАР-ТАСС. 28.04.2011.
[275] AFP. 27.04.2011.
[276] Reuters. 29.04.2011.
[277] BBCnews. 29.04.2011.
[278] ИТАР-ТАСС. 03.05.2011.
[279] См., например: ABC. 02.04.2011.
[280] Коротаев А.В. Социальная история Йемена, X в. до н.э. – XX в. н.э.: вождества и племена страны Хашид и Бакил. М.: КомКнига, 2006.
[281] URL: http://www.iimes.ru/rus/stat/2009/28-04-09d.htm
[282] URL: http://www.rodon.org/polit-091230163141
[283] URL: http://www.terrorunet.ru/worldterror/390.html
[284] ABC. 12.01.2011.
[285] BBCnews. 17.02.2011.
[286] Reuters. 06.03.2011.
[287] CNN. 12.03.2011.
[288] AFP. 16.03.2011.

[289] BBCnews. 19.03.2011.
[290] URL: http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/
[291] The Associated Press. 25.03.2011.
[292] Рябов П.П. Йемен накануне войны. URL: http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/
[293] Там же.
[294] Reuters. 28.03.2011.
[295] Interfax. 07.04.2011.
[296] BBCnews. 08.04.2011.
[297] The Associated Press. 09.04.2011.
[298] The Guardian. 11.04.2011.
[299] BBCnews. 20.04.2011.
[300] URL: http://www.vesti.ru, 22.04.2011
[301] BBCnews. 24.04.2011.
[302] Reuters. 01.05.2011.
[303] Сатановский Е. Детонатор будущего катаклизма на Ближнем Востоке // Военное обозрение. 14.09.2010.
[304] Der Spiegel. 21.03.11.
[305] ИТАР-ТАСС. 07.04.2011.
[306] URL: http://www.newsinfo.ru/articles/2011-04-22/syria/752087/
[307] CNNturk. 22.04.2011.
[308] ИТАР-ТАСС. 17.04.2011.
[309] AFP. 17.04.2011.
[310] РИА Новости. 15.02.2011.
[311] Gaseta.ru. 13.03.2011.
[312] РИА Новости. 18.04.2011.
[313] The Guardian. 27.04.2011.
[314] ИТАР-ТАСС. 30.03.2011.
[315] ABC. 08.04.2011.
[316] URL: http://www.ahlibeyt.ru/index.php?razdel=1&p=news&newsid=6003
[317] CNN. 04.04.2011.
[318] Reuters. 20.03.2011.
[319] ИТАР-ТАСС. 29.03.2011.
[320] Reuters. 03.04.2011.
[321] The Associated Press. 15.04.2011.
[322] ИТАР-ТАСС. 16.04.2011.
[323] Там же. 18.04.2011.
[324] BBCnews. 21.04.2011.
[325] РИА Новости. 23.04.2011.
[326] URL: http://www.vesti.ru (25.04.2011).
[327] Reuters. 27.04.2011.
[328] URL: http://www.news.mail.ru/politics/5818842/
[329] CNN. 28.01.2011.
[330] ИТАР-ТАСС. 18.03.2011.
[331] URL: http://www.vz.ru/news/2011/4/10/482609.html
[332] The Associated Press. 08.04.2011.
[333] BBCnews. 11.04.2011.
[334] URL: http://www.bbc.co.uk/news/uk-12967819
[335] URL: http://www.antiterror.kz/pakistan/news_2011-04-20-14-34-49-715.html

[336] Reuters. 22.04.2011.
[337] AFP. 23.04.2011.
[338] AFP. 26.04.2011.
[339] AFP. 03.05.2011.
[340] NEWSru.co.il. 17.04.2011; Reuters. 30.04.2011.
[341] ИТАР-ТАСС. 17.01.2011.
[342] CNN. 08.01.2011.
[343] AFP. 02.03.2011.
[344] ИТАР-ТАСС. 12.03.2011.
[345] Там же. 30.03.2011.
[346] РИА Новости. 27.04.2011.
[347] URL: http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/25-04-11a.htm
[348] Эксперт. 28.04.2008. №17 (606).
[349] Там же.
[350] The Daily Telegraph, UK. 2009.08.25.
[351] URL: http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/
[352] AFP. 21.01.2010.
[353] Associated Press. 01.02.2011.
[354] ИТАР-ТАСС. 20.02.2011.
[355] The Associated Press. 04.04.2011.
[356] В 1954 году Иорданией был принят закон, предоставляющий право на гражданство всем (кроме евреев), имевшим гражданство Палестины до 15 мая 1948 года и постоянно проживавшим в Иордании с декабря 1949 по февраль 1954 года.
[357] URL: http://www.baltinfo.ru/2011/01/15/
[358] The Associated Press. 28.01.2011.
[359] Королева Рания, по мнению иорданского большинства, не только ведет себя слишком «раскованно» с точки зрения исламских норм, но и слишком активно «помогает» своим соплеменникам с Западного берега Иордана, и прежде всего близким родственникам, в результате чего фактически возглавила крупнейшую в стране «олигархическую» группу. Это особенно тревожит «коренные» иорданские кланы по той причине, что палестинцы, в Иордании ущемляемые по части занятия государственных и административных постов, по мере рыночных экономических реформ короля Абдаллы II занимают в стране все более прочные позиции во всех отраслях бизнеса. Поэтому коренные иорданцы обвиняют королеву Ранию в коррупции и грабеже национальной экономики, а палестинцы ее защищают как «жертву иорданского национализма».
[360] Reuters. 08.02.2011.
[361] URL: http://www.rian.ru/arab_news/20110325/357909022.html
[362] Reuters. 25.03.2011.
[363] Ibid. 15.04.2011.
[364] ИТАР-ТАСС. 16.04.2011.
[365] Jordan Times. 16.04.2011.
[366] Понимая угрозу политической устойчивости страны со стороны этнического большинства палестинских арабов, король уже давно ввел в законодательство такую «нарезку» избирательных округов, при которой представительство в нижней палате парламента от провинциальных «коренных» малонаселенных иорданских территорий существенно превышает представительство от городов, включая столицу, в которых проживает большинство палестинцев.

[367] Euronews. 30.01.2011.
[368] BBCnews. 05.02.2011.
[369] Al-Arabia. 23.02.2011.
[370] Особенно ярко это проявилось в 80-х годах XX века в Афганистане и Пакистане.
[371] URL: http://www.rosbalt.ru/main/2011/02/28/823840.html
[372] AFP. 19.03.2011.
[373] The Associated Press. 04.04.2011.
[374] AFP. 30.04.2011.
[375] ИТАР-ТАСС. 01.11.1999.
[376] Euronews. 19.02.2011.
[377] РИА Новости. 20. 11.2011.
[378] URL: http://www.pln-pskov.ru/allworld/88918.html
[379] URL: http://www.news.mail.ru/politics/5466424/
[380] URL: http://www.vesti.ru/doc.html?id=435666&cid=9
[381] AFP. 31.03.2011.
[382] Отметим, что такого рода протесты и обвинения в необъективной информационной политике телеканала регулярно предъявляются эмиру исламскими странами много лет, но он неизменно отвечает, что не может вмешиваться в редакционную политику «Аль-Джазиры», специально созданной как полностью независимый глобальный исламский телеканал.
[383] ИТАР-ТАСС. 03.03.2011.
[384] URL: http://www.vesti.ru/050311
[385] URL: http://www.antiterror.ntvru.com/article/70.html
[386] URL: http://www.zvezda.ru/geo/2011/03/23/bahrain.htm
[387] Calgary Herald. 20.02.2011.
[388] URL: http://www.subscribe.ru/archive/job.lang.arabinform/201102/14140054.html
[389] URL: http://www.rian.ru/world/20110218/335766594.html
[390] URL: http://www.vesti.ru/doc.html?id=430030
[391] URL: http://www.39151.ru/(S(tpzhqqz3btjoyuuu3ouqljo2))/LentaNewsFull.aspx?topic=37234
[392] URL: http://www.313news.net/news/a-5262.html
[393] URL: http://www.i-r-p.ru/page/stream-event/index-27379.html
[394] Reuters. 12.03.2011.
[395] URL: http://www.gazeta.ru/news/lenta/2011/03/12/n_1742997.shtml
[396] BBC. 13.03.2011.
[397] URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2011/03/110315_bahrain_protesters_police_clash.shtml
[398] URL: http://www.kommersant.ru/doc/1605894
[399] URL: http://www.iranembassy.ru/?section=news&page=article&view=article&id=634&PHPSESSID=hso9fek9pt69u8pk9hp74auai5
[400] URL: http://www.newsru.com/world/25mar2011/bl_vostok.html
[401] URL: http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html
[402] URL: http://www.newsru.co.il/mideast/19apr2011/bahrain8007.html
[403] The Independent. 22.04.2011.
[404] URL: http://www.utro.ru/news/2008/03/18/724538.shtml
[405] URL: http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/18-03-11.htm
[406] URL: http://www.lifenews.ru/news/52327
[407] Reuters. 01.03.2011.

[408] URL: http://www.rbcdaily.ru/2011/03/14/world/562949979853345
[409] URL: http://www.km.ru/voennye-omana-podavili-besporyadki-na-arabskom-maidane
[410] The Associated Press. 18.04.2011.
[411] URL: http://www.polit-nn.ru/?pt=news&view=single&id=38406
[412] URL: http://www.news.mail.ru/incident/2206166/
[413] URL: http://www.rg.ru. 19.01.2010.
[414] РИА Новости. 11.01.2011.
[415] AFP. 11.01.2011.
[416] ИТАР-ТАСС. 17.04.2011.
[417] AFP, BBCnews. 20.04.2011.
[418] Encyclopedia Britannica.
[419] Коммерсантъ. 29.08.2003.
[420] Lenta.ru.
[421] BBCnews. 04.12.2010.
[422] URL: http://www.lenta.ru/news/2010/12/27/gbagbo/
[423] URL: http://www.newsru.com/world/31mar2011/kotdivuar.html
[424] TF-1 (французский телеканал). 04.04.2011.
[425] URL: http://www.mn.ru/interview/20110414/301045201.html
[426] BBCnews. 11.01.2011.
[427] Ibid. 31.01.2011.
[428] The Associated Press. 03.04.2011.
[429] URL: http://www.km.ru/bsssr/2011/05/01/besporyadki-v-kirgizii/obse-provotsiruet-novyi-konflikt-v-kirgizii
[430] ИТАР-ТАСС. 14.04.2010.
[431] Цит. по: URL: http://www.bdg.press.net.by/1998/98_09_03.498/kl_.htm

Подписано в печать 16.05.2011. Формат 60x90 1/16.
Бумага офсетная №1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. Тираж 500 экз. Заказ №

МОФ-ЭТЦ. 123001, г. Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2

Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНИТИ».
140010 Люберцы, Московской обл., Октябрьский пр-кт, 403.
Тел. 554-21-86